

51X)
1146

944596

Проф. Н. Н. Пальмов.

ЭТЮДЫ

ПО ИСТОРИИ ПРИВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ.

ЧАСТЬ I.

XVII и XVIII века.

Издание Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета
Астрахань

1926

9 (к) пр. 07
А Д-146

пр 19982

Проф. Н. Н. Пальмов.

Многоуважаемой
Евдокии Кудряковой
Калининской

от автора.

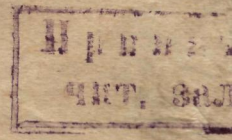
г. XI. 26.

Э Т Ю Д Ы

ПО ИСТОРИИ ПРИВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ

XVII и XVIII века.

Часть первая.

ИЗДАНИЕ

КАЛМЫЦКОГО ОБЛАСТНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Астрахань.

1926.

Астрахань тип. Калмоблиздата
Облит № 170. Тираж 500 экз.

9654456

АСТРАХАНСКАЯ
областная научная
библиотека
им. Н. К. Крупской

Начато набором 16 августа 1926 года—окончено печатанием 9 сентября 1926 года.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

СТРАН.

ОТ АВТОРА V—VI

I. Год прихода калмыков на Волгу. 1—8
Новые данные по этому вопросу

II. Связи калмыков с Дальним Востоком. Манджуро-китайское посольство у калмыков в 1714 году. 9—49

Факты, показывающие связь калмыков с Д. Востоком и по уходе из Джунгарии, 9—11. Политическое положение Монголии после 1640 года, 11—13. Посольство Эрке-гецюля в 1699 году и Самтана в 1710 году в Пекин и сношения хана Аюки с Джунгарией, 13—16. Наказ некийским послам и действительная цель посольства, 16—19. Мнение о сватовстве богдыхана на дочери калмыцкого хана, 19—22. Приготовление калмыков к встрече манджуро-китайцев, 22—24. Приезд посольства в Саратов и прием его в урочище Монтохой, 24—30. Аюка развлекает послов, 30—33. Кибитка калмыцкого хана в сравнении с кибиткой золотоордынского хана, 33—36. Разговоры Аюки с манджурскими стрелками и калмыцких лам с послами, 36—41. Прощальный прием посольства, 41—43. Подарки послам и их отъезд, 44—45. Результаты посольства, 46—47. Связано ли с приездом манджуро-китайцев объявление Аюкой Чакдоржана наследником и вручение ему печати, 47—49.

III. Калмыки и Джунгария за период времени с 1723 по 1728 год, 50—75

Приезд Шакур-ламы из Тибета в калмыцкую степь, 50—53. „Повеление“ далай-ламы, 53—56. Нелегальные и легальные сношения калмыков с Джунгарией; джунгарский посланец Всея; посланец Илжа; вести о Джунгарии, доставленные А. П. Волынскому, 56—60. Владелец Дорджи Назаров и хун-гайджи Цеван-Рабтан, 60—63. Посылка Еке-Абугая в Джунгарию; замыслы кыргызов-кайсаков, 63—65. Посылка Мамута в Джунгарию; возвращение оттуда Еке-Абугая и его сообщение о смерти Цеван-Рабтана, 65—70. Опасение калмыков нападения со стороны Джунгарии, 70—72.

Приложение, 73—75.

IV. Поездка калмыков на Дальний Восток в 1729 году, 76—100

Отправка посольства, 76—80. Задержка четырех калмыков, возвращавшихся из Пекина в степь и судебное следствие над ними в Мечетной крепости, 81—85. Цель поездки калмыков в Пекин, 85—88. „Противность“, найденная в письмах у четырех калмыков, 88—90. Задержка Намки-гелена и следствие над ним, 91—96. Отпуск его в степь, 97—100.

V. Обзор писем, связанных с калмыцким посольством 1729 года, 101—116

Занятосованность калмыков и манджуро-китайцев в политическом моменте, 101—103. Письмо Дорджи Назарова к богдыхану; характеристика этого владельца, 103—107. Письма Лубжи, Дамбо, „русского зайсанга“, Донир-аран-джамбо и др., 107—114. Приложение, 111—116.

IV.

VI. Маньчжуро-китайское посольство у калмыков в 1731 году, 117—200

Представление Намки-геленя и предложения пекинских послов о выездах из Джунгарии, 117—120. Причины замедления приезда пекинского посольства в степь, 121—122. Выезд из Москвы, 122—144. Встреча и прием посольства в Пензе, 124—126. Разговоры В. М. Бакунина с послем Мандаем о калмыках, 126—130. Разговор Бакунина с Горжыяном по поводу слуха о войне России с Турцией, 130—131. Приезд посольства в Саратов и ожидание отправки в калмыцкие улусы, 131—133. Стремление манджуро-китайцев скорее ехать к калмыкам и посылка письма к хану Церен-Дондуку, 133—140. Прием послами калмыцких зайсангов в Саратове, 140—145. Убеждение Бакуниным В. П. Беклемишева ехать к калмыкам при посольстве, за отказом И. П. Измайлова, 146—149. Правительственные указания Беклемишеву о приеме посольства ханом, 150—152. Выезд посольства в улусы и разговор Беклемишева с Шакур-ламой по содержанию грамоты к хану, 152—159. Изображение зайсангами положения калмыков в России в разговоре с послами, 159—162. Первый прием посольства ханом, 162—168. Второй прием, 168—170. „Словесное предложение“ богдыхана, 170—176. Послы у Шакур-ламы, 176—179. Составление ответного „листа“ от Церен-Дондука к богдыхану, 179—184. Прощальный прием посольства, вручение „листа“ и ответ хана на „словесное предложение“, 184—189. „Шартыулярные“ разговоры, 189—193. Отъезд послов; бегство кайсаченина Якшибая; роль Дорджи Назарова, 193—198. Доклад Беклемишева в коллегию ин. дел. о приеме посольства и доклад послов богдыхану о результатах поездки к калмыкам, 198—200.

VII. Джунгарец Лоузанг-Шуну в калмыцкой степи, 201—237

Приезд Лоузанга-Шуну в калмыцкую степь; взгляд на него калмыков; действия его и отношение к нему русских властей, 201—209. Принятие русского подданства, 209—212. Переговоры с пекинским посольством в 1731 году, 212—219. Участие в событиях калмыцкой жизни после 1731 года, 219—226. Позиция Лоузанга-Шуну, 226—228. Черень-Балзан; ее положение по смерти мужа, 228—233. Политические планы Лоузанга-Шуну, 233—237.

VIII. Отправка калмыцкого посольства в Тибет в 1737 году, 238—255

Задачи посольства, 238—241. Льготы, предоставленные посольству, 241—244. Отказ пекинского правительства в пропуске посольства чрез границу, 244—248. Возвращение посольства в калмыцкую степь и допрос Джембо-Джембо, 248—252.

Приложения, 252—255.

Указатель собственных имен и географических названий, 257—264

О Т А В Т О Р А.

Настоящее издание составлено из ряда очерков, большая часть которых была написана два—три года тому назад. Однако, пред печатаньем и раньше написанные очерки не были оставлены без пересмотра, что отмечено двойными датами в конце их.

Издаваемые материалы тесно связаны между собой, относясь к выяснению причин, повлиявших на уход большей части приволжских калмыков под протекторат Китая в 1771 году, чрез 140 почти лет по приходе их из Джунгарии на Волгу, если годом его признать 1632. Непрерывавшиеся связи калмыков с Монголией, Китаем и Тибетом составляют факт, ярко выступающий в калмыцкой истории. Силы притяжения воздействовали на калмыков и со стороны Джунгарии, и со стороны Китая, но исторические обстоятельства складывались так, что сначала Джунгария, после отчаянных попыток и усилий сохранить политическую независимость, подпадает владычеству Китая, а затем, меньше чем чрез два десятилетия, та же участь постигает и приволжских калмыков.

Конечно, искусными действиями одной пекинской дипломатии нельзя объяснить ухода калмыков. Наряду с этим необходимо принимать в соображение тяжелое социально-экономическое положение, в каком оказались калмыки после того, как их первоначальная автономия, определявшаяся шертвальными записями XVII века, с петровской эпохи стала больше и больше нарушаться правительством, стремившимся к полному подчинению себе калмыков. Деспотизм и своеволие владельческого класса развивались; бодрый и жизнеспособный народ беднел, морально падал и обезличивался, переходя из относительно свободного состояния в состояние рабской покорности своим господам. Выяснению этой стороны дела будут посвящены дальнейшие части „Этюдод“, материал для которых уже имеется.

Автор сознает, что выпуску „Этюдод“ следовало бы предпослать издание исторических документов, необходимых как для проверки высказываемых суждений, так и в целях большей полноты и ясности самых исторических картин. Эти документы в той их части, которая могла быть извлечена из Калмыцкого Архива в Астрахани, собраны и подготовлены к печати, но большой об'ем их заставляет отложить издание, так как оно требует значительных денежных издержек. Наиболее ценные документы, хотя далеко не все, помещены в настоящей книжке в качестве приложений к отдельным очеркам.

С другой стороны, автору известно, что документами Калмыцкого Архива, как он ни богат ими, далеко не исчерпывается то, что необходимо было бы так или иначе привлечь к работе и чем надо было бы дополнить отдельные ее части. Извлечение материалов из других архивов и, в особен-

ности, из центральных не было возможно для автора. При совершенной неразработанности калмыцкой истории, в этом может находить объяснение наличие частичных пробелов в тракциях и, может быть, оспариваемость отдельных предположений и догадок, которые приходилось допускать в надежде на коррективы к ним в будущем. Но, во всяком случае, фактическая часть, как наиболее важная, но до сих пор остающаяся менее всего известной историкам, составляла одну из главных забот автора, и в этом отношении он стремился добыть все, что было в его силах и что возможно было в различных условиях работы.

Наконец, автор считает прямым своим долгом выразить глубокую признательность Президиуму Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, с председателем его **Х. Б. Кануковым** во главе, за неизменное внимание и сочувствие к научно-исследовательским работам по истории калмыцкого народа и за предоставление материальной возможности к выпуску „Этюдov“, несмотря на всю экономическую стесненность Калмыцкой Области в настоящее время. Глубокую благодарность приносит автор академикам **Ф. И. Успенскому** и **С. Ф. Платонову** за весьма важное содействие по получению научных пособий и справок из Библиотек Академии Наук и Азиатского Музея, а также сердечно благодарит сотрудников по Калмыцкому Областному Архивному Бюро **А. А. Лебединского** и **А. В. Левитскую**, которой, между прочим, принадлежит труд составления указателя, студента Ленинградского Института Живых Восточных Языков, **М. М. Халышева** за тщательный перевод ряда калмыцких текстов при сопоставлении оригиналов с их старинными переводами, а также других лиц в той, или иной мере содействовавших выходу книжки в свет.

Автор.

2/ix—26 г.

Астрахань.

Год прихода калмыков к низовьям Волги.

Давно уже интересует историков вопрос, в каком году калмыки пришли из Джунгарии на Волгу и расположились кочевьями в ее низовьях. Не касаясь старых авторов, укажем, что сравнительно в недавнее время по этому вопросу был опубликован Н. И. Веселовским новый документальный материал, в виде правительственной переписки по делу о посольстве Тиханова из Москвы в Персию в 1613 году.

Ссылаясь на содержащуюся в этой переписке грамоту московского правительства к калмыкам о содействии их к беспрепятственному проезду Тиханова от Самары на Яик и дальше на Ургенч, в каковой грамоте калмыкам напоминает о данном ими во времена Шуйского (1606—1610) обещании верно служить Москве, — Веселовский находит возможным видеть в этой калмыцкой орде ту орду, от которой в 1608 году приезжал к московскому царю, вместе с другими калмыцкими тайшами, Шевчей, сын Хо-Орлока, местом же кочевий орды в 1613 году он считает район Эмбы и Иргиза.

Разбирая документы, опубликованные Веселовским, и оценивая толкование их названным ученым, А. А. Гераклитов — автор «Истории Саратовского края в XVI—XVIII вв.», изданной в Саратове в 1923 году, не находит «никаких оснований» относить к упомянутой калмыцкой орде указание грамоты 1613 года на сношение калмыков с московским правительством при Шуйском. «Такие сношения», — говорит Гераклитов, — «так же возможны и даже более вероятны для тех орд, какие кочевали у границ Сибири». По мнению Гераклитова, нет точно также оснований считать местом кочевий калмыков в 1613 году район Эмбы и Иргиза. Дело в том, что хотя правительство посылало грамоту к калмыкам, которых мог встретить на пути Тиханов, тем не менее ему давался наказ из Москвы — избегать встречи с «облавниками калмыцкими людьми», а чтобы

от этих облавников «уберечись», посланнику рекомендовалось от Самары «ехать нижнею дорогою, податися к Сарайчику». «Иргиз», — рассуждает Гераклитов, — «слишком близок к Самаре, и посольству никак нельзя было миновать его»; следовательно, «будь там калмыки, встреча с ними для посольства была бы неизбежна». С другой стороны, если «для избежания встречи с калмыками нужно было спуститься к Сарайчику», то, значит, «их не было и в низовьях Эмбы»¹. Где же, спросим, кочевали калмыки, встречу с которыми Тиханова предполагало московское правительство? — На этот вопрос Гераклитов не дает прямого ответа.

Разногласие, получающееся между Веселовским и Гераклитовым при обсуждении одного и того же документального материала, конечно, указывает на недостаточность его в решении возникающих вопросов. Отсюда является стремление восполнить отсутствующие факты логическими заключениями, отражающими на себе в большей или меньшей степени субъективные взгляды, так что, не смотря на возражения Гераклитова, все же можно держаться и предположений Веселовского. В самом деле, если московское правительство адресовало грамоту к калмыкам, которых, по его предположению, мог встретить Тиханов на пути, то оно знало, что между этой калмыцкой группой и приезжавшими в 1608 году в Москву калмыцкими представителями существует связь, обязывающая и ее соблюдать верность договора. А что касается самой встречи Тиханова с калмыками, то, при наличии у них более или менее постоянной базы между Эмбой и Иргизом, она могла быть вполне возможна, если принять во внимание постоянные передвижения калмыков в целом, или, как указывается в документе, в отдельных частях — «облавники калмыцкие люди» — с востока на запад от Эмбы и Иргиза в направлении к р. Уралу и обратно. При очередном налете калмыков на запад, Тиханов и мог встретиться с кочевниками. Но, во всяком случае, до низовьев Урала, где верстах в 70 выше нынешнего Гурьева находятся развалины татарского Сарайчика², калмыки, по имев-

¹ Цит. изд., стр. 210.

² В. В. Григорьев — «О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды» в сборнике „Россия и Азия. СПб. 1876,“ стр. 279, примеч. 39.

шимся в Москве сведениям, в 1613 году не доходили. Почему? Потому что в своих набегах калмыки преследовали задачи борьбы с нагайцами, кочевавшими между Волгой Уралом, но несколько севернее Астрахани и Сарайчика.

П. Г. Любомиров, в критической заметке о труде А. А. Тераклитова³, уже указал автору на необходимость привлечения к вопросу о калмыках тех данных, какие можно найти в актах, относящихся к времени правления Шуйского. Здесь имеются сведения, показывающие, что смелые и участвовавшие в набегах калмыков до такой степени стали страшны нагайцам, что у них явилось даже подозрение, не было ли целью приезда калмыков в Москву в 1608 году добиться права на полное подчинение себе нагайцев, — „не подаст ли их государь калмыкам“, задавались беспокойною мыслью нагайцы⁴. Следовательно, еще во времена Шуйского калмыки в той передовой группе, которая прокладывала дорогу основной их массе под предводительством Хо-Орлока в движении от Джунгарии к западу, стремились прижать нагайцев к Волге и даже оттеснить их в степь на правый берег реки, чтобы самим обосноваться при Волге, заняв кочевьями привольные и богатые кормами луга. Борьба с нагайцами не страшила калмыков, — они видели упадок былой политической мощи нагайцев, внутреннее их разложение и даже физическое вымирание под влиянием постоянных голодовок⁵. Но угроза от киргиз-кайсаков, предводительствуемых султаном Батырем, была существенна для калмыков. Поэтому прямым смыслом для них было поехать в Москву и привлечь к себе расположение правительства, в целях заручиться от него поддержкой против киргиз-кайсаков.

Оказывается, таким образом, что разрешение вопроса о времени окончательного прихода калмыков на Волгу необходимо связывать с исходом борьбы их как с нагайцами, покровитель-

³ Ж. „Нижнее Псковье. Саратов. 1924. № 6. Ноябрь,“ в отд. библиографии, стр. 91.

⁴ „Смутное время московского государства. 1604—1613 г. г. Вып. 2. Акты времени правления ц. Василия Шуйского (1606 г. 19 мая—17 июня 1610). Собрал и редактировал А. М. Гнесушев“. Чт. в Об-ве Ист. и Древн. Р. за 1915 г., кн. 2 (253), стр. 170, 175, 196; ср. стр. XVII.

⁵ Начало этому разложению нагайцев было положено в XVI веке политической Москвой. Факты можно видеть из книги П. Х. Хлебникова — „Астрахань в старые годы. I. Вторая половина XVI века. СПб. 1907“.

ствуемыми московским правительством, так и с киргиз-кайсаками. Только при условии полного обесцениения первых и при устранении опасности нападений со стороны вторых, возможно становилось осуществление задуманного калмыками плана устроиться на берегах Волги. С данной точки зрения, не так важно искать годы, когда калмыки увидели Волгу в первый раз, — они могли увидеть ее вскоре после того, как стали производить свои налеты на нагайцев в начале XVII века, — но гораздо важнее определить тот удобный политический момент, которым воспользовались калмыки и, подойдя к Волге, почувствовали себя господами положения в такой степени, что перестали опасаться за свою дальнейшую судьбу и порешили остаться здесь. Из «Актв времени междуцарствия» видно, что летом 1611 года калмыки в массе все еще довольно далеко держались от Волги, — они производили очередные налеты на нагайцев «из-за Яика»⁶. Не было калмыков на Волге в 1613 году; не было их там и в 1614 году; не было даже в 1622 году, как это удостоверяется отпиской астраханских воевод в Москву в июне того же года. При наличии этой важной в нашем вопросе отписки, обнаруженной в б. гл. архиве мин. ин. дел в Москве А. А. Гераклитовым и приводимой им в соответствующей выдержке⁷, получает особую ценность сообщение Нефедьева, что владелец Лоузанг, вместе с Эйденгом, появился на берегах Ори и Эмбы только в 1620 году⁸. Под своей командой Лоузанг успел сосредоточить настолько значительные силы калмыков, что предпринял уже серьезное движение к западу и, как увидим ниже, сумел прочно стать на берегах Волги и открыть сюда дорогу Хо-Орлоку.

Когда же это произошло?

В „Очерке истории Калмыцкого народа“, напечатанном в 1922 году, я писал, что предводитель калмыков — тор-

⁶ „Смутное время моск. государства, 1604—1613 г. г. Актв времени междуцарствия (1610 г. 17 июня—1913 г.). Под редакцией С. В. Богдановской и И. С. Яблонина“. Чт. в Об-ве Ист. и Др. Р. за 1915 г., кн. 4 (255), стр. 25. Слова русского посланца Прокопия Вражского в разговоре с нагайским Нурадын Шеметерск. мурзой 18 июля 1611 года.

⁷ Цит. изд., стр. 212, примечание.

⁸ Н. Нефедьев — „Подробные сведения о Волжских калмыках, собранные на месте. СПб. 1834“, стр. 16.

гутов «Хо-Орлок пришел на Волгу только в 1630, а может быть даже в 1632 году» (стр. 6), причем вторую дату я заимствовал из „Сказания о Дербен-Ойратах“, составленного эмчи Габун-Шарапом в 1737 году (стр. 8). Склоняясь больше к 1632 году, я, однако, не выставлял имевшихся у меня оснований для оправдания этого года, так как ожидалась специальная работа по вопросу о времени прихода калмыков на Волгу специалиста-монголоведа, Вл. Л. Котвича. В декабре 1922 года он прислал свою статью в редакцию ж. „Ойратские Известия“, издававшиеся с начала 1922 года при КалмЦИК'е, но, за прекращением издания, статья Вл. Л. Котвича, проливающая свет на спорный вопрос, к сожалению, осталась неопубликованной.

Уже в 1924 году, при дальнейшем изучении исторических документов Астраханского Калмыцкого Архива, я встретил новый материал, которым имею возможность теперь воспользоваться. Это — историческая записка о калмыках, составленная 8 марта 1774 года тремя демчями (судьями), заседавшими в калмыцкой экспедиции при астраханском губ. правлении, для академика П. С. Палласа, командированного в Астраханскую губернию для всестороннего ее изучения.⁹ Оригинал записки — на калмыцком языке; перевод ее на русский язык принадлежит ученику калмыцкого языка Ипату Федотову, состоявшему при калм. экспедиции в качестве переводчика. „Сказывают“, — читаем в записке, — „что на Яик и на Волгу вышел прежде владелец Лоузанг, а в котором точно году, — мы ни от кого не слышали. Да еще слышали от престарелых людей, что Хо-Орлок и Дайчин вышли на Волгу в году, но точно ли в том году, или нет, неизвестны, ибо у нас, калмык, за неимением разных канцелярий, летописцы хранились только у главных правителей народа, каковые наместник¹⁰ при побеге¹¹ с собою увез“.

В приведенном тексте ясно обозначается одновременность прихода Лоузанга и Хо-Орлока на Волгу. Если бы приход их не был разделен некоторым промежутком времени, то составители записки не затруднились бы вопросом о дате первого события,

⁹ Астр. Калм. Архив (АКА), д. 1774 года, № 417, лл. 5—8.

¹⁰ Убуши, сын х. Дондук-Даша, правивший калмыками с 1761 года

¹¹ В 1771 году.

не возникало бы даже самого вопроса¹². Известный промежуток времени, очевидно, был употреблен Хо-Орлоком на разведки в целях определить, можно ли калмыкам рассчитывать на прочность поселения у Волги в виду наличия здесь русских военных сил, и после того, как на факте благополучного пребывания Лоузанга у Волги убедился в толерантном отношении местных воевод к калмыкам, двинулся на Волгу с остальными торгутами. Год прихода Хо-Орлока указывается демчелями: это был год „воды и обезьяны“, „усун-мечин“, как читается в калмыцком тексте записки. Ипат Федотов оказался бессильным перевести его на европейское летосчисление и в русском тексте оставил свободное место там, где следовало писать год. По таблице калмыцкого летосчисления у Нефедьева¹³ легко вычислить, что в XVII веке год воды и обезьяны соответствовал нашему 1632 году.

Указание составителей записки, что источником их сведений о приходе на Волгу Лоузанга и Хо-Орлока служили рассказы стариков, и что сами они не могут сослаться на какие-нибудь летописные известия, за отсутствием их, свидетельствует о независимости записки от сказания Габун-Шарапа, чем подтверждается факт действительно одновременного прихода Лоузанга и Хо-Орлока на Волгу, а в вопросе о времени прихода последнего — правильность даты 1632 года.

В народной памяти не следует в данном случае относиться с подозрением. Образованные калмыки передавали мне, что у степняков удивительно твердо и точно хранятся в памяти даты выдающихся в их жизни событий и происшествий. В рассказе о них старый калмык не позволит себе опустить хронологическую обстановку события, — он припомнит и год, и сезон года, и месяц; назовет день, даже время дня; укажет состояние погоды; не обойдет и мелочей. Конечно, хронология такого крупного события в народной жизни, как переселение калмыков из Джунгарии на Волгу, не могла не запечатлеться в памяти народа, и поэтому надо дать полную цену достоверности сообщениям стариков, на которые опираются составители записки, имевшей не случайный, а официальный характер.

¹² По Габун-Шарапу, Лоузанг вышел на Волгу в 1630 году.

¹³ Цит. изд., стр. 235—238.

Наконец, дата 1632 года удобно вяжется с концом политической истории Шийдяковской орды нагайцев, кочевавшей, в пределах тогдашнего астраханского края при Волге. К 30-м годам XVII столетия эта орда стала все больше и больше расплываться, откочевывая, под давлением калмыков, преимущественно в степи по правому „крымскому“ берегу Волги. В грамоте московского правительства к астраханским воеводам от начала 1635 года по поводу мер к преграждению доступа калмыкам на правый берег Волги, куда они готовились идти в целях нападения на нагайцев и собрались даже просить на то разрешения у воевод, определенно говорится: «А на крымскую сторону отошли они (нагайцы) от их (калмыков) насильства и войны». Не давая нагайцев в обиду калмыкам, воеводы должны были внушить последним, чтобы они, по состоявшимся „наперед сего“ договорам, остались «на прежних своих кочевьях, а за Волгу б не ходили»¹⁴. Из грамоты от 30 апреля того же 1635 года узнаем, что уход нагайцев на правый берег Волги последовал в 1634 году, а, может быть, даже и в 1633 году. Опасаясь, как бы эдисанских и юртовских татар не постигла та же участь, что выпала от калмыков на долю нагайцев, татарские мурзы просили Москву о защите и писали в своей челобитной: „В прошлом во 142-году от тех калмыцких людей, и от их частых приходов, и от разорения, нагайские мурзы с их улусные люди от Астрахани с нагайские стороны перешли на крымскую сторону и откочевали вдаль“¹⁵. Поставленный здесь сентябрьский (7) 142 год соответствует январскому 1634 году с января по сентябрь и захватывает 1633 год с сентября по декабрь включительно. В промежуток времени с 1 сентября 1633 года по 1 сентября 1634 года нагайцы и принуждены были откочевать на правый берег Волги, углубиться в «крымские» степи и уступить левобережную степь калмыкам. Нагайцам не под силу оказалось бороться с мощной ордой Хо-Орлока и не приходилось рассчитывать на русскую помощь при отстаивании за собой прав на прежние кочевья.

Во всяком случае, 1634 год, принимаемый А. А. Геракли-

¹⁴ „Астраханские Губ. Ведомости“ за 1852 год, № 1, ч. неофф. „Акты, хранящиеся в архиве астраханск. губ. правления.“

¹⁵ Дополн. к Актам Историческим. II. СПб. 1846, № 62, стр. 151.

товым за год прихода Хо-Орлока на Волгу¹⁶, должен быть исправлен, скорее всего, на 1632 год, так как калмыки, покончив счёты с нагайцами и расположившись кочевьями у левого берега Волги, с 1634 года вступают в упорную борьбу с эдисанскими и юртовскими татарами, претендовавшими на кочевье в астраханских степях. В дальнейшей истории астраханского края разворачиваются новые события, видными участниками которых оказываются калмыки.

1 февр. 1925 г.

¹⁶ Цит. изд., стр. 211.

II.

Связи калмыков с Д. Востоком. Манджуро-китайское посольство у калмыков в 1714 году.

1.

Связи с Д. Востоком не прекратились у калмыков и после того, как калмыки расположились кочевьями в астраханских степях.

Спустя восемь лет по приходе Хо-Орлока на Волгу, мы видим калмыцкого предводителя с его сыновьями Шукур-Дайчином и Индыном на с'езде (курултае) вождей западной и восточной Монголии, имевшем место, по преданию, в урочище Шибэгыин-улан-бура, у Тарбагатайских гор. С'езд монгольских вождей был в 1640 году. Хо-Орлок получил особое приглашение на этот с'езд, как как предметом обсуждения на нем стоял важный вопрос об объединении восточной и западной Монголии и о той роли, которую должна была играть при этом отошедшая на Волгу значительная группа торгутов. К сожалению, мы не знаем, в чем должна была активно выражаться роль торгутов, и допускаемая Фишером теория о завоевательных намерениях монголов, в памяти которых будто бы воскресла чингисхановская идея панмонголизма, пока не находит подтверждения.

Нападение Хо-Орлока на Астрахань в 1644 году можно было бы поставить в связь с воинственными речами, раздававшимися на с'езде 1640 года, в том лишь случае, если бы была доказана согласованность предприятия торгутовского вождя с военными движениями монголов в тот же самый момент, а с другой стороны, если бы не находилось более простого объяснения данному событию в том, что оно произошло под воздействием донских казаков, возмущенных решением московского правительства относительно Азова и вымещавших свою досаду нападениями на приволжские города: казаки прислали к Хо-Орлоку подарки и просили его оказать им помощь в рас-

праве с воеводами ¹. Хо-Орлок пошел на Астрахань и сложил под ее стенами свою голову.

В. Л. Котвич, признавая весьма тесною изначальную связь приволжских торгутов с ойратским союзом, склонен видеть ее ослабление после смерти Хо-Орлока ². Конечно, в общем это совершенно правильный взгляд. Время шло своим порядком, калмыки прикреплялись к новым кочевьям, местные интересы политико-экономического характера овладевали ими. Тем не менее, остаются на лицо исторические факты, свидетельствующие о том, что даже при разобщенности торгутов и их дальневосточных сородичей, вследствие громадного земельного пространства, отделяющего одних от других, не только никогда не прекращалась внутренняя связь между ними, но по временам она находила себе и внешнее выражение. В 1645 году при Шукур-Дайчине приезжает в калмыцкие кочевья Зая-Пандита, известный деятель ламаинства, составитель калмыцкой азбуки и переводчик нескольких ламаитских сочинений на калмыцкий язык. В 1646 году Шукур-Дайчин, женатый на дочери джунгарского хун-тайджи Батура, едет через его владения в Тибет, чтобы получить от далай-ламы санкцию власти над приволжскими торгутами. Может быть, он повторяет свою поездку после 1649 года. В 1654 году на Волгу привозят из Джунгарии 12-ти летнего Аюку, будущего калмыцкого хана, воспитывавшегося в семье деда по матери, вышеназванного Батур-хун-тайджи. В 1690 году далай-лама награждает Аюку ханским титулом. Вот несколько фактов, показывающих связь приволжских торгутов с Д. Востоком в XVII веке. Конечно, сюда необходимо присоединить паломничества калмыков в Тибет чрез Джунгарию, которые в XVII веке были не менее часты, чем в XVIII веке.

С другой стороны, показательны и прикочевки на Волгу более или менее значительных ойратских групп, участвовавшие с 70-х годов XVII столетия вследствие завоевательных тенденций, какие стал проявлять джунгарский правитель Галдан: в 1672 году на Волгу выходит хошоутовский владелец Кюнденг-Убуши с 3 тысячами подвластных кибиток, в том же

¹ Н. Понов - „В. Н. Татищев и его время. М. 1861,“ стр. 240.

² Журнал „Восток,“ кв. 3, Госиздат. Москва. 1923. Петербург. стр. 176—177

году к приволжским калмыкам присоединяется дербетовский Солом-Церен-тайши, в 1676 году то же делает владелица Дорджи Араптань, сестра хана Аюки, вдова, бывшая замужем за хошутовским Очирту-Цецен-ханом.

Наконец, нельзя оставлять без внимания брачные союзы, заключавшиеся между представителями торгутаовского племени на Волге и монгольских племен на Д. Востоке. Калмыцкие правители и владельцы в XVII веке женились преимущественно на джунгарках и вылавали дочерей за правителей и владельцев Монголии. Для нашей ближайшей цели достаточно упомянуть, что хан Аюка, женатый в последний раз на джунгарке Дарма-Бале, в 1698 году выдал дочь Сетер-Джап за Цеван-Рабтана, ставшего правителем Джунгарии, а в 1714 году другую дочь отдал за хошутовского хана (вана), кочевавшего возле Коконора и подвластного китайскому богдыхану.

К сожалению, мы лишены возможности детально проследить историю сношений приволжских калмыков с Д. Востоком со времени прихода калмыков на Волгу, — наличные материалы позволяют вести исследование только с конца XVII века. Предварительно, в целях большей ясности дальнейшего изложения, необходимо в общих чертах коснуться политического состояния монгольских племен на Д. Востоке к тому моменту, с которого начинается первый период в истории названных сношений, хронологически совпадающий с последним 25-летием правления Аюки (1698—1724 годы) и характеризующийся, с одной стороны, стремлением калмыцкого хана упрочить связи калмыков с Джунгарией, а с другой стороны — завязать связи и с манджуро-китайцами, оказавшимися с половины XVII века в положении крупной политической силы, заставлявшей монголов серьезно считаться с собой.

2.

Поставленная на с'езде 1640 года задача об'единения восточных и западных монголов для противодействия манджорам, уже приближавшимся к стенам Пекина, а в дальнейшем грозившим и политической независимости монголов, не нашла себе удовлетворительного решения.

Напротив, властолюбие джунгарского Батур хун-тайджи, вообразившего себя чуть ли не новым Чингис-ханом и задав-

шлось подчинить себе всю Монголию, не только препятствовало прочному объединению западно-монгольских племен, но повело к полному разрыву между восточной и западной Монголией, тем более, что в среде восточных монголов оказался столь же властолюбивый человек, которому не давала покоя мечта стать во главе всей Монголии, это — Ликдан, хан чахарский. Из-за разногласий с Батур-хун-тайджи, в 1637 году Джунгарию покидает Гүши-хан, предводитель хошутов; он перекочевывает к озеру Коконур и в 1639 году завоевывает Амдо и центральный Тибет. Вечные раздоры между восточными и западными монголами служили на пользу манджуро-китайцам. Еще в 1633 году чахары, тушеты и другие, более мелкие монгольские племена были принуждены войти в союз с манджорами при их наступлении на Пекин, а потом — влиться в состав манджурских войск. В 1644 году манджоры овладевают столицей Китая и возводят на китайский трон 6-ти летнего манджурского хана, по имени Шунь-Чжи, родоначальника дайцинской династии, остававшейся в Китае до революции 1911 года. Военный союз с манджорами и переход власти в Китае к последним предопределили дальнейшую политическую судьбу восточных монголов, в смысле подчинения их манджуро-китайцам. Западные монголы оказали в данном случае косвенное содействие Китаю. Обесиленные войнами с Джунгарией, восточные монголы принуждены были обращаться за помощью к Китаю и, в конце концов, оказались в его полной власти. В половине XVIII века и сами джунгарцы потеряли политическую независимость, подчинившись владычеству Китая, явившемуся неизбежным результатом длительных войн с монголо-китайцами. Победа Китая над Джунгарией отдавала в руки китайского богдыхана власть над всею Монголией; но этой победе предшествовала победа над восточной частью ее. С 1670 года джунгарский Галдан-хун-тайджи, носивший почетный титул Бошөкту-хана, непрерывно в течение 18 лет ведет атаку на восточных монголов и в 1688 году разбивает войска Тушету-хана и Сайн-Ноин-хана в генеральном сражении у озера Ологой. Не видя другого исхода для себя, восточные монголы в 1687 году формально уже поступают под протекторат Китая, а в 1697 году Китай вводит в восточной Монголии административное деление по знаменам, в числе 74. С помощью манджуро-китайских войск Монголии удается в том же 1697 году одержать победу над Галданом, который кон-

чает самоубийством. Правление Джунгарией переходит к Цеван-Рабтану, ставленнику Китая³. В эту то пору и завязываются оживленные дипломатические сношения приволжских калмыков с Джунгарией и с Китаем.

3.

Из записок Тулишена, состоявшего в манджуро-китайском посольстве, приехавшем к калмыцкому хану Аюке в 1714 году, мы узнаем, что Аюка в год „желтоватого зайца“, соответствующий нашему 1699 году, отправлял в Пекин посла Эрке-гецюля для „поздравления“ богдыхана. В калмыцкой степи было известно, что посол благополучно доехал до Пекина, был принят на аудиенции богдыханом и презентовал ему большого серого коня. Но обратно посол не вернулся в степь,—вероятно, он погиб дорогой.

В том же самом 1699 году Аюка выдает дочь, по имени Сетер-Джап, за Цеван-Рабтана, ставшего правителем Джунгарии. Годом раньше едет из Калмыцкой степи на богомолье в Тибет Арабжур, сын владельца Назар Мамутова, доводившийся племянником Аюке. Арабжур едет с матерью, Цаган-Замео, сестрой и пятьюстами подвластных калмыков. Посетивши Тибет, он держит обратный путь на Пекин, где задерживается властями под предлогом невозможности проехать в Калмыцкую степь через Джунгарию, вследствие неприязненных отношений, возникших между Аюкой и Цеван-Рабтаном из-за сына Аюки Санжипа, который поссорился с отцом и в 1701 году откочевал в Джунгарию с 15 тысяч калмыцких кибиток. Впрочем, Цеван-Рабтан скоро вернул Санжипа к отцу, но всех его калмыков оставил у себя, раскассировав между джунгарцами⁴. Чрезвычайная заботливость пекинеких властей о безопасности

³ *И. Майский*—„Современная Монголия. Иркутск. 1921,“ стр. 238—239. *Л. Ф. Голстунский*—„Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Довдук-Даши. СПб. 1880,“ стр. 100 и 117. *Н. Н. Бантыш-Каменский*—„Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Издано В. М. Флоринским. Казань 1882“, стр. 4. *М. Н. Воианов*—„Очерки истории бурят-монгольского народа. Под редакцией Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск. 1926“, стр. 36—37.

Арабжюра, как и те милости, какими осыпал его богдыхан, давший ему высокий титул бэйлэ и наградивший земельным участком, не могут не наводить на подозрения. Награждать нужных людей из числа чужестранцев—обычный прием китайского правительства. Так, в свое время были пожалованы в достоинство „ванов“ Амурсана и Дабачи, претенденты на власть в Джунгарии в период междоусобий, возникших после смерти правителя Джунгарии Галдан-Череня⁵. Близкое родство Арабжюра с Аюкой, а также и то, что отец Арабжюра, Назар Мамутов, кочевал в завожской степи до р. Урала, как раз у степной дороги, ведущей в Джунгарию через Оренбургские степи, очевидно, сильно заинтересовали пекинскую дипломатию, и она задумала использовать Арабжюра в своих видах. Пребывание Арабжюра в Пекине создавало связь Китая с приволжскими калмыками, и пекинцы не ошиблись расчетом, что поддержка калмыцкого владельца вызовет присылку посольства за ним с Воюги от калмыцкого хана и даст удобный повод вступить с ним в переговоры по интересовавшему богдыхана и хана джунгарскому вопросу. Действительно, в 1710 году Аюка отправляет в Пекин посланца Самтана с двадцатью товарищами для переговоров о возвращении Арабжюра на родину. Это посольство было разрешено Аюке Петром I и ехало в сопровождении унтер-офицера Суровцова⁶. Брал ли разрешение калмыцкий хан у русского правительства при отправлении в Пекин Эрке-гецюля,—не знаем, но можно предположить, что, получив в 1697 году от Петра⁷ широкие полномочия, связанные с ролью охранителя восточных границ России, он счел излишним хлопотать о дозволении поездки Эрке-гецюлю в 1699 году. Петр был заинтересован торговлей с Китаем, поэтому желание Аюки отправить Самтана в Пекин не встретило возражений со стороны правительства, но прикомандирование к калмыцкому послу унт-оф. Суровцова свидетельствует о возникших у прави-

⁵ История Саянца рассказывается в рукописи В. М. Бакунина, составленной в 1761 году: „Описание калмыцких народов“, и приведена у архим. Гурия—„Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Том 1. Калмыки. Казань. 1915“, стр. 190—191, примеч.

⁶ *Байтши-Даменский*, цит. изд., стр. 75.

⁷ При отъезде Петра за границу весной 1697 года; *М. М. Бойословский*—„Русское общество и наука при Петре Великом“ в приложении к „Отчету о деятельности Академии Наук СССР за 1925 год. Ленинград. 1926“, стр. 8.

тельства подозрениях относительно тайных целей калмыцкого посольства. Правительству хорошо была известна широкая осведомленность Аюки в политических делах Д. Востока, — он был совершенно „в курсе“ тамошней до крайности запутанной политики и умел разбираться в ее дебрях. С другой стороны, не являлось большой тайной и стремление Аюки оставить Россию, — он только колебался, идти ли прямо в Джунгарию и присоединиться к Цеван-Рабтану, или же предварительно явиться на поклон к богдыхану и ждать от него указаний, где расположиться кочевьями под протекторатом Китая. Союз с Цеван-Рабтаном мог бы сулить известную долю политической независимости, если бы дальновидность не подсказывала калмыцкому хану, что политическое падение Джунгарии составляет лишь вопрос времени, и Джунгарии не устоять под натиском Китая, как не устояла пред ним восточная Монголия. Но Аюка все же не порывает добрых отношений с Джунгарией. Как мы видели, он отдает в Джунгарию свою дочь и сам в последний раз женится, около 1699—1700 года, на джунгарке Дарма-Бале, двоюродной сестре Цеван-Рабтана. Дарма-Бала играет не маловажную роль в калмыцкой политике. Не менее мужа озабоченная вопросом о политической будущности калмыков, она является в политике сторонницей джунгарской ориентации и только после загадочной смерти Цеван-Рабтана в 1727 году на время изменяет эту ориентацию на китайскую. Как ни сильно было влияние Дарма-Балы на мужа, ей не удалось вывести Аюку из состояния колеблемости и двойственности в политическом настроении, оторвать его внимание от Китая и склонить к Джунгарии даже в те два критических момента, о которых после, в 1767 году, писал астраханскому губернатору Н. А. Бекетову хошоутовский владелец Замьян ⁸, когда недовольство русской ограничительной политикой в отношении к калмыкам настраивало хана на решение уйти из России. Оказывалось, что в эти тревожные моменты сам Аюка не знал, куда ему удобнее идти и, сознаваясь в бессилии решить трудный вопрос, оставался в России.

Эта же двойственность в политике проглядывает и в одновременном сношении Аюки в 1699 году с Джунгарией и с

⁸ АКА, д. 1769 года, № 352. л. 25.

Китаем. Но если Цеван-Рагтан не сумел во-время использовать связи, предложенные ему Аюкой,—напротив, как бы мстя ему за одновременное сношение с Китаем, не отказал в приеме Санжиша, а затем отобрал у него кибитки и с позором возвратил ханского сына к отцу,—то Китай, с присущей ему дальновидностью, осторожно двинулся на встречу калмыцкому хану, сообразив, что связи с калмыками могут пригодиться. Эрке-гюцоль получает милостивый прием у богдыхана. Большие награды выпадают на долю Арабжюра, а когда по его делу в Пекин приезжает Самтан, то к калмыцкому хану снаряжается посольство из шести сановников: Адагадая, Иньджана, Тулишена, Наяна, Ятуна и Хабуна, с свитой в 26 человек. В Пекине смотрели на это посольство, как на исключительное по важности состава и по той цели, с какой оно отправлялось. Без сомнения, выражая общие взгляды, Тулишен в предисловии к своим запискам замечает: „от начала света подобной посылки не бывало“⁹, а хан Аюка, с своей стороны, как будто повторяя голос китайцев, в письме к астраханскому воеводе М. И. Чирикову от 19 апреля 1714 года пишет: «едут из дальнего государства небывалые послы»¹⁰, небывалые, добавим, не только для Калмыцкой степи, но и для России, даже для Европы¹¹.

По наказу Пекинского правительства послам, как он передается в записках Тулишена, задачей посольства было объявить калмыцкому хану, что, соответственно его представлениям чрез посла Самтана богдыхану об Арабжюре, и сам бог-

⁹ О записках Тулишена, первоначально изданных на манджурском и китайском языках в 1733 году, а затем переведенных на европейские языки, см. у В. Л. Котвича—„Русские архивные документы по сношениям с Ойратами в XVII и XVIII в. I—III. Петроград. 1921“ (из „Изв. Рос. Академии Наук“ за 1919 год), стр. 805. Поразужсь записками по издацию их в русском переводе в „Ежемесячных сочинениях и известиях о ученых делах“ за июль—ноябрь 1764 года, где они напечатаны под заглавием: „Описание путешествия, которым ездил китайские посланцы в Россию бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге,“ стр. 3—48, 99—150, 195—234, 291—353, 387—413 и прибавл. стр. 414—427. Цитируемые слова Тулишена см. на стр. 10.

¹⁰ АКА. п. 1714 года. № 2. л. 48.

¹¹ Манштейн, автор книги: „Современные записки о России в историческом, политическом и в военноподвижном отношении. Перевод с французского подьячника. Часть первая. Дерпт. 1810“, не знал о посольстве 1714 года; *пером*, отправленным в Европу китайским посольством он считает посольство к русскому двору в 1731 году; стр. 142.

дыхан желает отправить калмыцкого владельца на родину, и что все затруднение состоит в решении вопроса, какой путь указать Арабжюру. Что касается отношений богдыхана к главному виновнику задержки Арабжюра, джунгарского правителя Цеван-Рабтана, то в случае, если бы Аюка предложил «соединенною силою истребить Цеван-Рабтана», послы должны были сообщить хану, что джунгарский правитель «с весьма добрым сердцем» относится к богдыхану и очень часто присылает к нему посольства с «поздравлением», в виду чего богдыхан дарит Цеван-Рабтана подарками и вообще оказывает ему благоволение. Поэтому, если бы Цеван-Рабтан даже «и в совершенное пришел бессилие и находился в самой крайней бедности», то и при таком его состоянии богдыхан не пошел бы войной на джунгарского правителя. „Мы только о том едином имеем отеческое попечение“, говорил богдыхан, „дабы всякое в свете дыхание пребывало в тишине и в своем совершенном благополучии. и потому вы точно ведаете; и совершенно в том уверить можете, что мы, в. г. рь, на Цеван-Рабтана ни под каким видом нападать никогда не намерены“¹². Читая эти строки посольского наказа адресованную Аюке, можно было бы подумать, что пекинское правительство, смотревшее на калмыцкого хана, как на врага джунгарского правителя, само было проникнуто дружественными чувствами к Цеван-Рабтану и как будто предостерегало Аюку от нападения на Джунгарию. Но оказывается, что одно писалось в официальном наказе, а совсем другое было на деле. Торговому комиссару П. Р. Худякову, сопровождавшему пекинское посольство до русской границы, удалось выведать от китайцев, что посольство едет к калмыцкому хану с определенной целью подговорить калмыков к военному союзу с Китаем против Джунгарии; об этом Худяков тогда же доложил по начальству. Русское правительство отнеслось с полной серьезностью к сообщению комиссара и около шести месяцев продержало посольство в Селенгинске, так что, выехав из Пекина 15 июня 1712 года, оно только к июлю 1714 года попало в кочевья Аюки под Царицын на Волге. Казанскому губернатору П. М. Апраксину, ведавшему делами Астраханского края,

¹² „Ежемес. сочин. и изв. о рч. делах“, цит. выше, июль, стр. 26—27. У Байтши-Каженского, цит. изд., стр. 174, этот пункт наказа передан не вполне точно.

было предписано всячески отклонять калмыцкого хана от предпологавшихся намерений его начать военные действия против Джунгарии, так как Россия состоит в мирных отношениях с ней. Позже, в 1727 году, гр. С. Л. Владиславич, ездивший в Пекин в качестве русского посланника к двору богдыхана, тоже узнал, что посольство 1714 года требовало от Аюки объявления войны Цеван-Рабтану в виду постоянных обид и притеснений, учиняемых джунгарским правителем монголам, поданным богдыхана¹³. О том же самом узнал в 1731 году от китайцев чиновник И. Глазунов, сопровождавший второе пекинское посольство к хану Аюке от сибирской границы до Москвы; он писал в коллегию иностранных дел, что посольство 1714 года склоняло хана Аюку, „чтоб он от Астрахани откочевал на прежние свои степи, где кочует кон-тайша“, при чем манджуро-китайцы „обналеживали его против кон-тайши вспомогать оружием и богдыханским жалованьем“¹⁴. Наконец, как это увидим ниже, в самых речах Аюки к пекинскому посольству на приеме, без сомнения пропущенных чрез фильтр строгой цензуры в записках Тулишена, увидевших свет только спустя 9 лет после посещения хана Аюки манджуро-китайцами, — в этих речах имеются фразы и намеки, понятные с точки зрения заведомо враждебного, а не дружелюбного отношения богдыхана к джунгарскому правителю, о чем калмыцкий хан знал. Аюка жалуется на неудобства, создавшиеся для приволжских калмыков вследствие преграждения Цеван Рабтаном прямого южного пути в Тибет. Зачем было калмыцкому хану говорить об этом на торжественном приеме пекинских послов, — зачем и вообще было заводить ему разговоры о Джунгарии, искусно перемежая ими и рассуждениями о судьбе Арабжюра хвалебные гимны величию и военной мощи богдыхана, если бы он не был осведомлен, что в Пекине к Цеван Рабтану относятся совершенно иначе, чем изображается это в посольском наказе, и что недовольство хана образом действий Цеван Рабтана будет истолковано пекинской дипломатией в смысле готовности его подать руку Китаю, в случае объявления богдыханом войны джунгарскому правителю.

¹³ *Бантыш-Каменский*, цит. изд., стр. 76—79.

¹⁴ АКА, д. 1731 года, № 42, л. 20.

В свое время Бантыш-Каменский, допуская возможность намерений Китая втянуть Аюку в войну с Цеван-Рабтаном, останавливался вниманием на противоречащих тому наставлениях наказа посольству и находил этот наказ интересным «для усмотрения образа мыслей китайского народа в делах, до политики и нравоучения относящихся». Он, конечно, хотел сказать, что официальный наказ содержал одно наставление, послы же должны были руководиться другим, секретным указанием, в каком направлении они должны вести переговоры с калмыцким ханом. Нельзя не согласиться с правильностью такого взгляда, — действительно, пред посольством 1714 года стояла прямая задача добиваться согласия Аюки на войну с Джунгарией, а не мирить его с Цеваа-Рабтаном.

Слух о предстоящем приезде пекинского посольства в калмыцкую степь дошел сюда скоро, — хан и его семья знали о том в начале 1713, а может быть, и в конце 1712 года. 25 января 1713 года астраханский обер-комендант М. И. Чириков получил от старшего ханского сына Чақдоржала, кочевавшего недалеко от Астрахани, письмо следующего содержания: «Посыльщик наш был в Китаях ¹⁵, и китайской царь того посыльщика вельми одарил, и провожатых русских людей такожде одарил ¹⁶; и говорит он, царь, что хочет с нами быть в дружелюбии; и шлет к нам посла своего с 30 человеки» ¹⁷. Возможно, что раньше Чақдоржала сам хан Аюка извещал о том же Чирикова, — это могло быть в декабре 1712 года ¹⁸. Каким образом дошел до калмыков слух об отправлении к ним посольства из Пекина, трудно решить; но если Чирикову сообщают об этом из степи как новость, которой не знал официальный представитель власти в Астрахани, то допустимы предположения, что или Самитан уже возвратился в степь из своей поездки и привез калмыкам приятную новость, или известие дошло к ним с сибирской границы чрез заволжские степи, обычно служившие проводником вестей с Д. Востока.

¹⁵ Вышеназванный Самтан.

¹⁶ Самтана провожал до Пекина ун.-оф. Суровцев с командой.

¹⁷ Полностью письмо приводится у меня в статье: «Документы Калмыцкого Архива в г. Астрахани, относящиеся к истории калмыцкого народа за XVIII столетие», в ж. «Ойратские Известия. №№ 3—4. 1922. Астрахань», стр. 145—146.

¹⁸ Документов за 1712 год в АКА не сохранилось; см. «Ойр. Изв.», цит. выше стр. 131.

Прибытию пекинского посольства предшествовал приезд к Аюке какого-то особого посла, с специальной миссией сватать дочь хана. Чьим представителем являлся этот посол? В документах АКА по этому вопросу имеются такие данные. В письме Аюки к ~~Чайворжину~~^{Чайворжину} от 17 февраля 1713 года, как это письмо переводит, по моей просьбе, М. М. Хаглышев, читаем: «Посла Амуланг хана, по приказу великого белого царя, после того как спадет лед, доставьте (ко мне) на судне»¹⁹. В русском переводе, современном оригиналу, письмо гласит: «Китайского хана посла, который ныне на Саратове, прикажи оно-го посла, как Волга вскрыется, в судах проводить до меня»²⁰. Здесь не говорится, что посол прибыл от Амуланг хана, как калмыки называют богдыхана, но прибавлено со слов подателей письма, что в данное время посол находится в Саратове и ожидает отправки в степь.

Из другого письма Аюки к тому же Чирикову от 12 марта видно, что посол уже прибыл в степь и приступил к выполнению своей миссии: «Приехал от китайского от Малумту хана посол для того», — пишет хан, «чтоб мне отдать свою дочь за китайского хана, и чтоб с тем ево послом и отпустить». Приготавливая для невесты-дочери приданое, хан желает приобрести в Астрахани «изорбафов, лудинов, дорогов и всяких парчей розных цветов». Для этого он посылает на продажу 43 барана, 15 лошадей и 1 верблюда и просит обер-коменданта в покупке свадебных вещей «всякое вспоможение учинить»²¹.

Приведенные докумен ты подали повод некоторым исследователям утверждать, что в 1714 году Аюка выдал свою дочь за китайского богдыхана, и что сватовство на ханской дочери составляло цель посольства²². Но если было так, то странно

¹⁹ Там же, л. 18.

²⁰ Там же, л. 19.

²¹ Там же, л. 38. Оригинал письма не был оставлен Чириковым при делопроизводстве, а возвращен, по распоряжению обер-коменданта, ханскому посланцу Довбе, как свидетельствует канцелярская пометка на переводе.

²² М. Г. Новолетов — «Калмыки. Исторический очерк. СПб 1884», стр. 10. М. Ф. Иванов — «О прибытии в 1714 году посольства из Китая к Аюке хану просить дочь его в замужество за китайского хана — императора». Листовка, составленная 15 марта 1913 года и в том же году напечатанная в Астрахани.

было бы полное молчание о том Тулишена и других современных источников, а еще больше, пожалуй, было бы удивительно замалчиванье о родстве калмыцкого хана с китайским богдыханом у старинных калмыцких историков²³. В письмах Аюки нет речи о сватовстве самого богдыхана к ханской дочери. Если бы действительно богдыхан сватался за нее, то Аюка назвал бы будущего зятя не китайским ханом, а именно так, как величали богдыхана калмыки—Амуланг хан. Таким образом, посол приезжал сватать ханскую дочь за одного из подвластных Китаю монгольских ханов, названного, в силу своей подвластности этому государству, китайским ханом. Иначе свату-послу не было смысла действовать отдельно от посольства, раз оно было уполномочено преследовать ту же цель сватовства.

Но за какого же монгольского хана Аюка выдал дочь? По всей вероятности, за хошутовского хана, кочевавшего при Кукунорском озере и ставшего подвластным богдыхану с 1697 года²⁴. По крайней мере, Намки-гелень, отправившийся в 1729 году во главе калмыцкого посольства на Д. Восток, имел поручение от ханши Дарма-Балы доставить подарки дочери ее, жившей в Хошутах. Не попав туда, Намки-гелень оставил подарки в Пекине надежному лицу, для пересылки по назначению²⁵. Эта, не названная по имени дочь Дарма-Балы от Аюки, вероятно, и была тою невестою, за которой в 1714 году приезжал в степь посол. Он вел переговоры с Аюкой не только от имени жениха ханской дочери, но и от имени богдыхана, принимавшего участие в сватовстве. Очевидно, проектировавшиеся новые родственные связи калмыцкого хана с хошутовским ханом не были безразличны для Пекина. Мы уже отметили тяготение хошутов к Волге, выражавшееся в прикочевках сюда значительных групп в 70-х годах XVII века. Так как дальнейшие откочевки хошутов на Волгу могли бы повести за собой ослабление восточной Монголии, угрожаемой Джунгарией, то Китаю, заинтересованному исходом

²³ О них—В. Л. Котвич, цит. изд., стр. 794—795.

²⁴ До 1697 года он был подчинен далай-ламе; с подчинением богдыхану, возведен в звание вана. В. В. Рокхиль—„В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету. Перевод с английского под редакцией В. С. Агафонова, с предисловием и примечаниями Г. Е. Грум-Гржимайло. СПб. 1901“, стр. 88.

²⁵ АКА. л. 1734 года, № 68, лл. 98 об.—99.

борьбы между восточными и западными монголами, надо было удерживать хошутов от стремлений уходить на Волгу и создать условия, способствующие обратному отливу отсюда монгольских сил снова на Д. Восток. В этом случае женитьбой хошутовского хана на дочери калмыцкого хана завязывался новый узел дружественных отношений между хошутами и приволжскими калмыками, что, конечно, имело свое значение в плане пекинской дипломатии втянуть калмыков в борьбу с Джунгарией.

6

С половины апреля Аюка заботливо стал готовиться к встрече посольства. От 19 апреля он присылает к Чирикову письмо с просьбой командировать к нему астраханского дворянина Бориса Керейтова²⁶ с сотней драгун, «с пушки, и с барабаны, и с сиповки, и с фиоли, и с рушными ядры», для оказания военных почестей послам и для их развлечения, а также - снабдить яблоками для угощения послов, рисом («сорочинское пшено»), шепталой, грецкими орехами, сахаром, изюмом, финиками и разными овощами, какие можно было найти в Астрахани. Из напитков хану требовались: вино, водка, мед и чихирь. Хан просит прислать угощений не только в размере «против прежнего», т. е. сколько всегда отпускалось ему по штату к праздникам²⁷, но «и лишнее» к тому прибавить. В желании как можно больше получить всего, хан не остановился пред просьбой к обер-коменданту прислать что-нибудь и лично от себя, так как хану хотелось показать «милость государеву» к нему пред «небывалыми гостями»²⁸. 22 апреля Аюка извещает Чирикова о прибытии в степь «от китаевского посла присыльщиков» и повторяет просьбу о командировании драгун под начальством кого-либо из двух братьев Керейтовых. Хану нужен был еще «стружок хороший, украшенной, с пушками и со всякими потехи, какие у вас живут. всякие разные потехи, с барабанами, и с сиповками, и с фи-

²⁶ Керейтовы считались в Астрахани состоятельными людьми. Их было два брата, один - Борис, другой - Михаил. Борис умер раньше Михаила; Михаил знача-ла состоял в должности коменданта г. Красного Яра, затем в 1717 году пошел с кн. А. Беквичем в хивинский поход и погиб в Хиве. «Описание дел, хранящихся в архиве астрах. д. консистории» (не окончено печатаньем), стр. 408-412.

²⁷ Новолетов, цит. изд., стр. 13.

²⁸ АКА, д. 1714 года, № 2. л. 48.

оли». Напоминая о рисе («пшено сорочинское»), о русском пшене и о «всяком пойле», хан просит обер-коменданта: «Пожалуй, пришли всего довольно, а нам—великая нужда». В качестве одного из подарков послам Аюка наметил «красные кожи»,—он просит Чирикова прислать таких кож четыреста штук, при чем предупреждает: «буде погодятся, цену заплатим, а буде не погодятся, назад пришлем»²⁹. В мае Чакдоржап просит Чирикова прислать «самую добрую оправную саблю» и «немецкие» карманные часы: «я саблю и часы пошлю китайскому Амулуту хану³⁰ в подарок с присланным послом ево»,—поясняет Чакдоржап³¹.

21 мая Аюка сообщает Чирикову о посылке в Шемаху доверенного калмыка Достека «для нужных посылок» и о том, что Борис Керейтов с драгунами уже прибыл в ставку хана, а так как отряду придется жить в степи долго, то хан просит обер-коменданта прислать «корму» для драгун³². От 30 июня Аюка снова пишет Чирикову о присылке двойного и простого вина для угощения послов³³.

В документах АКА нет сведений о приеме посольства Аюкой,—имеется только письмо хана к обер-коменданту, полученное последним 23 июля, что драгунская сотня, участвовавшая в торжествах приема, „с честью“ возвращается теперь ханом обратно в Астрахань, и что хан вручил Борису Керейтову „с китайского посольского листа список за печатью“, для представления русским властям³⁴. Содержание этого китайского посольского листа не приводится в наших документах. Записки Тулишена и записка шведского капитана Шничера, прикомандированного к посольству в Тобольске сибирским губернатором М. П. Гагариным, сравнительно в достаточной мере рисуют картину внешней обстановки приема³⁵).

²⁹ Там же, л. 57. В красных кожах, как увидим, надобности не о.азалось.

³⁰ Амулуту хан—измененное Амуланг хан.

³¹ Там же, л. 61.

³² Там же, л. 76 и об.

³³ Там же, л. 88.

³⁴ Там же, л. 120.

³⁵ О записке Шничера и ее переводах—*В. Л. Котвич*, цит. изд., стр. 806. Русский перевод напечатан в „Ежемесячн. соч. и изв. о уч. делах“ за 1764 год, ноябрь, стр. 428—440, под заглавием: „Записка капитана Иоанна Христиана Шничера, которой был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана, в провожа-

Передают они и разговоры при встречах хана Аюки с манджуро-китайцами, но нельзя отнестись без некоторого подозрения к полноте и точности в передаче этих разговоров, которыми особенно занят в своих записках Тулишен.

7.

17 июня 1714 года, как рассказывает Шничер, пекинское посольство, имевшее г. Саратов последней продолжительной остановкой на пути от сибирской границы в калмыцкую степь³⁶, переправилось через Волгу и, после задержки на несколько дней из-за несвоевременной подачи верблюдов и лошадей под посольские подводы и экипажи, 21 июня двинулось по луговому берегу реки в направлении к кочевьям хана Аюки. Под Саратовом посольство принимало депутацию от калмыцкого владельца Назар-Мамутова, который прислал в подарок лошадей и чрез своих представителей выразил благодарность богдыхану, в лице его посольства, за заботы об Арабжуре, сыне владельца, при чем высказал сожаление, что за дальностью пути в Китай он лишен возможности исполнить давнишнюю мечту побывать в Пекине и лично принести богдыхану благодарность. Послы обещали довести до сведения своего повелителя чувства владельца, но принять от него лошадей в подарок отказались под тем предлогом, что еще не виделись с калмыцким ханом. 1 июля посольство прибыло в урочище Монтохой, где были расположены тогда кочевья Аюки.

Урочище Монтохой, или, как называет его Тулишен, Манутохай находилось ниже Царицына на левом берегу р. Ахтубы. К. Ф. Голстунский сообщает, что это именно урочище избрал ставкой Хо-Орлок в 1632 году, и что название Манутохай до сих

тых". Издав перевод записки и в „Прибавлении к Астраханским Губ. Ведомостям“ за 1813 год, № 39, стр. 257--259; этим изданием я и пользуюсь предпочтительно, так как литературная сторона перевода здесь более подходит к современной нам русской речи.

³⁶ Выехал из Пекина, как сказано выше, 15 июня 1712 года, послы около шести месяцев дожидались в Селенгинске разрешения на пропуск в калмыцкую степь к хану. Из Селенгинска они направились на Тобольск через Иркутск, Енисейск, Нарым и Сургут. В Тобольске были 14 августа 1713 года. Отсюда через Тюмень, Епанчин, Туринск, Верхотурье, Соликамск, Майгород и Вятку поехали на Казань и были здесь 26 ноября. В начале декабря выехали из Казани чрез Симбирск в Саратов *Бантши-Даменский*, цит. изд., стр. 79.

пор сохранилось в песне волжских калмыков, восхваляющей подвиги Мазан-Батура, связанные местом с урочищем на Ахтубе³⁷. Монтохой, таким образом, для калмыков являлся историческим урочищем, и, может быть, не без причины избрал его для приема посольства хан Аюка, желавший воскресить в памяти столь важное событие в жизни калмыков, как приход их на Волгу при Хо-Орлоке, и навести пекинское посольство на размышления об исторической судьбе калмыцкого народа. Урочище Монтохой упоминается в письме калмыцкого наместника Церен-Дондука к астраханскому губернатору А. П. Волынскому от 28 февраля 1725 года, как предельный пункт зимних калмыцких кочевий в этом году к северу от Астрахани, назначенный губернатором: „А приказ был от г. губернатора, ятоб у Волги зимовать. И ныне де от Астрахани до Монтохою по Волге сидят“³⁸. Монтохой, как крайний северный пункт летних кочевий, указывается и хошутовским владельцем Тюменем в 1813 году; в сведениях о состоянии калмыков, какие требовались начальством от Тюменя, он пишет, что калмыки располагаются кибитками и стадами „по слитии воды, начиная от Царицына вниз по обоим берегам Волги и урочищу Монтохой (пониже Царицына, как говорится в калмыцком тексте сведений) до Астрахани“³⁹.

По пути к Монтохою, на встречу посольства выезжали калмыцкие тайши и ламы, а также ногайские старшины с народом. Они устраивали пиры послам и хвастались пред ними табунами лошадей. Поднося съестные припасы посольству, они преклоняли пред ним колена „в знак своего усердия“. В сопровождении встречной знати, посольство доехало до ставки хана. В первый же день по приезде послов, к ним явился приближенный Аюки гелюнг и, поздравив с благополучным прибытием, объявил, что завтра, так как это будет „благоприятный день“⁴⁰, хан примет послов у себя. 2 июля посольство с большой церемонией выступило из отведенных ему кибиток и нап-

³⁷ К. Ф. Голстунский, цит. над., стр. 102.

³⁸ АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 214 об.

³⁹ АКА, д. 1812 года, № 988, л. 13 об.

⁴⁰ И до сих пор еще степные калмыки продолжают различать благоприятные и неблагоприятные дни или, как они выражаются, счастливые и несчастливые дни. В несчастливый день калмык не примется за какое-нибудь, по его мнению, серьезное дело, а отложит его до другого, счастливого дня.

равилось к ставке Аюки. Впереди посольства ехали калмыцкие владельцы и духовенство. За ними следовали послы, выско держа в руках деревянный ларец с грамотой богдыхана. За посольством ехали представители русской власти. По обоим сторонам дороги шпалерами стояли драгуны под командой поручика Лейна. Лишь только процессия подошла к ханской кибитке, заиграла военная музыка, а драгунская сотня оружием отдала честь послам. Послы вынули из ларца грамоту, написанную на золотой бумаге. Старший посол Адагадай взял ее в руки, приподнял над головой и медленной поступью, в сопровождении свиты, вошел в кибитку, устланную персидскими и турецкими коврами, и приблизился к хану, восседавшему на бархатных креслах, по азиатской манере, с поджатыми под себя ногами. Тулишен утверждает, будто Аюка, принимая от посла грамоту, стал на колена. Но из слов Шничера этого не видно. По его рассказу, дело обстояло так. Адагадай, прежде чем вручить Аюке грамоту, произнес приветственную речь, а затем подав грамоту, обнял обоими руками колени хана, который, очевидно, несколько привстал с кресел, чтобы принять богдыханскую грамоту с известной долей почтения. Переводчик записок Тулишена, Л. Россохин правильно догадывается, что Аюка, сидевший в креслах с поджатыми ногами, принимая грамоту, „немного приподнялся, а спесивые китайцы, лаская своему хану, почли сие за то, будто он, Аюка, при отдаче ему грамоты, стоял на коленях“⁴¹. В знак благодарности, Аюка положил затем правую руку на плечо Адагадая, тем же жестом поблагодарил прочих послов и усадил их в креслах рядом с собой. Начался разговор. „Хан говорил с послами о разных вещах“, — кратко пишет Шничер, не передавая содержания разговоров. За то Тулишен старается воспроизвести их с подробностью.

По требованию этикета, Аюка прежде всего осведомляется о здоровьи богдыхана, при чем, задавая вопрос о том, поворачивает лицо к югу в направлении дороги, какую калмыки ездили раньше на Д. Восток. Дав соответствующий ответ, послы сообщили Аюке об удовольствии богдыхана по случаю прибытия к нему посланца Самтана с поздравлением и подарками от Аюки и тут же заметили, что хлопоты хана о возвра-

⁴¹ „Ежемесячн. соч. и изв. о уч. делах“, цит. изд., октябрь, стр. 324, в при мечании.

щении Арабжюра на родину совпали с стремлениями пекинского правительства изыскать более удобный способ к тому. Слова послов весьма обрадовали Аюку. Он был „толь радостен“, — пишет Тулишен — „что благодарности своей довольно изъавить не мог“.

После этого хан пригласил послов к обеду, в продолжение которого велись свои разговоры. Тулишен записал и их. Нельзя не заметить, что вопросы Аюки послам вращаются, главным образом, возле личности богдыхана. Аюка как будто хочет разгадать ее и подходит к цели с разных сторон. Он спрашивает, сколько лет богдыхану, и велика ли у него семья. Оказалось, что богдыхану, родившемуся в „лето зеленого коня“, т. е. в 1654 году, идет теперь 61-й год ⁴², — что царевичей, произведенных в четыре высшие ранга, у богдыхана 16 человек („персон“), а царевен, выданных замуж, больше 10. Относительно царевичей, не произведенных еще в чины за малолетством, и царевен, находящихся „во внутренних чертогах дворца“, послы отозвались неведением.

Аюка спрашивается о летней резиденции богдыхана и об его развлечениях. Послы сообщают, что богдыхан каждый год в конце марта или в начале апреля выезжает из Пекина в местность Жехо и Карахотон, отстоящие от столицы в семи-восьми станциях, и здесь проводит время в охоте за оленями, которых подманивает, искусно подражая звукам их голоса. С наступлением осени, он возвращается в Пекин.

На вопрос о характере местностей Жехо и Карахотон, послы отвечают, что названные пункты, находящиеся за Великой каменной стеной, покрыты высокими горами, там протекают большие реки с чистой водой, и растет густой лес, где водится множество различных зверей.

Как распахиваются поля в вашей земле? Каким образом производится засев полей? Нужны ли для них дожди? Имеются ли пашни с искусственным орошением („водяные пашни“), — спросил Аюка. Послы ответили, что поля засеваются у них хлебными злаками всяких сортов, а также разного рода горо-

⁴² Имя богдыхана было Кан-Хи; он правил 61 год; умер 9 декабря 1722 года. *Вантши-Каменский*, цит. над., стр. 106.

хом: Хлебные злаки сеются в расчете на орошение полей дождями, но, впрочем, некоторые злаки прямо растут в воде.

Аюка интересуется землей, откуда родом нынешняя династия богдыханов. Далеко ли эта земля от китайской столицы? Богата ли она населением?—Послы назвали местом происхождения богдыханов Мугден (по китайски Шин-Гин, т. е. место или город славы, прославления). От Пекина Мугден отстоит в 20 станциях. Народу там—„премного, и жилье частое“. В Мугдене имеется пять судебных учреждений, с полным комплектом чиновников. Военная власть вверена трем особым генералам: один находится в самом городе Мугдене, другой командует войсками на р. Амуре, но живет в г. Цицигар, третий стоит с войсками в г. Нингута.

Аюка знает о родстве между манджурами и монголами, но ему неизвестно, почему одних манджуоров называют старыми, других—новыми, и он просит послов об'яснить ему эти названия. Послы говорят, что старыми манджурами принято называть тех манджуоров, предки которых прославились подвигами храбрости в Мугдене еще при первых богдыханах Тай-дзу-Хуандии (1616—1627 г.г.) и Тай-дзун-Хуандии (1627—1644 г.г.), новыми же называются манджуоры, жившие раньше на границах Мугденской области, а потом переселенные в Пекин.

Аюка задает вопрос о манжурской и монгольской азбуке. Существует ли различие между той и другой азбукой.—спрашивает он,—и кто изобрел манжурскую азбуку?—Превознося заслуги богдыханов манжурской династии по части просвещения, послы начинают распространяться о громадном, будто-бы, различии между манжурским и монгольским письмом и называют изобретателем манжурской грамоты богдыхана Тай-дзу-Хуандия, а усовершенствователем ее—богдыхана Тай-дзун-Хуандия. Последний довел ее до совершенства тем, что „прибавил кружки и точки, звоны и голоса, во всяких человеческих речах произносящиеся“. Поэтому „манжурская грамота столь премудрою и столь достаточною в своем совершенстве сделалась, что изображает человеческие речи и голоса все, какого бы они звону ни были, точно и справедливо, переменяясь в бесчисленные образы,“—сказали послы.

Покончив с генеалогией, географией, этнографией и филологией, Аюка переходит к политике. Он расспрашивает послов о восстании одного удельного князя, по имени Пин-Си-ван. Почему восстал против богдыхана этот князь? Какова была судьба князя и его потомства? Когда именно произошло восстание?—Послы ответили, что Пин-Си-ван был «славою и честью» превознесен от богдыхана, но восстал против св. его повелителя „от несытости своей, презрев все оказанные ему милости“. Богдыхан сильно был разгневан неблагодарностью князя; оружием победоносного своего войска он поразил бунтовщика и истребил его в конце. «По установленным гражданским нашим узаконениям», — пояснили послы, — «наследники и весь род тех людей, кои изменили государству и презрели государеву милость, без наказания не оставляются, во всем без остатку чинится казнь достойная». С времени восстания Пин-Си-вана протекло уже 40 лет, — оно было, следовательно в 1673, или в 1674 году, — и юньнаньская губерния, которою некогда правил мятежный князь, теперь совершенно спокойна.

Считая, вероятно, что любознательному калмыцкому хану сообщено достаточно сведений о китайской стране, и что дальнейшие его расспросы в области политики могут затрагивать щекотливые темы, послы спешат перевести разговор на дело Арабжюра. Они объявляют Аюке указ богдыхана, данный при самом их отъезде из Пекина. Содержание указа сводилось к объяснению причины, почему Арабжюр не мог быть отправлен в калмыцкую степь своевременно и до сих пор остается в Китае. Богдыхан сначала предполагал отправить Арабжюра чрез Джунгарию и сделал соответствующий запрос по этому поводу правителю Джунгарии Цеван-Рабтану, но тот, не считая расположения к калмыцкому владельцу, отклонил предложение богдыхана, под предлогом опасения, как бы киргиз-кайсаки и каракалпаки, кочующие по ту сторону владений Цеван-Рабтана, не перехватили Арабжюра и не убили его, ответственность за что джунгарский правитель отказывался брать на себя. В виду явно недружелюбного отношения Цеван-Рабтана к Арабжюру, богдыхан счел за лучшее отправить владельца другою дорогою, чрез Сибирь, и готов начать переговоры об этом с русскими, но предварительно он хочет знать мнение хана Аюки о том и посылает к нему особых послов, „дабы с ним о том посове-

тывали», и как только послы вернутся в Пекин с определенным ответом калмыцкого хана, он, богдыхан, будет действовать так или иначе, стараясь возвратить Арабжюра на родину надежною дорогою.

Содержание указа было передано; послы ждали ответа от Аюки. Но, выслушав послов, хан ограничился заявлением, что сразу он ничего не может сказать определенного по столь важному вопросу, тем более, что у Арабжюра есть отец и братья, — необходимо переговорить с ними, а затем уже, «на чем они согласятся», о том Аюка обещал уведомить послов. Заметно, что уклончивость Аюки от прямого ответа по существу дела не понравилась манджуро китайцам. Указав на продолжительность своей отлучки из Пекина, они стали просить хана не задержать их ответом и поскорее отправить в обратный путь. Аюка обещал поторопиться.

Обед закончился, и при салютационной пальбе из четырех небольших пушек послы возвратились от хана в свои кибитки.

8.

Тулишен, занятый в своих записках передачей разговоров калмыцкого хана с пекинскими послами, мало уделяет внимания внешней обстановке праздничного ханского жилища, угощению, какое хан предложил своим гостям, и забавам, какими хотел он развлечь их. Но пробел в этой части, интересной в бытовом отношении, восполняет записка Шничера.

Ханская кибитка не отличалась большой вместительностью, так что предвходом в нее пришлось поставить особую палатку для менее почетных гостей. В качестве угощения, прежде всего был подан «чай, смешанный с пахташем», т. е. так называемый «калмыцкий чай», который готовится с молоком и коровьим или бараньим салом, а иногда — с ароматными приправами вроде, напр., мускатного ореха. Столов не было в кибитке. Прямо на земле, вместо скатерти, была разостлана простая камка. К чаю подавались смоквы, миндаль, изюм и сахар в больших кусках, разложенные на оловянных блюдах, принадлежавших повару — армянину, специально приглашенному готовить обед на калмыцком торжестве. Чаепитие длилось с час. Потом приступили к более основательным кушаньям. На

оловянных блюдах ханские слуги принесли вареную баранину с сорочинским пшеном и изюмом. Это—известное азиатское блюдо — плов. Пред каждым гостем было поставлено по целому блюду этого плова. Ни тарелок, ни ложек с вилками и ножами не полагалось, за то пред каждым гостем лежала толстая салфетка из бумаги. «Калмыки»,—рассказывает Шничер,—„брали все руками, а китайцы, по своему обыкновению, тонкими палочками». После плова подали мелко изрубленное вареное баранье и говяжье мясо в больших деревянных корытах, которые вносились в кибитку двумя калмыками. Пред каждым посетителем поставили по такому корыту. Почему то этого блюда „мало ели“, и калмыки скоро «сняли» корыта. На смену им явились корыта „еще больше прежних“,—в них лежало „по целому вареному барану, с головой и с ногами“. Опять пред каждым гостем поставили по такому корыту. Кушая баранину, запивали ее кумысом. Не мало удивления вызвало у Шничера следующее блюдо: „Шесть человек“,—рассказывает он,—„принесли одно корыто в полторы сажени длиною“. Оно было наполнено до верху разного рода мясом: лошадиным, верблюжьим, говяжьим и бараньим. «Это блюдо стояло в шатре с четверть часа для показа; его никто не отведал. Потом его сняли, вынесли, поставили на телегу и отвезли в наш стан для раздачи прислуге нашей свиты». В конце обеда, при гостях, артиллеристы произвели салют из пушек, а затем музыканты, приезжие из Астрахани, начали играть на гобоях и скрипках. Играли они с час, а гости в это время распивали водку и молодое красное вино (чихирь). Напитки подносились послан в серебряных чарках, привезенных с некоторой другой серебряной посудой из Астрахани Борисом Керейтовым, собственность которого составляли⁴³. Второе отделение концерта состояло из игры на больших, в сажень длиной, гусях о пяти черевых струнах и на двух скрипках с такими же струнами, издававшими нежные, едва уловимые звуки. Но игра на органе понравилась Шничеру больше всего,—его „звуки были лучше звуков всех прочих инструментов».

Кроме музыки, калмыки забавляли гостей зрелищами. Сначала показали двух обжор, которые уничтожили все, недо-

еденные гостями блюда и готовы были бы еще есть, если бы им дали. Потом выступили полунагие борцы в числе 24 пар. Разделившись на две стороны, они бросались друг на друга и принялись биться „с такой яростью, что кажется, хотели сорвать друг другу головы“. Наконец, на сцене появились стрелки из луков и стали пускать стрелы в цель. Им, однако, нашлись конкуренты из состава посольской свиты. Двое манджуров взяли свои луки и начали так метко попадать в цель, что выиграли приз. Калмыков особенно заинтересовал лук одного стрелка. Он оказался настолько тугим, что ни один калмык не смог натянуть тетиву. Интересные зрелища привлекли к ханской кибитке, возле которой они происходили, массу любопытных. Но не всем было разрешено подходить близко к импровизированной сцене. Четыре сторожа разгоняли „бедных калмыков“, убогая одежда которых не гармонировала с нарядами знати и богачей. Стражам было приказано даже стрелять по ослушникам. „Впрочем“, — замечает Шничер, — „на конце стрел были насажены круглые головки, чтобы не причинить глубоких ран тем, кои осмелятся приблизиться“.

Собственно национальные забавы и игры у калмыков, как видим, не отличались разнообразием, были довольно грубого свойства и в них не проявлялась нужная ловкость. Курьезные обжоры, борцы, состязание которых скорее смахивало на драку, чем носило признаки спорта, и стрелки из лука, по качеству оружия и по меткости бросания стрел уступившие место манджуром, да бешеная скачка на лошадях, если бы Аюка захотел показать ее гостям, вот и все, что можно было посмотреть у калмыков. Нет здесь ловких акробатов и разных скоморохов, какими, между прочим, забавлялась Византия⁴⁴, а за нею — древняя Русь; нет дрессированных животных, которых любила смотреть Персия, где показывались еще и разные другие забавные выдумки⁴⁵; нет грациозных танцев под звуки своеобразных

⁴⁴ Киево-Софийские фрески.

⁴⁵ Имеется любопытное описание встречи русских послов в Гиляни в 1597 году: „Как шли (послы) к шатру, и в те поры играли суры, и по вакрам и в барабаны были человек с пятнадцать. И обезьяна плясала, езда на козле в панцире и в шлеме, и в сайдаке, и со щитом, а козел под нею оседлан... Выносили три человека на головах три теремка, кругло сделаны, да нацветены все камнем, да зеркала большими булатными, да лоскутами бархатными и камчатами, и золотом и красками выписаны, и видится, как бы травяные цветы, а на верху теремков по четуху сделано по великому; а мужик вскакивая, пляшет, а теремок под ним вертится“. Д. Х. Хлебников, цит. изд., стр. 132.

музыкальных инструментов, как на Кавказе. Калмыцкие забавы, соответственно условиям кочевого быта, стояли на уровне пастушеской культуры калмыков. Но как ни примитивны формы этих забав, все же они были больше сродни забавам отжившего азиатского мира, дыхание которого чувствовалось и в Византии, и на Руси, и в Иране,—чем нового европейского мира, положившего отпечаток культуры на русских с времен Петра. Совсем, конечно, не гармонируют с национальными калмыцкими забавами, как и вообще с укладом и обстановкой калмыцкого быта, концерты, исполнявшиеся на разных музыкальных инструментах приезжими из Астрахани артистами, пушечные салюты и воинские почести, отдаваемые посольству драгунами и артиллеристами, присланными из Астрахани, бархатные ханские кресла и ковры, серебряные чарки и оловянные блюда, взятые на прокат, русская водка, чихирь, сахар, изюм и пр. Пестрая картина не смущала калмыцкого хана. Показывая манджуро-китайцам чужие плоды европейской культуры, он был доволен, что в валичии их на торжестве пекинские послы могут усмотреть „милость государеву“ к калмыцкому хану, освобождающую его от чрезмерных заискиваний пред богдыханом.

9.

Для историка калмыцкого быта очень ценно описание праздничной ханской кибитки, даваемое Шничером. Кибитка, как сказано, не отличалась большими размерами. Это был тип жилья, устраиваемого и теперь состоятельными калмыками: кибитка в 12 теремов. Внутри до половины она была обита „дорогою камкою“. Над бархатными ханскими креслами „висел четырехугольный желтый кусок камки, спитый из двух частей; такой же кусок висел и над дверьми“. Уже выше сказано, что кибитка была устлана турецкими и персидскими коврами. Ханские кресла стояли на персидском, самом красивом ковре. Снаружи кибитка была обтянута голубой камкой с золотистыми травами. С крыши спускалась на поларшина бахрома. Положим, убранство, как и бархатные кресла, хан получил из Астрахани специально к торжеству приема послов ⁴⁶. Такого роскошного

⁴⁶ Это утверждал в 1731 году В. М. Бакунин в разговоре в пекинских послами приезжавшими тогда к калмыкам. АКА, д. 1731 года, № 39, л. 169.

убранства ханская кибитка раньше, должно быть, никогда не видела. Но во всяком случае, она была убрана в том азиатском стиле, какой представлен изображением роскошной палатки на известной плите из ассирийского Нимруда. Имея в виду более поздние времена, интересно будет сопоставить ее с кибитками золотоордынских ханов, по описаниям арабских авторов.

По словам Шафи, сына Али, кибитка хана Берке, к которому около 1263 года приезжало посольство от египетского султана Эльмелик-Эзахыра, представляла собой „войлочный шатер“ таких больших размеров, что в ней могло поместиться 500 всадников. Шатер внутри был убран жемчугом и драгоценными камнями⁴⁷. Ибнбатута, посетивший хана Узбека в 1334 году, рассказывает, что по пятницам, „после молитвы, он (Узбек) садился в шатер, называемый Золотым шатром, раскрашенный и диковинный“. Шатер состоял „из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листами. Посредине его—деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его—из чистого серебра, а верх усыпан драгоценными камнями“⁴⁸. На праздник рамазана, встреченного тогда Узбеком в кочевьях около г. Мажар, ханский шатер убрали с особенным великолепием. Прежде всего, „была устроена большая „барака“. Барака у них“,—поясняет Ибнбатута, —„большая палатка на четырех деревянных стойках, покрытая листами позолоченного серебра. На каждой стойке сверху—позолоченная капитель, которая блестит и сверкает. Издали эта барака кажется точно горкой. С правой и левой стороны ее кладутся половики из бумажной материи и холста, и все это покрывается шелковыми коврами. Посредине бараки поставлен большой трон, который они называют тахт. Он (сделан) из резного дерева; столбики его покрыты листами позолоченного серебра, а ножки (сделаны) из чистого серебра с позолотой; поверх его (постлан) большой ковер. Посреди этого большого трона (лежит) тюфяк, на котором сидят султан и старшая хатунь. С правой стороны его—тюфяк, на котором сидит дочь его Иткуджуджук, вместе с хатунью Урдуджей, а с левой—тюфяк, на котором сидит хатунь

⁴⁷ В. Г. Тизенгаузен—„Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. СПб. 1884.“ стр. 126.

⁴⁸ Там же, стр. 290.

Баялунь с хатунью Кабак». Далее у Ибнбатуты описывается порядок размещения за праздничным обедом сыновей хана, царевичей и эмиров—старших и младших, а также сообщается, что у хана кушанья подают на золотых и серебряных блюдах и ставят их на золотых и серебряных столах. В золотых же и серебряных сосудах подается питье участникам обеда ⁴⁹.

Времена Узбека, а затем сына его Джанибека составляют самый цветущий период в истории Золотой Орды, ⁵⁰—поэтому не надо особенно удивляться роскоши в убранстве ханского жилища и богатству столовой утвари, добытой с разных концов света. Но даже и войлочная кибитка хана Берке, осыпанная жемчугом и драгоценными камнями, превосходила по убранству жилище калмыцкого хана. Последнее и при торжественном приеме «невиданных гостей» выглядело довольно скромным. Вместо богатого трона золотоордынских ханов, здесь—кресла, хотя и бархатные; вместо золотой и серебряной посуды—оловянные блюда, да и то чужие, и деревянные корыта; кушанья ставятся не на золотых и серебряных столах, а прямо на земле, покрытой дешевой камкой. Не блещет роскошью и матерчатая обивка кибитки; о жемчуге и драгоценных камнях нет и помина. Небольшие размеры ханской кибитки исключали нужду в подпорных столбах—колоннах, о которых рассказывает Ибнбатута, и с которыми знакомит нимрудский рельеф. Остов кибитки, покрытой войлоком (кошмой), составляли деревянные палки с скрепляющими кругами, окрашенные, как это и теперь водится, красной краской домашнего изготовления из корня марены. Но без сомнения, кибитка Аюки выглядела гораздо архаичнее золотоордынских ханских кибиток XIII—XIV веков, вследствие отсутствия дорогих украшений, и потому особенно интересна для историка кочевнической культуры. Не составляет большого труда отделить случайные аксессуары от основного и постоянного вида, присущего ей, и пред нами—тип примитивного жилища главы кочевников, оставшийся без изменений в калмыцкой степи в

⁴⁹ Там же, стр. 299—300.

⁵⁰ Культура золотоордынских и других татар вызывает теперь большой научный интерес. С новейшими материалами по золотоордынской культуре знакомят работы Ф. В. Баллода—„Приволжские Помпей. Москва—Петроград. 1923“ и „Старый и Новый Сарай, столица Золотой Орды. Казань. 1923.“ Культурой крымских татар заняты И. П. Бороздин, казанских—П. М. Дульский и др.

XVIII веке и дальше. При знакомстве с калмыцкой кибиткой, для нас становится ясным и то, что в обстановке обыденной жизни и в жилище глава народа мало чем отличался от своих подвластных.

Ибнбатута, отмечая как особенность присутствие ханской жены с дочерьми при торжественных приемах у золотоордынского хана, с изумлением пишет, что «в том краю (в Золотой Орде) он увидел чудеса по части великого почета, в каком у них женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины»⁵¹. Тулишен и Шничер почему то не упоминают о присутствии ханши Дарма-Балы и других особ женского пола при приеме пекинского посольства ханом Аюкой. Они говорят об особом приеме Дарма-Балой послов у себя 4 июля (по Шничеру — 3 июля) и сестрой Аюки, Дорджи-Араптань, вдовой хошутовского Очирту-Чечень (Цэцэн) хана, 5 июля. Но мы увидим, что в 1731 году, при приеме ханом Церен-Дондуком второго пекинского посольства, в ханской кибитке вместе с мужчинами сидели и ханша, жена Церен-Дондука, и Дарма-Бала, ставшая вдовой, и другие калмыцкие дамы из знати. Судя же по тому, какое большое участие принимала Дарма-Бала в политических делах при жизни мужа и после, да и жены владельцев, как, напр., Джал, жена Чакдоржапа, не отказывались от участия в политике, — можно думать, что у калмыков женщины пользовались тем же уважением, каким пользовались они у татар.

6 июля для послов устроил «пир» с музыкой старший сын Аюки, Чакдоржап. Он показывал калмыцких борцов и сам смотрел на метанье стрел из луков двумя манджюрами, которые и на этот раз не оплошали, вызвав своей меткостью общее одобрение участников пира.

10.

Окончились торжества приема пекинского посольства, но Аюка не торопился ответом по делу Арабжюра. В данный мо-

⁵¹ Тизенгаузен, цит. изд., стр. 1288.

мент с этим делом было связано выявление отношения Аюки к Джунгарии. Он не мог заявить о враждебных чувствах к ней, так как, помимо джунгарки Дарма-Балы, влиянию которой подчинился старый хан, он получил правительственный наказ не заводить ссоры с Цеван-Рабтаном. С другой стороны, ему нельзя было заговорить пред пекинскими послами хотя бы о родственных связях с Джунгарией, обзывающих к миролюбию, так как это значило бы потерять расположение богдыхана, не безразличное для дальнейших видов Аюки. Оставалось тянуть переговоры об Арабжуре и дать послам уклончивый ответ, который и стал готовить Аюка.

В течение нескольких дней ожидания, послы видят знаки особого внимания к себе калмыцкого хана. Он часто посылает к ним своих приближенных, избирая для этого дни, свободные от званных обедов. 5 июля чрез „комнатного“ Иши он просит послов прислать двух манджуров стрелков, об искусстве которых в метании стрел из лука имеются общие хвалебные отзывы, при чем освобождает самих послов от визита к нему, так как знает, что они „утрудились“ и нуждаются в „покое“. Стрелки были отправлены к хану и, возвратившись от него, дали подробный отчет послам о содержании разговоров, какие вел с ними Аюка. Приняв стрелков в своем шатре, Аюка посадил их „вблизи своего места“ и, угощая чаем и ягодами, сначала спросил о летах стрелков, а затем поинтересовался, родится ли смородина в их „среди света лежащем государстве“? На утвердительный ответ, хан спросил: „Еще какие фрукты имеются в вашей земле?“ Стрелки ответили, что у них „разных родов фруктов столь много, что всех имен их подробно изъяснить“ они даже не в состоянии.

Скромность и неразговорчивость стрелков, пыгавшихся отделаться общими фразами, не отбивают у хана охоту втянуть манджуров в разговор и кое что выведать от них. „На каком расстоянии от столицы находится ваша родина?“—спрашивает он. Стрелки отвечают, что если ехать верхом, то для путешествия потребуется не меньше трех месяцев. Аюка хочет знать о климате Манджурии и ее природных особенностях. „В наших местах, где мы родились“,—сообщают манджурьестрелки,—„в летнее время больших жаров не бывает, а напротив того в зимнее время бывают превеликие морозы; снегам

ни времени, ни меры определить не можно, потому что бывают они иногда на два и на три *чи* (аршина) глубиной; на некоторых горах, когда бывает снегу много, выпадают они на четыре и с лишним на пять *чи* глубиной; горы и сопки—превысокие и превеликие; леса частые и дремучие; рек и речек находится там великое множество, из которых реки Сахилинь-Ула (Амур) и Нюмонь (или Нюмань) почитаются за самые большие. Аюка узнал от стрелков, что реки в Манджурии славятся хорошей водой, в них волятся большие рыбы, а белуги достигают, будто бы, четырех саженьей, что тунгусы и дауры рыбой уплачивают в казну положенный ясак, что в горах и лесах можно встретить самых разнообразных зверей,—есть здесь и бобры, и волки, и барсы, и медведи, и прочие представители животного мира. Земледелием манджуряне не занимаются, их дело—промыслы, а жизнь их такая же кочевническая, как и у калмыков.

Искусство стрельбы из лука, показанное манджурянами, послужило поводом для Аюки начать расспросы о состоянии военного дела у манджуро-китайцев. Он слышал о первоклассных стрелках богдыхана и попросил рассказать о них. Эти стрелки,—сказали манджуряне,—вооружены самыми тугими луками, выбрасывающими не меньше 10 тысяч стрел. Рассматривая лук одного из собеседников, Аюка узнал, что кости, принадлежащие к луку, взяты от рогов речных буйволов, которые водятся в одной только южной губернии Ху-Гуан и по величине корпуса и рогов превосходят простых быков и коров; шерсть у них походит на верблюжью. Аюка расспрашивает об устройстве лука у богдыхана и хочет знать, насколько искусен богдыхан в метании стрел. Манджуряне сообщают, что лук богдыхана по устройству мало чем отличается от обычных луков,—только он изготовлен из лучших рогов и лучшей бересты; богдыхан—весьма искусный стрелок: из десяти стрел девять, в крайнем случае—восемь попадает у него в цель. На вопрос Аюки о войсках, собственно китайских, манджуряне говорили, что полки, состоящие из одних китайцев, носят название полков „Зеленого знамени“; их—много; они распределены по провинциям и наиболее важным пограничным пунктам. В китайских полках тоже не мало искусных стрелков; лучшим стрелкам с лошади богдыхан дает награды. Во время военных

действий, пускаются в ход огромные огнестрельные орудия — *поу* (пушки) и ружья, а из холодного оружия — сабли, бердыши, копья и пр. Манджюры извинились, что они не могут познакомиться хана с образцами китайско-манджюрского вооружения, так как ничего, кроме луков и стрел, не захватили с собой в дорогу.

Удовлетворившись расспросами по военной части, Аюка задает вопрос о народах, обитающих за пределами Манджюрии к востоку, и спрашивает об отношении их к власти богдыхана, о расстоянии владений тех народов до Восточного моря и о том, случалось ли самим стрелкам бывать за морем? Народы за пределами Манджюрии оказались известными стрелкам, — они перечислили их поименно, упомянув, что все те народы платят ясак богдыхану. Чтобы проехать их землю, простирающуюся от границ Манджюрии до моря, по крайней мере нужно употребить с месяц времени. Охотясь на зверей, стрелкам часто приходилось бывать у морских берегов, но за море они „никогда не езжали“. — „Платит ли Корея дань богдыхану?“ — спросил Аюка. — „Да“, — отвечают стрелки, — „корейцы состоят в подданстве богдыхана и платят ему дань“. О себе стрелки заявили, что им „в Корее не случалось бывать“.

Разговор на этом кончился, и Аюка разрешил стрелкам идти домой.

7 июля к посольству являются калмыцке ламы: Аранджамбо, Гева и Самтан. От имени Аюки они заявляют о давнишнем его желании войти в сношения с богдыханом. Но трудно было осуществить это желание вследствие закрытия южного пути, каким обычно калмыки ездили на Д. Восток. При отправке Самтана к богдыхану пришлось хлопотать пред русским правительством о пропуске калмыцкого посланца чрез Сибирь. Хан Аюка рад, что Самтану удалось благополучно доехать до Китая, быть на аудиенции у богдыхана и поднести ему подарки. Теперь богдыхан прислал с особым посольством свою грамоту, — Аюка принял ее с глубочайшим почтением и читал с великой радостью. Он понимает, что должен ответить на грамоту, но, живя „как на краю света“, затрудняется формой, в какой следует написать ответ богдыхану, почему теперь и обращается за советом к послам. Хан просит послов высказать

мнение, как лучше поступить ему, послать ли письменное доношение на имя богдыхана, или ограничиться одним словесным ответом, который должны будут передать послы своему повелителю? Манджуро-китайцы отказались высказать мнение по этому вопросу,—они нашли, что хану следует поступить в данном случае так, как он сам заблагорассудит.

Вторым предметом разговора была задержка послов в Саратове. Она могла показаться неприятной послам, и без того утомленным длинной дорогой. Но хан Аюка здесь не при чем. Лишь только оправдался слух о прибытии послов в Саратов, он поторопился отправить к ним на встречу своего представителя Выйджина с товарищами, но местные русские власти запоздали с донесением к казанскому губернатору о приезде послов, от чего не было своевременно отдано распоряжение о доставлении речных судов посольству, и ему пришлось ехать сухим путем. Послы успокоили калмыцких лам. «Сие дело», — сказали они, — „есть такое, которое уже миновалось“, а так как главное, за чем они приехали, именно - вручить хану Аюке богдыханскую грамоту, исполнено, то „не большая оная остановка, которая хотя нам и учинилась, за ничто почтена быть может“.

В конце разговора ламы коснулись судьбы Эрке-гецюля, отправленного ханом Аюкой в качестве посланца к богдыхану с поздравлением и с „великим серым конем“ „в лето желтоватого зайца“, т. е. в 1699 году. Аюка слышал, что Эрке-гецюль доехал до Пекина, был принят и награжден богдыханом, а затем отправился в обратный путь. Но до сих пор его нет в калмыцкой степи, и нет даже никаких слухов о нем. Не убит ли он „злыми людьми“ по дороге? Не случилось ли еще чего-нибудь с ним? — Послы ответили, что о приезде калмыцкого посла в богдыханову столицу слышали и они, но о дальнейшей его судьбе ничего не знают: „Мы служим в разных командах“, — прибавили они, — „а при том и дело сие происходило в давних летах, то заподлинно запомнить не можем“. Таким образом, намек калмыков на имеющееся у них подозрение, что Эрке-гецюль задержан и даже убит в Джунгарии, не нашел отклика у манджуро-китайцев,—под благовидным предлогом, они уклонились от разговора по поводу загадочной смерти калмыцкого посланца и его товарищей. Да и на самом деле, после того как манджуро-китайцы наглядно убедились на приеме, что калмыц-

кий хан совсем не такой самостоятельный повелитель, каким ошибочно представляют его в Пекине, но подчинен русскому правительству, без разрешения которого не может предпринимать никаких серьезных действий,—для пекинских послов было бы праздным препровождением времени вдаваться в обсуждение догадок о судьбе Эрке-гецюля, хотя бы в ней и замешана была Джунгария.

11.

10 июля состоялся прощальный прием Аюкой посольства. Шничер замечает, что и на этот раз калмыцкий хан угощал послов «по прежнему». Тулишен обходит молчанием эту сторону приема,—он занят передачей ханских речей послам. Первые слова Аюки касались Арабжюра. Его судьбу он вверяет воле богдыхана, но находит, что ехать «южными землями» для Арабжюра было бы невозможно «ни по какой мере». Очевидно, хан проводил мысль, что в дружбе с Цеван-Рабтаном он не состоит, и поэтому нельзя рассчитывать на безопасный проезд Арабжюра чрез джунгарские владения. Если ехать ему чрез русские земли, то для этого необходимо просить разрешения у русского царя. Переписка с ним займет не мало времени. Послам было бы долго дожидаться ответа, если бы хан даже сейчас возбудил вопрос о пропуске Арабжюра чрез Сибирь. В виду этого, они теперь же могут ехать обратно в Пекин, а после их отъезда хан займется делом о пропуске Арабжюра. Лишь только будет получен от русского правительства благоприятный ответ, Аюка сообщит о том богдыхану чрез особое посольство, которое доставит ему и письменное доношение от калмыцкого хана. Теперь он пока воздерживается от посылки этого доношения.

Как будто желая вполне убедить манджуро-китайцев в искренности своих намерений, Аюка тут же начинает говорить о необходимости для него тибетских лекарств. От послов он услышал, что у богдыхана происходят частые сношения с тибетским далай-ламой,—между тем, «как пресекался свободный путь южными землями, его (Аюки) люди с того времени в Западный Дзан (где живет далай-лама) ездить не могут, и он уже никаких оттуда лекарств не получает». Аюка надеется, что богдыхан поможет ему выйти из затруднитель-

ного положения по части тибетских лекарств. Смысл речи хана понятен Аюка знал, что за помощь Китаю в войне с Джунгарией пекинская дипломатия сулит калмыкам свободный доступ в Тибет прямым южным путем, исключавшим необходимость пользоваться сибирскою и китайскою дорогами и входить всякий раз с особыми просьбами о пропусках к русскому и пекинскому правительствам. Но, подчеркнув заинтересованность предложением южного пути в Тибет, Аюка с тем вместе указывает посольству, что, в силу сложившихся обстоятельств, он принужден пока уклониться от прямого ответа на предложение богдыхана.

Чтобы в Пекине не сомневались в убеждении Аюки относительно высокой постановки военного дела в Китае, обеспечивающей военные успехи, калмыцкий хан поручает посольству довести до сведения богдыхана хвалебный отзыв о манджуро-китайских войсках. Хан имел случай присутствовать при стрельбе двух манджуров,—оказалось, что они «в метании стрел имеют совершенное искусство, и он (хан) весьма тем доволен, что искусство их видеть удостоился».

Дальнейшую часть речи Аюка посвящает заявлению о своих симпатиях к манджуро-китайцам. С целью рельефнее оттенить эти симпатии, он сравнивает свои отношения к манджуро-китайцам и к русским. Хан отмечает поразительное сходство в покрое своих и манджуро-китайских одежд, а также в устройстве головного убора. Действительно,—пишет Тулицен,—«хотя он (хан Аюка) от нашего государства и в дальнейших краях света пребывает, однакож с нами в шапках и в платье имеет великое сходство». Что же касается русских, то, по откровенному заявлению Аюки, «применить к ним» манджуро-китайцев, а следовательно и калмыков, никак «не можно». Как бы предоставляя самим послам сделать отсюда соответствующий вывод, Аюка дает им совет на обратном пути «присматривать дорогой русских людей состояние и обстоятельно описать» все места, чрез которые случится им проезжать а затем представить обо всем этом «обстоятельную ведомость» богдыхану, дабы он «своим пресветлейшим разумом рассмотреть соизволил, какое об русских людях должно учинить определение». Следует заметить, что Петр I, в связи с своими заграничными поездками, открывшими ему широкие

политико-экономические и другие горизонты, был заинтересован, между прочим, планом завязать прочные торговые связи с Китаем. Поэтому, вышеприведенные слова Аюки, как человека, волей судьбы оторванного от Д. Востока, но все же и «на краю света» заявлявшего себя приверженностью к Китаю, имели тот смысл, что с Россией, как с большой и сильной страной, маньчжуро-китайцам необходимо серьезно считаться, и что для пекинского правительства требуется всестороннее ознакомление с нею, прежде чем устанавливать те или иные отношения, которые могут отражаться и вообще на политических делах Китая.

Возможность дальнейших сношений между Пекином и калмыцкой степью Аюка не только не исключает, но наоборот, предполагает их расширение, при чем просит послов передать свое мнение богдыхану, что не следует отправлять больших посольств друг к другу, так как «ежели впредь свиты польские состоять будут из большого числа людей, то могут русские люди притти от того в опасность»⁵³ и пресечь свободный проезд их землею, и, таким образом, лишится он (Аюка) и того, что с поздравлением и с принесением даров ко двору е. в—ства послов своих посылать уже не (с) может». Аюка, не скрывая своей зависимости от русского правительства и подчиненности ему, указывал, что при выработке в Пекине разного рода политических планов, в которых может быть отведена известная роль и калмыцкому хану, необходимо учитывать его фактическое положение в России и не возлагать на него больших, чем следует, надежд.

В конце речи Аюка просит посольство принести китайскому богдыхану «всенижайшее поздравление» и «усердное благодарение» за оказанную милость и внимание, «хотя он (Аюка) в последних краях света имеет свое жительство». Пожеланием «священнейшему и великому» богдыхану, «при всегдашнем благополучии, на тьму тьмов лет здравствовать» — Аюка заключает свою речь, от начала до конца проникнутую чувством какой то беспредельной тяги к Д. Востоку, где Китай представлял главную политическую силу.

⁵³ Т. е., в опасности.

На следующий день, 11 июля, хан Аюка, его жена Дарма Бала, старший сын Чакдоржап и сестра Аюки Дорджи-Араптань предложили прощальные подарки пекинским послам. Каждому из них они дарили по лошади и, кроме того, Аюка назначал 76 лошадей и 400 красных кож на все посольство, да Чакдоржап—72 лошади и 200 красных кож. Послы имели наказ от своего начальства принимать подарки не иначе, как только после двоекратного, даже троекратного отказа от них⁵⁴. Поэтому они заявили, что предложенных подарков не могут принять и не имеют в них нужды, — они рады, что исполнили возложенное на них богдыханом поручение — отвезти калмыцкому хану грамоту: «сие, благополучно оконченное нами дело почитать мы должны выше всяких подарков», — сказали послы. Сверх того, они довольны теми подарками и угощениями, какие раньше получены ими от калмыков, а теперь, на обратном пути, они будут пользоваться довольствием от русских, чрез землю которых поедут. Однако, чтобы не гневить хана, послы соглашались принять от него по одной лошади, а от прочих лошадей, как и от красных кож, «изволил бы (хан) их уволить». О предложенных подарках послы обещают доложить богдыхану, как о знаке внимания к ним калмыков. Когда посланцы Аюки вторично явились к послам с предложением подарков и, извиняясь неимением лучших подарков, просили от имени Аюки принять лошадей и кожи «в единый знак своего простого сердца и почтения» и указывали, что послам можно будет употребить ханские подарки «на свои домашние расходы», — послы ответили: «У нас нет того в обычае, чтобы продавать подарки, и когда примем мы малую часть из подарков, то сие равно почтено быть может тому, будто мы и все приняли». В третий раз сам Аюка не стал настаивать и успокоился на том, что послы «приняли только по одной лошади» от него, хана, от Дарма-Балы, Дорджи-Араптань, Чакдоржапа и от Церен-Дондука, сына Аюки от Дарма Балы, ставшего с 1724 года преемником отца по управлению калмыками.

12 июля Аюка прислал по лошади двум манджюрам-стрел-

⁵⁴ *Байтши-Каменский*, цит. вад., стр. 79.

кам. Тогда же дочь Дорджи-Араптань, состоявшая в замужестве за Чакдоржапом, Чаган-Саму подарила послам каждому по мерину; извиняясь за свой «простой» подарок, несоответствующий «чести» высоких послов, она просила принять его в знак признательности повелителю послов—богдыхану за милости, оказанные им ее отцу Очирту-Чечень (Цэцэн) хану, а также послу ее матери и Арабжюру, о чем просила довести и до сведения богдыхана. По этому поводу послы составили особое совещание и дебатировали на нем вопрос, следует ли принять подарок Чаган Саму, и наконец решили, что можно доставить ей это удовольствие. Вероятно, послов смущало то обстоятельство, что сама Дорджи-Араптань воздержалась от выражения благодарности богдыхану за своего посла, поехавшего вместе с Арабжюром.

Послы, как заметно, не были довольны калмыцкими подарками, потому что, приехав в Саратов, раздали лошадей русским толмачам, состоявшим при послах, и «воинским людям», конвоировавшим посольство. Тулишен упоминает еще об огнестрельном ружье, преподнесенном чрез послов богдыхану Церен-Дондуком, которому тогда было около 14 лет ⁵⁵, но ничего не сообщает о «доброй оправной сабле» и „немецких карманных часах», которые хотел послать в подарок богдыхану Чакдоржап.

Того же 12 июля пекинскому посольству было объявлено, что оно может ехать в обратный путь, и что подводы для него уже готовы. Сам Аюка отсечевал от Монтохоя на другое место, так как подножный корм для скота на этом урочище истощился. 13 (а по Тулишену—14) июля посольство двинулось в дорогу на Саратов в сопровождении калмыков и русских «воинских людей». 23 июля оно прибыло в Саратов, откуда поехало на Казань и дальше. В Казани послы были 25 и 26 октября 1714 года. В Пекин приехали они 20 апреля 1715 года ⁵⁶.

⁵⁵ Церен-Дондук родился около 1701 года; см. „Ежемес. соч. и изв. о уч. делах,“ цит. выше, октябрь, стр. 352, примеч. под звездочкой.

⁵⁶ Там же, стр. 319—353, 387, 412, 428,—437.

Интересно было бы установить, какими реальными последствиями сопровождалось пекинское посольство к калмыцкому хану в 1714 году. Богдыхану не удалось втянуть Аюку в войну с Джунгарией, — это мы знаем. Из истории второго пекинского посольства к калмыкам в 1731 году узнаем и то, что хану Аюке не удалось отправить от себя ответное посольство в Пекин. Но сносился ли он с русским правительством по поводу возвращения Арабжюра на родину чрез Сибирь? С другой стороны, какую форму приняли отношения между калмыками и джунгарцами, которым, без сомнения, стало известно о посещении хана Аюки манджуро-китайским посольством? — На эти и другие возможные вопросы мы не находим ответов в документах АКА, какими только и располагаем за 1715—1717 годы⁵⁷. Документов 1718 года в АКА совсем не сохранилось⁵⁸. Только в письме Чакдоржапа от 28 января 1719 года к преемнику Чирикова, астраханскому обер-коменданту К. И. Эваницкому читаются следующие строки: «Которой посол был от нас (к) далай-ламе посыльщик в Сибирь, и ныне я посылаю посыльщика своего на встречу. И ты прикажи их отправить и дать подводы вскоре»⁵⁹. Из приведенных строк видно, что калмыцкий посол возвращался от далай-ламы из Тибета чрез Сибирь и едва-ли мог миновать Пекин, хотя бы в виду необходимости получить разрешение на проезд в Тибет чрез восточную Монголию. Из калмыцкой степи посол выехал, вероятно, не позже 1718 года. В АКА имеется копия грамоты Петра I к Аюке от 10 марта 1719 года, которую дается знать о разрешении проезда чрез Сибирь посланцам от далай-ламы к Аюке в числе 24 человек, сопровождаемых таким же числом калмыков, ездивших в Тибет, при чем в грамоте говорится, чтобы на будущее время, в случае нужды послать посланцов на Д. Восток, хан Аюка заблаговременно сообщал о том русскому правительству: — «Которые ныне приехали в Tobольск от далай-ламы посланцы твои (т. е., хана

⁵⁷ Три документа в д. 1717 года № 5, лл 33, 44 и 48, от 28 марта, 2 и 17 апреля 1717 года, касающиеся сношений калмыков с Персией, к нашему вопросу не имеют отношения.

⁵⁸ Не значатся они ни в описи 1868, ни в описи 1899 годов.

⁵⁹ АКА, д. 1719 года, № 6, л 20.

Аюки) – двадцать четыре человека, и с ними от далай-ламы к тебе, подданному нашему, едут посланцов двадцать четыре человека, и тех велено пропустить, и наш, ц-ского в-ства, указ к сибирскому губернатору о сем послан же. Только впредь надлежит тебе о таких посланцах нам доносить заранее, чтоб мы, в-ный г-рь, ведая о них, могли о пропуске их указы свои послать; а без известия, таких указов посылать невозможно, чтоб другие, назвавшись твоими посланцами, не пролыгались»⁶⁰. Возможно, что посол Чакдоржапа, о котором упоминает он в письме к Эваницкому, тоже находился в составе посольства хана Аюки, состоявшего из 24 человек. Посольство возвращалось в степь чрез сибирскую русскую границу, и трудно допустить, чтобы в Тибет оно ехало иным путем, южным.

Вот те скудные сведения, какими мы располагаем по вопросу о ближайших последствиях посольства 1714 года. По-видимому, ничего выдающегося и не представляли собой эти последствия. Но, во всяком случае, у калмыков не заводилась дружба с Джунгарией, нежелательная для Пекина. Южный путь в Тибет по прежнему оставался в распоряжении джунгарцев, и калмыки не рисковали пользоваться им, к удовольствию манджуро-китайцев.

Этим бы и можно было закончить рассказ о пекинском посольстве 1714 года, если бы с ним некоторые исследователи не связывали одно обстоятельство, имеющее свое значение в калмыцкой истории, которого нельзя не коснуться.

14.

Автор книги: «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте», Н. Нефедьев, справедливо считая, что дело Арабжюра было лишь «одним слабым предлогом» к посылке в калмыцкую степь посольства из Пекина и правильно догадываясь, что «для пекинского кабинета, озабоченного Зюнгарией, нужны были сведения о состоянии калмыцкого народа и об отношениях одного к единоплеменным зюнгарам», говорит: «Важность посещения послов ясно обнаруживается тем, что Аюка в бытность их произвольно объявил наследником по себе сына Чакдоржапа и, вручив ему полученную от

⁶⁰ АКА, д. 1719 года, № 7, л. 79 об.

далай-ламы ханскую печать, сам начал употреблять другую»⁶¹. Прежде всего, Нефедьев ошибочно называет 1713 год годом приезда пекинского посольства в калмыцкую степь. Заметим при этом, что такая же ошибка оказывается и в официальной справке коллегии ин. дел. данной в 1762 году по имущественному спору кн. В. Дондуковой,⁶² где между прочим, читаем: «В 1713 году, в бытность при хане Аюке китайского посла Тулишина, действительно объявлен был Аюкою ханом наследником помянутой большой сын его, Чакдоржап, только и оной умер прежде Аюки хана, т. е. в 1722 году»⁶³. Просматривая оригиналы писем Чакдоржапа к астраханскому обер-коменданту за 1713 год, можно точно установить, что нового образца печать появляется у него в конце августа этого года,— до тех пор он прикладывал к письмам другую печать, которая после уже никогда не употребляется им⁶⁴. Из письма жены Чакдоржапа, Джал, полученного Чириковым в августе того же 1713 года, видно, что в семье Чакдоржапа устраивался какой то большой пир, слух о съезде гостей на который, по мнению Джал, должен был прийти и до обер-коменданта: «Чай, и вашей милости слышно, что будут у меня гости»,— писала она, прося прислать разных овощей и напитков в большом количестве⁶⁵. Если появление новой печати у Чакдоржапа в конце августа и пир, устроенный у него в том же месяце 1713 года, свидетельствуют об утверждении его ханом в правах наследства,— вернее, о восстановлении в этих правах, утраченных в 1701 году при ссоре с отцом,—то это событие не может быть связано ни с приездом пекинского посольства в июле 1714 года, ни даже с приездом свата-посла в марте того же 1714 года. Тулишин и Шничер ни словом не обмолвились о провозглашении Чакдоржапа наследником калмыцкого ханства; следовательно, этого провозглашения и не было во время пребывания пекинского посольства в степи.

⁶¹ *Н. Нефедьев*—, Подр. свед. о волжск. калмыках, собр. на месте. СПб. 1834, стр. 38—39.

⁶² Вдова хана Дондук—Омбо 1735—1741, родом кабардинка, носившая раньше имя Джан.

⁶³ АКА, д. 1784 года, № 494, лл. 307—308.

⁶⁴ Печать переходит к жене Чакдоржапа, Джал, а затем попадает к хаву Дондук-Дани (1741—1761).

⁶⁵ „Документы Калм. Архива“ и пр., цит. выше изд., стр. 154—155. Число получения этого письма Чириковым не обозначено в переводе,—указан только август месяц 1713 года.

Допуская датой восстановления Чакдоржапа в наследственных правах август 1713 года, но, вопреки Нефедьеву и справке коллегии ин. дел от 1762 года, не находя оснований связывать это событие с приездом пекинского посольства, мы допускаем и то, что доставкой печати от далай-ламы, обычно санкционировавшего права на ханство, Чакдоржап обязан, скорее всего, Самтану, получившему печать от далай-ламы для передачи по назначению в свою бытность в Тибете, куда свободно мог проехать из Пекина, а в калмыцкую степь возвратился в конце 1712, или в начале 1713 года. Едва ли это не тот самый лама Самтан, который вместе с другими ламами являлся от хана Аюки к пекинским послам 7 июля 1714 года для разговоров.

Для проверки слов Нефедьева, будто Аюка, вручив Чакдоржапу ханскую печать, полученную от далай-ламы⁶⁶, сам стал употреблять другую,—необходимо было бы ознакомиться с печатью, какая прикладывалась к письмам («листам») Аюки до 1713 года. Но, как сказано выше, в АКА не имеется документов раньше 1713 года. Что же касается печатей хана Аюки на письмах начала 1713 года⁶⁷, то они ничем не отличаются от печатей на письмах его в конце этого года и в последующие годы.

28 авг. 1923.

28 июля 1926.

⁶⁶ Не ясно, какую печать имеет в виду Нефедьев. Если Аюка отдал Чакдоржапу печать 1713 года, то куда девалась его ханская печать 1690 года, раз он стал пользоваться какою-то другою печатью?

⁶⁷ Сведения о печатях Аюки и Чакдоржапа на документах АКА даны в „Докум. прим. Архива“, цит. выше, стр. 142,7. Размеры этих печатей отличаются от размеров печатей, указываемых В. Л. Котвичем; цит. изд., стр. 1202.

III.

Калмыки и Джунгария за период времени с 1723 по 1728 год.

1.

Мы видели, какую глубокую преданность богдыхану старался показать калмыцкий хан Аюка в речах на приеме пекинского посольства в 1714 году и с какою предусмотрительностью проектировал он дальнейшие сношения калмыков с манджуро-китайцами. Казалось, что между калмыцкой степью и Китаем надолго установятся прочные политические связи. Но на самом деле этого не вышло. Спустя лет 6—7, у руководителей калмыцкой политики произошел существенный перелом в настроении, и на смену симпатий к Китаю появляется тяготение к Джунгарии, ненавистной Пекину. Перемена политического курса хронологически совпадает с моментом появления Шакур-ламы в калмыцкой степи.

Родом приволжский калмык, Шакур-лама в ранней молодости отправился для изучения буддийских наук в Тибет, где провел более 20 лет и достиг положения начальника одного из семи монастырей далай-ламы. По приглашению Аюки он возвратился в степь, чтобы занять место состарившегося Бюкюнчин-ламы. В калмыцкой истории Шакур-ламе пришлось играть видную роль до 1735 года, и для выяснения ближайших событий было бы важно знать год возвращения его на родину. Но материалы АКА не дают прямых указаний на этот счет, выводы же, какие можно сделать на основании сведений одного документа, относящегося к 1724 году, нельзя признать неопровержимыми.

5 декабря указанного 1724 года калмык Монколон говорил астраханскому губернатору А. П. Волынскому: «Ныне де все калмыки о Шакур-ламе сумнительны для того, что по приезде де ево к ним от далай-ламы чинятся у них великие несчастья, а именно де: по приезде его, ламинном, в первом

году Чапдержап¹ с своими детьми был в несогласии, и для того разделил им улусы свои все врознь; во втором же году — он, Чапдержап, и Бюкюнчин-лама померли; в третьем году — хан Аюка умре, и было великое междоусобие; в четвертом году — у них же, калмык, великое несогласие“². Известно, что ссора Чакдоржапа с детьми произошла в 1721 году. Известно также, что смерть Чакдоржапа последовала 19 февраля 1722 года, а ровно через два года после того, 19 февраля 1724 года умер хан Аюка. Между тем, Монколон отделяет смерть Чакдоржапа от смерти Аюки только одним годом, говоря, что первый умер во втором году по приезде Шакура, второй — в третьем году. К четвертому году он относит «великое несогласие» среди калмыков, вызванное борьбой претендентов на ханство по смерти Аюки и особенно разросшееся к осени 1724 года. Датировка первого, второго и четвертого событий в калмыцкой жизни, перечисленных Монколоном, не вызывают сомнений. Но почему смерть Аюки он отнес к третьему году, тогда как, по видимому, следовало отнести ее к четвертому году, а к третьему — приурочить «великое междоусобие» 1723 года, когда внук Аюки Дондук-Омбо напал на двоюродного брата Дасанга, сына Чакдоржапа, и отнял у него улус?

Едва ли допустимо то объяснение, что Монколон, не заботясь о хронологической отчетливости, просто подсчитывает печальные события, следовавшие одно за другим по приезде Шакур-ламы. При таком объяснении потребовалось бы, конечно, исправить третий год смерти Аюки на четвертый и, отделив «великое междоусобие», предшествовавшее смерти хана от этого последнего события, приурочить войну Дондук-Омбо с Дасангом к третьему году и только ее одну поставить под этим годом. Вместе с тем, требовалось бы отнести к четвертому году не только лишь смерть Аюки, но и «великое несогласие» среди калмыков, потому что и то и другое произошло в одном и том же 1724 году. Но производить подобного рода исправления, значило бы посягать на текст документа, а этого

¹ Старший сын и наследник Аюки. В его имени удерживаю начертание документа — Чапдержап, вместо обычного Чакдоржап, как и Шахур — лама, вместо Шакур — лама.

² АКА, д. 1723—1725 годов. № 14, л. 195 и об.; также л. 190.

мы не вправе сделать, исходя из соображений, что слова Монколона, прежде занесения их в «Журнал калмыцким делам», где они находятся, без сомнения, были проверены компетентными лицами, которые не нашли в них хронологических неточностей и поместили в «Журнале».

Попытаемся обойтись без исправлений и примем текст, каков он есть. По буквальному его смыслу, Аюка умер в 1723 году, в третьем году приезда Шакур-ламы. С точки зрения нашего летосчисления, 1723 год — хронологическая ошибка. Но если принять в соображение, что Монколон вел счет годов по-калмыцки, начиная новый год с праздника Цаган-Сара, то у него не получится ошибки в годе. Цаган-Сара бывает в феврале и приходится в разные числа этого месяца, как русская масленица³. Против предыдущего года названный праздник может сильно запаздывать в текущем году, так что в двух, рядом стоящих годах может оказаться, да и всегда оказывается, не одинаковое количество дней. Очевидно, между Цаган-Сара 1722 года и Цаган-Сара 1724 года полных наших двух лет не протекло, и поэтому год смерти Аюки, по калмыцкому летосчислению, оказался 1723, а 1724 год еще не начинался. В том же 1723 году произошло «великое междоусобие» у калмыков; оно предшествовало смерти хана, по своему началу, но борьба между Дондук-Омбо и Дасангом продолжалась и после смерти хана, изменив несколько свою форму, почему Монколон и упомянул о ней после указания на смерть Аюки.

Итак, когда же Шакур-лама приехал в калмыцкую степь? Опираясь на слова Монколона, что «по приезде» Шакура от далай-ламы у калмыков начали происходить разные несчастия, и что в первом году возникла ссора в семье Чакдоржапа, можно было бы отнести приезд Шакура к 1721 году. Но все же нельзя не отнестись к этому году с некоторою осторожностью. Слова Монколона могли обозначать не то, что несчастия начались в калмыцкой степи тотчас по приезде Шакура, но что они последовали вскоре после того. При этом, называя первый год и последующие годы, Монколон мог иметь

³ Калмыки говорили русским: „ваша масленица и наш цаган-сара точно брат и сестра“. Трудность перевода калмыцкого времясчисления на русское указывал еще А. М. Позднеев — „Сказание о хождении в Тибетскую страну малодерботского База-бакши. СПб. 1697“, стр. XIV и стр. 125, примечание 8.

в виду сокращенное обозначение 1721 и дальнейших годов, а не первый и следующие годы пребывания Шакур-ламы в степи. С другой стороны, нам известно о пропуске 24 посланцов из Тибета и 24 сопровождавших их калмыков, по грамоте 10 марта 1719 года⁴. В этой группе мог находиться и Шакур-лама. Последующие, возможные на основании указанной грамоты посылки калмыков в Тибет и возвращения оттуда в степь нам неизвестны. Разрешенный в 1719 году приезд путешественников с сибирской границы в астраханскую степь, конечно, требовал времени. Без сомнения, тибетцы и калмыки ехали с задержками по важнейшим городам, где опрашивались властями, а если их повезли чрез Москву, то здесь они должны были подвергнуться особенно длительным всесторонним расспросам в коллегии ин. дел. так как дальневосточные дела весьма интересовали тогда русских дипломатов. Время шло своим порядком, и едва ли путешественники успели приехать в калмыцкую степь в том же 1719 году, в каком отехали от границы,—скорее явились они в степь в 1720 году. На этом году, кажется, и следует остановиться, как на наиболее подходящем при комбинировании имеющихся в нашем распоряжении документальных данных. Но все же оговоримся: если из Тибета был приезд калмыков еще и после 1719 года,—возможность его не исключена,—то Шакур-лама мог появиться в степи и в 1721 году, во всяком случае—не позже этого года, так как стал очевидцем ссоры Чакдоржапа с детьми в 1721 году. По нашим соображениям, только между 1720 и 1721 годами возможен выбор.

2.

Шакур-лама, по прибытии в калмыцкую степь, не замедлил об'явить калмыкам „повеление“ далай-ламы о необходимости для калмыков откочевать из России к кому-либо из монгольских ханов, „однoзаконных“ калмыкам, при чем выбор этого хана предоставлялся далай-ламой усмотрению самих калмыков. „Повеление“ главы ламаитского мира произвело сенсацию в степи. Не спорили о том, следует ли исполнять „повеление“ далай-ламы и уходить из России, как так оно имело обязательную силу, но дебатировали вопрос, в какую сторону

⁴ См. выше, стр. 46.

направиться, на восток ли Монголии, или на запад ее. Аюка, под влиянием джунгарки Дарма-Балы и Шакур ламы, остановился выбором на Джунгарию и решил откочевать туда. Разлад среди калмыков помешал привести в исполнение выработанное ханом решение, а затем его постигла смерть. Есть основание полагать, что русским властям стало известно о новых планах Аюки, но в деталях они обнаружались позже. Только под 25 февраля 1725 года мы находим в „Журнале калмыцким делам“ запись сообщения, сделанного тогда переводчику В. М. Бакунину калмыком Токто со слов Талы, „ближнего человека“ у ханши Дарма-Балы: „В прошлых де годах, по прибытии Шахур-ламине от далай-ламы, об’явил он, Шахур-лама, поведением далай-ламиним хану Аюке, чтоб они, все калмыки, из-под российской протекции к своему однозаконному, которому ни есть, хану откочевали. И хан де Аюка, и жена ево Дарма-Бала, и Шахур-лама, и Эмчи-гелень предложили, чтобы им откочевать к кон-тайше, обослався с ним и об’явя ему повеление далай-ламино. И надеялись де, что он, хонтайши, далай-ламино повеление не оставит, и их так, как ханова сына Санжиша, не раззорит. Однако, оное их намерение повредила Дасангова ссора и хана Аюки смерть“⁵.

«Повеление» далай-ламы, в проекте осуществления его калмыками, затрагивало прежде всего интересы Китая. Хотя далай-лама не идет яв. о в разрез с политикой Пекина по отношению к калмыкам, — он не указывает определенно на Джунгарию, как на страну, куда непременно должны откочевать из России калмыки, напротив, предоставляет им свободу выбора по части их будущего поселения, так что калмыки могли отойти и к восточной Монголии, подвластной богдыхану, — но, предпочтя Джунгарию другим возможным местам поселения, калмыки радикально меняли прежнюю политическую ориентацию и становились на дорогу, не соответствующую видам мавджюрокитайцев. Что касается русского правительства, то оно должно было остаться довольно переменной политической ориентации у калмыков, так как около 1721 года переговоры с Пекином об установлении торговых сношений приняли нежелательный оборот для России и грозили полным разрывом всяких сноше-

⁵ АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 210 об.

ний между обоими государствами. А между тем серьезно стал разрабатываться план подчинения Джунгарии протекторату России, к Цэван-Рабтану было отправлено особое посольство для переговоров по этому вопросу⁶, очень обеспокоившее Пекин⁷. Сочувствуя восстановлению прерванных было связей калмыков с джунгарцами, русское правительство должно было тем не менее принять меры к тому, чтобы калмыки не откочевали в Джунгарию, так как они нужны были в качестве оплота России на восточных границах астраханской губернии против киргиз-кайсаков и каракалпаков, а на южной границе — против кубанских татар. Принять соответствующие меры предосторожности было посильно России, но для Китая калмыки остались вне пределов досягаемости. Китай не мог парализовать сношения калмыков с джунгарцами, допущенные в известной мере русской дипломатией, и должен был терпеливо ожидать момента, когда сами калмыки снова явятся в Пекин на поклон к богдыхану.

В 1722 году, в бытность в Астрахани Петра I, Аюка несколько раз представлялся ему и получил от императора такой интересный для степняка, старого вояки, знак милости, как саблю в дорогой оправе с алмазами. Дарма-Бале, награжденной драгоценным поясом, была обещана Екатериной I особая заботливость со стороны императрицы на случай вдовства, по смерти Аюки, о чем она вспоминала в письме к Екатерине от 5 июля 1726 года: „Наперед сего, когда с вами я виделась и о собственном моем деле доносила“, — писала вдовая ханша, — „тогда вы указали мне о собственных моих нуждах доносить. А понеже я чаю, что вы, яко высокая персона, за отягчением великими делами, может быть, то замятовали, и для того чрез сие мое дознание о том возобновляю. А ежели же и ныне оное не в забвении, то изо всех милостей я почитаю себе то за первую милость“⁸. Грамотой от 19 июля того же года императрица подтверждает ханше свою „милость“⁹. Правда, в

⁶ Н. И. Вesselовский „Посольство к зюнгарскому хун-тайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Ун-овского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. (Записки Рус. Географ. Об-ва по отд. этнографии, т. X., вып. 2). СПб. 1887.“

⁷ *Байтши-Каменский*, цит. изд., стр. 98 и 103.

⁸ АКА, д. 1726 года, № 22, л. 531 и об.

⁹ Там же, лл. 535—536.

1726 году внешние обстоятельства стали складываться неблагоприятно для осуществления смелых планов Дарма-Балы, и ей пришлось обращаться к Екатерине с довольно льстивым письмом, но милости 1722 года не остановили ни ее, ни Аюку от попыток привести в исполнение „повеление“ далай-ламы относительно ухода из России к „однoзаконному“ хану. Первым шагом в этом направлении было сватовство старшего сына Аюки от Дарма-Балы Церен-Дондука на дочери джунгарского хун-тайджи Цеван-Рабтана. По Нефедьеву, оно падает на 1723 год¹⁰,—тогда именно началось это сватовство, за ширмой которого скрывались переговоры о более серьезных делах политического характера.

3.

Сношения Аюки и Дарма-Балы с Цеван-Рабтаном происходили в нелегальном порядке, вызывавшемся стремлением переговаривающихся сторон сохранить строгую тайну переговоров. По крайней мере, такое впечатление производят обстоятельства, при которых глубокой осенью 1724 года был пойман калмык Дугар, сопровождавший пять человек джунгарцев-посланцов с Есеем во главе. Они ехали из калмыцкой степи обратно в Джунгарию. Путь лежал через киргиз-кайсацкие степи. Выше г. Дмитриевска (Камышин) в одном урочище при Волге путникам надо было переправиться через реку. Для этой цели они захватили „завозню“ у русских людей и „на салах“ переплыли через Волгу. Русские бросились за ними в погоню, но поймать удалось только одного Дугара,—остальные ускакали на резвых конях. Дугар был посажен под караул в Саратове и подвергнут допросу. По сообщению А. П. Волынского в коллегия ин. дел от 30 ноября того же 1724 года, Дугар на допросе показал следующее: „Отправились де от Черендондука¹¹ хонтайшины посланцы Есей с товарищи пять человек, которые были у них будто того для, чтоб он, Черендондук, взял у хон-тайши дочь-девицу себе в жену, и с теми де посланцы отпущено от Черендондука к хон-тайше калмык тридцать человек, в том числе и он, Дугар“. Передавая далее подробности

¹⁰ Цит. изд., стр. 46—47.

¹¹ Начертание документа.

поимки Дугара, Волинский прибавляет: „А зачем от него, хон-тайши, к Черендундуку посланцы подлинно приезжали, и для чего с теми посланцы, к нему, хон-тайше, толикое число калмык отправлено, о том оным калмыченином не розыскано“¹². Конечно, в виду ходивших упорных слухов о намерении Дарма-Балы увести калмыков в Джунгарию и о том, что она склоняет безвольного сына Церен-Дондука, ставшего после смерти Аюки калмыцким наместником, последовать за собой, Волинский с образил, что целью столь заботливо скрывааемых сношений с Цеван-Рабтаном является не одно только сватовство наместника, а вместе с этим ведутся и другого рода переговоры. Поэтому, одновременно с докладом в коллегия ин. дел Волинский посылает и доношение в сенат: „Получил я ведомости от доброжелательных калмык, от четырех человек“, — пишет он, — „которые сообщили мне тайно в разные времена, однакож от всех слышу согласно, что ханская жена будущего весною намерена отойти к конь-тайше, к чему и сына своего Черендундука склоняет, но он в том противен, представляя ей учинившиеся прочим от конь-тайши примеры, как он, примая к себе, лиши их и собственных их улусов. Но она ево обнадуживает, что хотя б над прочими владельцы он, конь-тайши, то и учинил, им из того повреждения не будет, а над ними того конечно не сделает“¹³.

Джунгарский посланец Есей находился еще в калмыцкой степи, как к Дарма-Бале приехали от Цеван-Рабтана новые три посланца: Илжа, его сын Данбу и Чита. Волинский пропустил джунгарцев в улус ханши чрез Саратов 29 августа 1724 года на основании паспорта, выданного им на проезд в калмыцкую степь тобольскими властями 29 мая того же года. На этот раз джунгарцы действовали легальным способом при отправке посланцов. 4 декабря Волинский получает указ коллегии ин. дел от 5 ноября, предписывающий губернатору, „когда те посланцы контайшины в улусы калмыцкие прибудут, или уже и прибыли, стараться подлинно проведать, каковы оные и для каких дел присланы, и прилежно смотреть на их поступки, чтоб от них не могло произойти какого бо-

¹² АКА, д. 1724 года, № 19, л. 189 и об.

¹³ Там же, л. 200. Автограф Волинского.

вреждения“. 13 декабря Волынский ответил в коллегия, что при опросе самих посланцов они объяснили цель своего приезда так: „Они посланы от хон-тайши к ханской жене с известием о здоровьи кон-тайши и для проведения с ее здоровьи“. Но 2 декабря губернатор получил другую информацию: „Сего декабря 2 дня приказывал ко мне из калмыцких улусов зайсанг Билютка“, — писал Волынский, — „что те посланцы приехали с тем, что предбудущего 1725 года, в вешнее время, придут ево, контайшины, передовые войски к реке Яику, будто де для взятъя за кон-тайшиных владельцев за-муж дочерей здешних владельцев, а прошедшим де летом он, кон-тайши, не мог до них досхать за кайсацкою войной“. Передавая губернатору эти сведения, осторожный Билютка отказывался сам судить, насколько правдоподобно то, что хун-тайджи подведет свои войска к реке Уралу будто только для встречи и приема калмыцких невест, и что в этом маневре не заключается никакой другой цели: „А подлинно ли де за вышеписанным хон-тайшины войски будут, того де он, Билютка, не ведает“¹⁴. Ограничившись изложением имеющихся данных, Волынский не высказывает своего мнения по запросу, так как взгляд астраханского губернатора на главную причину сношений калмыков с джунгарцами был известен коллегии.

Отправляясь из Астрахани в столицу в январе 1724 года, Волынский уже в достаточной степени был осведомлен относительно возобновления временно прерванных было связей калмыцкой степи с Джунгарией, а также о подготовке хана и Дарма-Балы к уходу из России. Дальнейшие известия о том поступали к нему в Москву от астраханских его сотрудников¹⁵. 19 марта Волынский получил письмо от В. М. Бакунина, датированное 3 февраля. «О хон тайше и черных калмыках прошедшего лета какие ведомости были, о том в. п. ство известны. А выше, государь, увидел я при здешних калмыках ото владельца Лекбея (которой прошедшим летом от каракалпак разорен) посланца и проведал про него тайно: и оной прислац от помянутого Лекбея к Дасангу с тем, что хон-тайши ны-

¹⁴ Там же, л. 310 и об. Копия паспорта, данного джунгарцам из Тобольска, — АКА, д. 1724 года, № 18, л. 430.

¹⁵ Волынский провел в отлучке больше 7 месяцев, находясь это время преимущественно при дворе. Д. А. Корсаков — „А. П. Волынский“, в сб. „Древняя и Новая Россия“ за 1877 год, т. I, № 3, стр. 299.

нешнюю зиму у каракалпак и у киргиз-казаков взяли войною четыре города, от которых до Янку, —сказывают,— езды месяц. И сам де он, хон-тайши, идет к Янку со всем своим жилищем, чего де для каракалпаки и киргиз казаки пришли кочевать к Янку реке, где кочевал Дорджи Назаров. И оных каракалпак и киргиз-казаков Дорджи Назаров убоясь, соединился со владельцем Хошот-Дондуком и вышеписанным Лекбеем, и принужден итти кочевать к Красному Яру, и ныне де уже обретается на урочище Хонгоре, от которого до Красного Яру езды два дни, а и еще де будет ближе»¹⁶. Отношение к хун-тайджи той группы заволжских калмыков, где среди владельцев наиболее крупной фигурой являлся Дорджи Назаров, кандидат в ханы, указанный Петром I, стало интересовать Волинского несколько позже, — в данный момент его внимание сосредоточивалось, главным образом, на действиях хана Аюки и его жены Дарма-Балы. Однородные сообщения Волинский получил и от астраханского коменданта, Ф. Л. Митрофанова. Его письмо, помеченное 24 февраля, пришло в Москву 10 марта, раньше письма Бакунина. Митрофанов, передавая содержание доклада, сделанного ему Бакуниным о хун-тайджи, дополнял доклад некоторыми подробностями. От Билютки он узнал, между прочим, наименование городов, взятых джунгарцами у каракалпаков: „первой—Ясу, в котором каракалпацкой хан жил, второй—Сауран, третьей—Тайшкент, четвертой—Тюркустан“. Важность сообщений о крупных военных успехах Цеван-Рафтана и о движении его к реке Уралу побудила Волинского поторопиться представлением подлинного письма Митрофанова в сенат,—он сделал это 12 марта¹⁷.

Со смертью Аюки (19 февраля 1724 года) на Волинского легла трудная задача —провести в калмыцкие ханы владельца Дорджи Назарова, как того хотел Петр. В калмыцкой жизни наступал острый момент. Разгоревшиеся страсти представителей калмыцких партий, боровшихся каждая за своего кандидата в ханы, могли толкнуть калмыков на самые смелые шаги. В особенности приходилось опасаться за поведение Дарма-Балы. 16 апреля 1724 года Волинский имел доклад о калмыцких делах в сенате в присутствии Петра и подробно, по пунктам, об-

¹⁶ АКА, д. 1724 года, № 18, л. 17 и об.

¹⁷ Там же, лл. 11—12.

рисовал положение калмыцкой степи, взволнованной борьбой партий, при чем коснулся и плана Дарма-Балы уйти с калмыками в Джунгарию. В соответствии с докладом, в сенате была выработана и дана астраханскому губернатору инструкция от 2 мая, как вести дело по объявлению Дорджи Назарова ханом, и какие принять меры против замыслов враждебных ему калмыцких партий. В третьем пункте инструкции говорится: „А ежели ханская жена (т. е. Дарма-Бала), увидя то, что сын ее Черендундук в ханы не определится, и пожелает отойти к хон-тайше, или согласится с другими, противными ему, Дорджи Назарову, владельцы, — тогда ему, губернатору, оную всякими образами, ласкою и подарками, от противности отводить. А ежели ничто не поможет, то с ними поступать действием воинским, как с неприятеля“¹⁸. Очевидно, сенат придавал серьезное значение доводам Воынского относительно возможности ухода Дарма-Балы с калмыками в Джунгарию и поэтому облек астраханского губернатора широкими полномочиями, вплоть до применения в крайнем случае даже военной силы.

4.

Продвижение Цеван-Рабтана к реке Уралу, предположенное джунгарским хун-тайджи, летом 1724 года не состоялось. Причину этого калмыки видели в том, что внимание джунгарцев было отвлечено войной с киргиз-кайсаками, которую им пришлось вести тогда. Но 20 июля астраханский комендант Митрофанов получил известие, что владелец Дорджи Назаров снялся с своих кочевий и, переправясь чрез реку Ирғиз, взял направление к Уралу, и что к названному владельцу приехал посланец от Цеван-Рабтана; джунгарского посланца сопровождали посланцы от Черен-Дондука и Дондук-Омбо. Дасанг писал Митрофанову: «Дорджины улусы Ирғиз реку переправились, и хон-тайшин посланец¹⁹ к Дордже приехал, и с ним, посланцом, Черен-Дондуков и Дондук-Омбин, обоих, посланцы едут, а Дорджи посланца посылает... А сии вести», — прибавляет Дасанг, — «мне сестра моя и называемый Сундук,

¹⁸ Там же, л. 39.

¹⁹ Повидимому, Есей.

добрый человек, прислали» ²⁰. Таким образом, кандидат в ханы, подобно Дарма-Бале и ее единомышленникам, тоже вступает в какие-то переговоры с джунгарским хун-тайджи. Волынский получает от коменданта письмо Дасапта в копии 14 августа, вскоре по приезде своем в Саратов, вблизи которого предполагалось собрать калмыков для об'явления Дорджи Назарова калмыцким ханом. Волынский встревожился. В откочевке Дорджи Назарова он, прежде всего, усмотрел намерение владельца уклониться от ханства, а затем и причастность его к плану Дарма-Балы относительно ухода в Джунгарию вместе с прочими, враждебно настроенными по отношению к русскому правительству калмыками. Того же 14 августа Волынский спешит послать Дорджи Назарову письмо такого содержания: «Уведомился я, что вы покочевали прочь, что мне zelo удивительно. Разве добра себе не желаете, которое вам об'явлено было? Посылаю я вам Степана Шахматова и Якова Татаринова ²¹,—о чем вам будут предлагать, извольте им верить и немедленно их с последнею резолюциею ко мне отправьте» ²². Одновременно с этим Волынский дает распоряжение саратовскому дворянину Гр. Попову, находившемуся в калмыцких улусах: «Наведаться удобовозможными способами как чрез своих там приятелей, так и чрез прочих калмык, чего ради Дорджи Назаров покочевал прочь, и какое его намерение иттить—подлинно ль к хон-тайше, или куда инуды, и пойдет ли он на Яик, или нет» ²³.

Посылал ли Дорджи Назаров своего посланца к Цеван-Рабтану, не известно. Но, подойдя к реке Уралу, владелец повернул свои улусы обратно, в виду, вероятно, опасности со стороны киргиз-кайсаков и каракалпаков, отходивших к Уралу под давлением джунгарцев. 21 августа улусы Дорджи Назарова подверглись неожиданному нападению передового отряда киргиз-кайсаков и каракалпаков, усиленных башкирцами, и хотя неприятелей было всего 757 человек, но той части калмыков, которою предводительствовал сын владельца, Лубжа,

²⁰ Там же, лл. 237—238.

²¹ Ст. Шахматов и Я. Татаринов, как и Гр. Попов,—саратовские дворяне, служившие при калмыцких делах.

²² Там же, л. 259. Автограф Волынского.

²³ Там же, л. 159 об.

пришлось бежать, и сам Лубжа «с трудом спасся и ушел» от неприятелей. Но, впрочем, Лубжа скоро собрался с силами и, догнав неприятелей, разбил их на Узенском урочище: от калмыков «только ушли три человека, а прочих калмыки всех побили и в полон побрали» Докладывая об этом в сенат от 28 августа. Волынский писал: «Такой победы у калмык над каракалпаками никогда не бывало, и для того, во знак такой победы, Дорджи и дети ево прислали ко мне ²⁴ 415 человеческих ушей» ²⁵.

Из рапорта Шахматова Волынскому от 20 августа видно, что Дорджи Назаров уже успел узнать о дошедших до губернатора слухах по поводу намерения владельца уйти к Цеван-Рабтану, — он сам заводит разговор о том с посланцами Волынского и поручает им сказать губернатору: «Оное на него (Дорджи Назарова) донесено напрасно, ибо де ему того учинить не для чего, к стороне де е. и. в-ства от него никакой противности не показано». На личное свидание с губернатором кандидат в ханы выражал полное согласие ²⁶. Волынский готов был торжествовать. В вышеупомянутом докладе сенату он не преминул заметить: «Понсеже отчасти (Дорджи Назаров) имеет подозрение в том, что намерен был отойти, того ради я к нему за Волгу поеду и, по свидании с ним, буду его всячески ласкать и потом, ежели... все по указу е. в-ства учинит, буду его звать с собою на конгресс с здешними владельцы, где ево и об'явлю» ханом ²⁷.

Надежды Волынского не сбылись. После долгих переговоров с губернатором, Дорджи Назаров отказался принять ханское звание, и 20 сентября Волынскому пришлось об'явить Церен-Дондука наместником калмыцкого ханства. 21 сентября Волынский писал в сенат о подозрениях на Дорджи Назарова в намерении уйти из России не в Джунгарию, а «к китайской границе» ²⁸. Новые сведения о Дорджи Назарове, скорее всего, были доставлены Волынскому Поповым, после раз-

²⁴ Далее было написано, но зачеркнуто: „в презент 12 человек полоняников, да“ и т. д.

²⁵ Зачеркнуто: „и четыре лошади каракалпацкие“. Там же, л. 414.

²⁶ Там же, л. 317 и об.

²⁷ Там же, лл. 414 и 415 415а.

²⁸ Повторяется в допошении сенату от 21 ноября. АКА, д. 1724 года, № 19, л. 167.

ведок и расспросов в улусах о действительных намерениях степного владельца. Если иметь в виду всегдашнее тяготение семьи Назаровых к Китаю, а также то, что подобного рода тяготениями,—как увидим,—Дорджи Назаров заявил себя и позже, так что имя степного владельца не переставало интересоваться собой Пекин, то мы должны будем допустить предположение: раз Дорджи-Назаров действительно вступил в какие-то переговоры с Цеван-Рабтаном, то они могли касаться только пропуска степного владельца чрез Джунгарию в восточную Монголию. Конечно, переговоры в таком направлении не могли увенчаться успехом, и Дорджи-Назарову не удалось уйти из России туда, куда он хотел.

5

Джунгарские посланцы, допущенные Волынским в августе 1724 года в калмыцкие улусы, находились здесь еще в то время, когда Дарма-Бала стала снаряжать к Цеван-Рабтану своего посланца, Еке-Абугая.

Он ехал без разрешения русского правительства. Его путь лежал чрез киргиз-кайсацкие степи. Еке-Абугай имел поручение устроить брак Церен-Дондука, Галдан-Даржина, младшего брата Церен-Дондука, и Дондук-Омбо на дочерях джунгарского хун-тайджи.

Чрез некоторое время по отъезде Еке-Абугая, на встречу ожидаемых невест был выслан из калмыцкой степи отряд калмыков в 2 тысячи человек, в направлении к урочищу Тургаю за рекой Уралом. Чрез четыре месяца отряд возвратился в степь ни с чем,—свадебный караван не выходил из Джунгарии, и калмыцкий отряд удостоверился только в том, что степной путь к хун-тайджи представляет трудно преодолимые препятствия. Степь до Тургаю—пустыня и безводна. Кочевники, рыскающие по степи, составляют всегдашнюю угрозу путешественникам²⁹.

Еке-Абугай задержался в Джунгарии. Дарма-Бала тоже не отпускала из степи джунгарских посланцов. 2 июля 1725 года калмык Токто, поставлявший властям секретные сведения о

²⁹ *Нефедьев*, цит. изд., стр. 47.

действиях Дарма Балы, наместника и прочих калмыцких владельцев, докладывал В. П. Беклемишеву, ближайшему помощнику Волынского по управлению калмыцкими делами, что „посланной наперед сего от них (калмыков) посланец к хон-тайше, Еке-Абгай еще не возвратился, и ведомости от него они, калмыки, и по ныне не имеют. А посланной от хон-тайши посланец еще и до ныне не возвращен, а для чего,— о том он, Токто, не сведом“³⁰.

Что же помешало Цеван-Рабтану подойти к реке Уралу на встречу Дарма-Бале и приверженным ей калмыцким владельцам, о чем еще в 1724 году шли разговоры среди калмыков? Оказывается, что хотя к весне 1725 года у джунгарцев и закончились военные операции против киргиз-кайсаков, но в этом году они решили отдохнуть от длительной войны и занялись земледелием. 28 июня того же года Бектемир, посланец Дасанга, рассказывал астраханскому губернатору, что, по имеющимся у калмыков сведениям, 40 тысяч киргиз-кайсацких кибиток, под напором джунгарцев, принуждены были покинуть свои кочевья, а 10 тысяч кибиток попало в руки Цеван-Рабтана и его двух сыновей. Это случилось весной. На киргиз-кайсацких землях джунгарцы посеяли хлеб. Калмыки перестали интересоваться их.

Прогнанные с своих кочевий киргиз-кайсаки разделились на две группы. Одна — откочевала к Бухаре, другая — к реке Эмбе, при чем первая группа наложила дань на бухарцев и заставила последних обратиться к джунгарскому хун тайджи с просьбою освободить их от киргиз-кайсацкого гнета³¹. Опасность нового разгрома со стороны Цеван-Рабтана побуждает как эту группу киргиз-кайсаков, так и ту, которая откочевала на Эмбу, искать помощи у приволжских калмыков. Киргиз-кайсаки предложили калмыкам заключить с ними союз против хун-тайджи, а эмбиеская их группа согласна была даже и поступить под протекторат калмыков. Для переговоров с калмыками, к Церен-Дондуку явился посланец от киргиз-кайсаков, а Церен-Дондук послал к ним своего посланца. Однако, когда киргиз-кайсаки осведомились о разбросанности калмыцких улусов по обоим берегам Волги, то

³⁰ АКА, д. 1723—1725 годов, № 17, л. 472 об.

³¹ Сообщение калмыка Токто Беклемишеву 10 июня 1726 года. АКА, д. 1726 года, № 22, л. 99 об.

изменили первоначальные свои планы и, вместо решения отдаться покровительству калмыков, вздумали идти на них войной, чтобы прогнать с Волги и воспользоваться удобными пастбищами. „Они, касаки“, — говорил Бектемир губернатору, — «уведомились, что калмыцкие улусы Чақдоржаповых детей, Хошотовы, и Четеревы обретаются за рекою Волгою на нагорной стороне, а на луговой стороне — одни ханшины, и Черендундуковы, и Дорджи-Назаровы. И для того, прежнее свое намерение отменя, оного Черендундукова посланца заарестовали, и идут их, калмык, воевать, и хотят их учинить своими подданными, и сами — кочевать при реке Волге». Сохур-Линко сумел бежать от киргиз-кайсаков и вернулся к наместнику. Тот и Дорджи-Назаров немедленно собрали войска и выступили в поход, держа направление к г. Камышину, а к Дасангу и к прочим владельцам, кочевавшим на правом берегу Волги, послали за подкреплением. Бектемир представил губернатору и письмо от Дасанга с кратким изложением обстоятельств дела и с просьбою дать указания, как ему действовать в данном случае, т. е. идти ли на помощь к Церен-Дондуку и Дорджи-Назарову, или отказать в ней им, как недавним врагам. Они пишут ему: «И собаки, хотя и разных родов, но против волка все соединяются. А они с нами за малые вещи, несогласием своим, к неприятелям в руки попадают, от чего на обе стороны будет убыток». По мнению самого Дасанга, следовало бы оказать помощь Церен-Дондуку и Дорджи-Назарову, потому что, рассуждает он, — „ежели их касаки возьмут, то как нам, так и вашим (русским) интересам будет худо“³². Волынский сумел соответствующими мерами парализовать опасность, грозившую калмыкам от прихода киргиз-кайсаков к Волге.

5

Еке-Абугай все еще не возвращался в калмыцкую степь из Джунгарии, — там ему пришлось пробыть до 1728 года. Обеспокоенные долгой отлучкой посланца, Дарма-Бала, Церен-Дондук и другие заинтересованные владельцы решают навести справки о нем и отправляют в Джунгарию нового посланца, Аржисанова сына Мамута, который в начале лета 1725 года выехал из степи вместе с джунгарским посланцем, бывшим

³² Там же, лл. 481 и об. и 487.

здесь. Из сообщения калмыка Олдоксона Беклемишеву от 25 февраля 1726 года видно, что поездка Мамута не увенчалась успехом,—его и джунгарского посланца захватили на Эмбе каракалпаки Добываясь у джунгарского посланца точных сведений о намерениях Цеван-Рабтана, они подвергли его и находившихся при нем трех джунгарцев пыткам: „И оные с пытки сказали, что, войско собрав, (джунгарский хун-тайджи) хочет итти к Волге реке для воевания калмык“. Каракалпаки задержали джунгарцев у себя, «а посланца Мамута с своими посланцы оные каракалпаки к калмыцким владельцам прислали, чрез которых и о вышеупомянутых — хон-тайшинных посланцов с пытки сказанных — ведомостях приказали»³³. Опасность дороги чрез киргиз-кайсацкие и каракалпацкие степи на некоторое время удерживают калмыков от отправки посланцов в Джунгарию степным путем. В упомянутом докладе Токто Беклемишеву от 2 июля 1725 года этот калмык говорил, что „посланцов ныне они, калмыки, от себя вновь ни к кому не послали“³⁴. Только по возвращении в улусы Мамута³⁵ и Сенко, ездивших в Джунгарию с Еке-Абугаем и отпущенных оттуда вместе с посланцами хун-тайджи, Дондук-Омбо отправляет к хун тайджи свое посольство, которое, — как увидим, — постигла печальная участь в Джунгарии. Отправку этого посольства надо отнести или к концу 1726, или к началу 1727 года, так как Мамут и Сенко, по показанию калмыка Данжина, явились в степь в октябре 1726 года³⁶.

Прошли 1727 год и половина 1728 года,—Еке Абугай не возвращался в улусы. В июле 1728 года до калмыков каким то образом дошел слух, что их посольство задержано в Тобольске и не пропускается в степь сибирскими властями. Дарма-Бала и наместник решают возбудить ходатайство о пропуске Еке-Абугая пред верховной властью. Они представляют И. И. Бахметеву и В. П. Беклемишеву просительные письма на имя императора, которые, при соответствующем докладе названных

³³ АКА, д. 1726 года, № 22, л. 384 и об.

³⁴ АКА, д. 1723—1725 годов, № 17 л. 472 об

³⁵ Это был другой Мамут, не вышеупомянутый.

³⁶ Доклад Данжина Беклемишеву датируется 22 октября 1726 года; АКА, д. 1726 года, № 22, л. 637 и об.

офицеров, состоявших при управлении калмыцкими делами, были направлены 30 июля 1728 года в коллегия ин. дел. от 5 сентября того же года последовал указ о пропуске калмыцких посланцов из Тобольска в степь. В указе отмечалась самовольность отправки их к джунгарскому хун-тайджи в 1724 году, вследствие чего „не надлежало бы их к ним, наместнику и к матери его, и отпускать“, но император на этот раз снисходит к просьбам Дарма-Балы и Церен-Дондука и приказывает тобольскому и сибирскому губернатору, кн. М. В. Долгорукову „тех посланцов из Тобольска к ним отпустить и дать подводы“; однако, впредь наместник и ханша не должны позволять себе подобные незаконные отправки посланцов в Джунгарию „к тамошним калмыцким владельцам“³⁷. Указ был получен Бахметевым и Беклемишевым 13 октября³⁸.

Из Тобольска Еке-Абугай приехал сначала в г. Дмитриевск (Камышин), где находились Бахметев и Беклемишев, а отсюда был отпущен в калмыцкие улусы в сопровождении Гр. Попова, которому было поручено обстоятельно расспросить дорогой калмыцкого посланца о причине столь долгого пребывания его в Джунгарии и вообще — о джунгарских делах. Это было или в конце 1728, или в начале 1729 года. Возвратившись из улусов, Попов 31 января 1729 года сделал доклад Бахметеву, Беклемишеву и Бакунину, временно находившемуся тогда при калмыцких делах, о результатах своих расспросов. Попов, со слов Еке-Абугая, сообщал любопытные вещи. Прибыв из степи в Джунгарию, Еке-Абугай прожил при хун-тайджи благополучно два года. На третьем году его пребывания среди джунгарцев, к хун-тайджи приехали посланцы от Дондук-Омбо и начали сватать дочь Цеван-Рабтана за этого владельца. Сначала дело шло ладно. Но вскоре по приезде посланцов Дондук Омбо, случилось загадочное происшествие: „хун-тайши нечаянно умре“. Смерть его была признана насильственной, и на вновь приезжих калмыков пало подозрение, что „они его окормили“. Надо полагать, про-

³⁷ При объявлении Церен Дондука наместником, 19 сентября 1724 года с него было взято, между прочим, обязательство не иметь самостоятельных сношений с иностранными народами, почему и посылка Еке-Абугая в Джунгарию трактовалась, как незаконная; см. мой „Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России, Астрахань, 1922“, стр. 40. Текст обязательства присяги Ирен-Дондука — см. АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 148 и об.

³⁸ АКА, д. 1728 года, № 26, лл. 153 и 166.

тив калмыков были собраны веские улики, потому что Галдан-Черень, сын Цеван-Рабтана и преемник его власти, „Дондук-Омбиных посланцов—четыре человек казнил смертью, да двух человек сослал в ссылку“. В преступлении оказалась замешанной и вдова хун-тайджи, Сетер-Джап, дочь калмыцкого хана Аюки, приходившаяся мачехой Галдан-Череню. Он не пощадил ни ее, ни ее дочерей: „Мачехе своей, хонтайшиной жене, а хана Аюки дочери, и с дочерьми, выколол глаза, и из рук, и из ног резал тело“. Еке-Абугай тоже не остался без наказания: „его, Еке-Абугая с товарищи (Галдан-Черень) арестовал“ и продержал взаперти год, пока в Джунгарию не прибыл от русского двора посланец, который содействовал освобождению калмыков из-под ареста и отправке их в Россию, куда они выехали вместе с русским посланцем и с посольством, отправленным Галдан-Черенем к русскому двору. В Тобольске калмыкам пришлось еще раз просидеть под арестом, так как у них не имелось разрешения на поездку в Джунгарию, и сибирским властям надо было выяснить как личность посланцов, так и цель их поездки к хун-тайджи³⁸.

Объяснение скоропостижной смерти Цеван-Рабтана в той версии, по которой джунгарский хун-тайджи погиб от отравы, поднесенной ему калмыками, расходится с сообщением переводчика и комментатора записок Тулишена, Л. Рассохина, повторенным и Бантыш-Каменским, что Цеван-Рабтан был убит своими же подвластными³⁹. История, конечно, загадочная, но однако совсем не видно, чтобы Галдан-Черень карал калмыков под первым впечатлением страшного события и обрушился мстостью на них только потому, что они первые подвернулись ему под руку. Со слов Еке-Абугая, Попов сообщает, что в течение целой недели производились дознания и розыски виновных, и что только на восьмой день одним из заподозренных в преступлении калмыкам был вынесен смертный приговор, другим—объявлена ссылка.

Кто же мог отправить из калмыцкой степи отраву Цеван-Рабтану с посланцами Дондук-Омбо? При наших наличных ис-

³⁸ АКА, д. 1729 года, № 32. л. 62 и об.

³⁹ „Ежемесячн. сочин. и изв. о уч. делах“, цит. выше, июль, стр. 25, примеч. под звездочкой. *Бантыш-Каменский*, цит. изд., стр. 75, примечание 2.

точниках, не отвечающих требованиям желательной полноты, на поставленный вопрос допустим лишь предположительный ответ. Конечно, сам Дондук-Омбо не был заинтересован в смерти будущего тестя. Отраву Цеван-Рабтану могло послать такое лицо, для которого смерть джунгарского хун-тайджи была бы актом как политической, так и личной мести. В поисках этого лица мы останавливаемся на вдовой ханше Дарма-Бале. Ее надежды, что Цеван-Рабтан подойдет с войсками к реке Уралу и поможет калмыкам выбраться из России, не сбылись. Напротив, Цеван-Рабтан все больше и больше укреплялся в намерении отдать Джунгарию русскому протекторату, чем изменял традиционной политике Джунгарии—объединить вокруг нее всю Монголию. С другой стороны, сватовство Дондук-Омбо на дочери Цеван-Рабтана задевало самолюбие Дарма-Балы. Уже давно она была с ним в интимных отношениях, мечтала выйти за него замуж и затем, проведя его в ханы, снова получить доступ к власти. А. П. Волюнский имел точные сведения о том, что Дарма-Бала и Дондук-Омбо находятся в любовной связи⁴⁰; он даже писал в сенат от 21 ноября 1724 года: „Ханская жена (Дарма-Бала), хотя было надлежало ей кочевать с сыном своим Черендундуком, но она кочует ныне всегда с Дундук-Омбою вместе, и я zelo сомневаюсь, чтоб она за него не вышла замуж, понеже то—подлинная правда, что она живет с ним“⁴¹. Со временем Дондук-Омбо охладевает в чувствах к своей бабушке и в 1727 году ищет новую подругу жизни в Джунгарии. Чтобы одним ударом достичь двух целей: удалить Цеван-Рабтана с политической сцены и отбить у Дондук-Омбо охоту жениться на сироте-джунгарке, не имеющей особого значения для Дондук-Омбо после смерти ее отца,—Дарма-Бала отправляет с посланцами Дондук-Омбо джунгарскому хун-тайджи отраву в виде какого-нибудь не возбуждающего подозрения съедобного подарка, или напитка.

Галдан-Черень не мог отомстить непосредственно самой Дарма-Бале за смерть отца после того, как обнаружилось, чей подарок был роковым для Цеван-Рабтана. Пострадали калмыки, доставившие этот подарок. Но за что пострадала Сетер-

⁴⁰ Можно указать на разговоры по этому поводу у Волюнского с зайсангом Яманом. АКА, д. 1723-1725 годов, № 14, лл. 106, 188—189 и др.

⁴¹ АКА, д. 1724 года, № 19, л. 171 об.

Джап с дочерьми? Ее вообще не любили в Джунгарии за то, что она в политике держалась русской ориентации и располагала мужа к той же ориентации. Русский посланец Унковский, в бытность свою в Джунгарии, записал один из случаев выступления Сетер-Джап на собрании джунгарцев при обсуждении вопроса, итти ли им под протекторат России, или воздержаться от этого. Двоюродный брат Цеван-Рабтана, Черень-Дондук, один из самых ярых противников русского протектората, по поводу горячей речи Сетер-Джап за подчинение России, бросил ей в ответ такие слова: «Разве и нам так быть в холопстве, как отец твой ⁴²?!» Теперь, по смерти хун-тайджи, озлобление врагов Сетер-Джап достигло крайних пределов. Представился удобный случай свести счеты с нею и с ее дочерьми, поставив всем им в вину то, что они не заметили угрожавшей Цеван-Рабтану опасности и не постарались предупредить ее. В глазах Галдан-Череня, вину Сетер-Джап должно было усилить еще и то обстоятельство, что бежавший, по его интригам, из Джунгарии Лоузанг-Шуну, сын Цеван-Рабтана от Сетер-Джап, нашел приют в калмыцкой степи, где ближайшее участие в нем приняла Дарма-Бала, к большому неудовольствию Галдан-Череня. Смотри теперь на калмыков, как на врагов Джунгарии, Галдан-Черень собирается итти против них войной.

6

Слух о подготовке Галдан-Череня к нападению на калмыцкую степь скоро долетел до калмыков. Особенно встревожил он Дарма-Балу и Церен-Дондука. 8 мая 1727 года Беклемишев получил от них письма, составленные почти в одних и тех же выражениях, указывающих на то, что автором писем было одно лицо — ханша Дарма Бала, умственно же ограниченный Церен-Дондук безотчетно повторял слова матери. Ханша и наместник с тревогой извещали Беклемишева о нападении джунгарцев, под предлогом препровождения в калмыцкую степь невест, дочерей Цеван-Рабтана, которых на самом деле уже не было в живых. Умалчивая о последнем, Дарма-Бала и Церен-Дондук обращали внимание Беклемишева на

⁴² Н. И. Веселовский, цит. изд., стр. 119.

то, что мнимый свадебный поезд направляется в степь «со многим войском», между тем раньше «такого обычая, чтоб со многими войсками приезжать, не бывало», почему они и «признавают их (джунгарцев) за неприятелей». Находясь под угрозой серьезной опасности, ханша и наместник просят представителя русской власти отрядить войска на помощь калмыкам и направить их на встречу джунгарцев к реке Уралу, а уральским казакам—приказать, чтобы они „товариществовали“ соединенным русским и калмыцким военным силам, которым придется простоять на Урале «до зимы». Для калмыков они просят прислать «пушек, пороху и свинцу, как возможно побольше»⁴³.

После А. П. Волинского, переведенного из Астрахани губернатором в Казань и выехавшего из Саратова к месту нового назначения 19 октября 1725 года⁴⁴, главное управление калмыцкими делами было сосредоточено в руках фельд-маршала кн. М. М. Голицына, проживавшего, по большей части, в Харькове. По докладу Беклемишева, Голицын дал ему соответствующую инструкцию относительно необходимых мер по охране калмыков от ожидаемого Дарма-Балой нападения Галдан-Череня⁴⁵. Но, в конце концов, страхи ханши и наместника оказались напрасными,—Галдан-Черень отменил свою карательную экспедицию, узнав, вероятно, о военных приготовлениях к встрече джунгарцев на р. Урале.

Не успели пройти первые тревоги, вызванные известием о наступлении Галдан-Череня на калмыцкую степь, как здесь пошли разговоры, будто Дондук-Омбо стоит на стороне джунгарцев, готовится вместе с джунгарцем Лоузанг-Шуну напасть на наместника и на «прочих» и, отобрав из своих улусных калмыков 200 надежных людей, «отправляет их с зайсангом Зундой Окимовым для согласия с хон-тайшой к войне»⁴⁶. Беклемишев считал эти разговоры вздорными, но тем не менее доложил о них Голицыну⁴⁷. Тот посмотрел на дело несколько

⁴³ АКА, д. 1728 года, № 30, лл. 171 и 173 об.

⁴⁴ АКА, д. 1723-1725 годов, № 14, л. 500 и об.

⁴⁵ АКА, д. 1727 года, № 25, л. 7. Ордер Голицына от 25 мая.

⁴⁶ Об этих разговорах писал Беклемишеву из г. Дмитриевска (Камышин). поручик Ив. Суров от 20 апреля 1727 года. АКА, д. 1727 года, № 23, лл. 328 и 343)

⁴⁷ Доклад от 9 мая 1727 года; там же, лл. 393—395.

иначе. Считая Дондук-Омбо человеком, способным на самые рискованные предприятия, Голицын от 9 июня предписывает Беклемишеву тщательнее наблюдать за поведением Дондук-Омбо и без указа не пропускать джунгарских посланцов в калмыцкую степь ⁴⁸.

Без сомнения, в степи обращали внимание на спокойное настроение Дондук-Омбо в то время, когда так сильно волновались за свою судьбу Дарма-Бала и Церен-Дондук. Спокойствие владельца объясняли его намерением вступить в союз с Галдан-Черенем, в победе которого над калмыками Дондук-Омбо заранее был уверен. Но не поэтому он был спокоен, а потому, что догадывался, кому именно идет мстить Галдан-Черень за смерть отца. Хотя отрава была привезена Цеван-Рабтану посланцами Дондук-Омбо, но сам он был тут не причем. Не чувствуя за собой никакой вины и зная, что Галдан-Черень тоже не вменяет ему в вину смерть отца, Дондук-Омбо действительно мог быть спокойным за себя, в случае нашествия джунгарцев на калмыцкую степь.

Следствием трагического происшествия в Джунгарии было прекращение сношений Дарма-Балы с джунгарским хун-гайджи. С 1728 года ее политическая ориентация изменяется, — ханша стремится возобновить заглохшие было связи калмыков с Китаем.

⁴⁸ АКА, д. 1727 года, № 25, л. 19.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

АКА, д. 1727 года, № 32, лл. 62 и 66.

К калмыцким делам доношение саратовского дворянина Григория Попова.

По данной мне от калмыцких дел инструкции, послан я к наместнику ханства калмыцкого Черень-Дондуку и к матери ево, ханше Дарме-Бале, для провожания посланца их Еке-Абугая и прочая. И я по оной инструкции учинил следующее.

1. Едучи в пути в разговорах реченному посланцу Еке-Абугаю внушал, что е. и. в. их наместника ханства Черень-Дондука изволит содержать в высокой своей протекции и во особливой своей им-ской милости, чего для и он, Еке-Абугай, из Тобольска отпущен. И по тем разговорам, он, Еке-Абугай, мне объявил, что он, Еке-Абугай, в прошлом 1724 году послан от ханши Дарма-Балы и от сына ее, Черень-Дондука к хон-тайше для прошения у него дочерей ево—девок за-муж за помянутого Черень-Дондука, и за брата ево, Галдан-Данжива, и за Дондук-Омбу. И хон де тайши ево, Еке-Абугая, принял изрядно, и корм им даван довольной, и обещал дочерей своих отправить, а за ними в приданные сто девок, и для провожания послать восемь тысяч человек. И затем де он, Еке-Абугай, жил два года. И потом де в третьей год присланы к нему ж, хон-тайше, посланцы от вышеписанного калмыцкого владельца Дондук-Омбы. И по приезде де их, хон тайши нечаянно умре. А подозрение было на оных Дондук-Омбиных посланцов, что они ево окормили. И по смерти де реченного хон-тайши, в восьмой день сын ево, Галдан-Черень, Дондук-Омбиных посланцов, четырех человек, казнил смертию, да двух человек сослал в ссылку, а мачехе де своей, хон-тайшиной жене, а хана Аюки дочери, и с дочерьми, выколочил глаза, и из рук, и из ног резал тело, а ево, Еке-Абугая с товарищи, арестовал. И были они под арестом целой год. И потом де к хон-тайшину сыну при-был (л. 62) от е. и. в. посланец, с которым он к е. в-ству от-правил и своих посланцов, при которых отпустил и ево, Еке-

Абугая с товарищи. И до Тобольска провожали их сто человек. И по приезде де их в Тобольск, тамошней комендант ево, Еке-Абугая с товарищи, арестовал же. И потом, по присланному е. и. в. указу он, Еке-Абугай с товарищи, и отпущен.

2. Ханшу Дарма-Балу с'ехал я ниже Астрахани на нагорной стороне в морских косах, и посланное со мною к ней письмо о посланце Еке-Абугае ей подал, и что мне по инструкции велено ей предлагать, о том о всем я ей предлагал. И она ханша Дарма-Бала за отпуск посланца их Еке-Абугая благодарила, и при том говорила, что впредь без указу е. и. в. к тамошним владельцам посланцов они посылать не будут. А письмо ж, посланное со мною к сыну ее, наместнику Черень-Дондуку о том же посланце она взяла у меня к себе, об'являя, что оный сын ее поехал к реке Куме для стреляния сайгаков, и обещала то письмо отправить туды к нему. И во ответ дала мне калмыцкое письмо, которое при сем и об'являю⁴⁹. А в то время при ней, ханше, из владельцев были: Дорджи Назаров да хон-тайшин сын (Дондук-Омбин зять) Шонон Лоузанг.

3. В бытность мою в улусе ханши Дармы-Балы в разговорах сообщил мне калмычанин ее Черень, что их калмычком владельцем, Дондук-Омбо, по согласию с Четерем⁵⁰ и с детьми ево, посылал от себя нарочных в Азов к тамошнему паше просить у него места, где б им кочевать у них в турецкой области. И азовской де паша их, владельцев, зовет к себе, обещая им для кочевания показать удобное место. Токмо де к тому их, Дондук-Омбину и Четереву, намерению не склонен одного Дондук-Омбы брат Бокшурга. А улусы их ныне кочуют при речках Маныче и Куме (об.) и в степи на урочище Улан-Хаке, а сами де они, владельцы, обретаются на речке Салу. А Бактагирей дели-султан с двумястами человек татары ныне обретаются в степи в вершинах реки Кумы. А наместник де ханства калмыцкого Черень-Дондук и при нем калмыцкие войски

⁴⁹ В своем письме ханша, между прочим, писала Бахметеву и Беклемишеву: „За отправление к е. и. в. нашего письма и за предстательство ваше, по которому к Зюнгарам посланной от нас посланец возвратю к нам прислан, мы возрадовались. И весной, по переправлении нашем чрез реку Волгу, за ваши труды вам заплатим“; там же, л. 64.

⁵⁰ Четерь — владелец Дербетовского улуса; в 1731 году он ушел с Дондук-Омбо на Кубань; см. „Очерк“, цит. выше, стр. 42.

всех улусов (кроме Дондук-Омбина и Четерева) от мала и до велика пошли, под претекстом стрельяния сайгаков, к реке Куме для удержания от побегу вышереченных владельцев Дондук-Омбу и Четеря с детьми. Означенного наместника, также и Шакур-лаminy улусы обретаются ниже Черного Яру в степи к Каспийскому морю. А владельцы Лекбей и Хошот-Дондук с улусами своими, за опасностию от касак, сего генваря около 10 числа переправились чрез реку Волгу с луговой на нагорную сторону и пошли в степь. А Дорджи Назарова улусы выше и ниже Черного Яру потому ж переправились чрез реку Волгу на нагорную сторону и пошли в степь.

На вышеписанное наведение из данных мне от калмыцких дел денег пяти рублей издержал я рубль тридцать копеек, а достальные три рубли семьдесят копеек употребил я на свои нужды. И прошу оные взять на мне по приезде моем в Саратов в дом мой. Генваря 31 дня 1729 года (л. 66).

10 августа 1926 года.

IV.

Поездка калмыков на Д. Восток в 1729 году.

После разрыва с Джунгарией, внимание Дарма-Балы, главной руководительницы калмыцкой политики, обратилось к Пекину. Она решила завязать непосредственные сношения с правительством богдыхана, воспользовавшись для этой цели посылкой калмыков в Тибет.

13 октября 1728 года посланцы наместника Церен-Дондука и Шакур-ламы представили к двору Петра II письма, в которых наместник и лама излагали просьбу об отпуске их в Тибет к далай-ламе на богомолье. Свою просьбу Церен-Дондук мотивировал, между прочим, желанием осуществить неисполненное намерение отца, умершего хана Аюки, при чем указывал, что будто бы хану в свое время было дано разрешение на поездку в Тибет, но он не смог воспользоваться этим разрешением. Свою свиту наместник определял в 100 человек. Видимо, сам не надеясь на успех просьбы, он ходатайствовал о дозволении хотя бы «только посланцов туда послать».

Лично Церен-Дондук не получил удовлетворения просьбы. В указе от 20 декабря 1728 года ему внушалось: что, во-первых, хану Аюке никогда правительство не давало разрешения на поездку к далай-ламе, и, во-вторых, что «ему, наместнику, (отсезжать) от калмыцких улусов в такой дальний путь (нельзя): может быть, что в отлучении его учинят на улус кубанцы, или киргиз-кайсаки и иные нападения, и без него, яко главного, в такой случай быть нельзя»¹. Что касается отправки посланцов, то в этом правительство не отказывало наместнику, но признавало достаточным отправить в Тибет группу калмыков в 20—30 человек, не больше. Без удовлетворения осталась и просьба Шакур-ламы. Канцлер граф Го-

¹ АКА, д. 1729 г., № 31, лл. 367 об., 369, 373 об.. Переписка была прислана из колл. ин. дел в Астрахань 18 февраля 1729 года; л. 377 об.

ловкин писал ему: «Понеже е. и. в-ство о ево, Шакур-ламинных, службах известен. и что он, яко доброжелатель, калмыцкому народу потребен во всяких случаях для содержания самих калмыцких владельцев и всех калмык в добром порядке», то необходимо, чтобы он, Шакур-лама, «от того намерения своего ныне себя удержал и к Далай-ламе не ездил, и из калмыцких улусов никуда не отлучался, а по закону их, для номинования к далай-ламе может от себя послать» кого пожелает ².

28 марта 1729 года Миван, посланец Дорджи Назарова, подал при дворе письмо названного владельца тоже с просьбой об отпуске в Тибет. Владельцу не было отказано в просьбе, даже одобрен был тот путь, какой он избирал — чрез Башкирские земли и Тобольск ³. Отпуская Дорджи-Назарова, правительство, однако, указывало ему трудность путешествия и предостерегало старика от непосильного предриятия.

17-го сентября 1729 года ламинский манджиг Алдар-Омбо привозит в Саратов к И. И. Бахметьеву и В. П. Беклемишеву от Церен-Дондука, Дарма-Балы и Шакур-ламы письма, в которых они просят снарядить посланцов их в дорогу в Тибет, соответственно имеющегося уже разрешения на то «Зачем едут посланцы?» — поинтересовались Бахметьев и Беклемишев. Алдар-Омбо ответил: «Ханша, наместник и Шакур-лама посылают их с пеплом бывшего их калмыцкого хана Аюки для номинования к далай-ламе. И к тому же, прошедшего августа умер ханский меньший сын Галдан-Черень». Вручая письма, Алдар-Омбо словесно передал Бахметьеву и Беклемишеву просьбу Шакур-ламы о личном свидании с ними для некоторых переговоров ⁴. 19-го октября состоялось свидание Бахметьева и Беклемишева с Шакур-ламой у г. Дмитриевска (Камышин) на луговой стороне Волги, в верете от берега. Из разговоров с Шакур-ламой выяснилось, что ханша, наместник и он сам, Шакур-лама, недовольны назначением только 20 - 30 человек посланцов в дорогу. «Шакур-лама говорил, что им

² АКА, д. 1729 года, № 33, лл. 1026 об.—1027. Копия письма получена у калмыцких дел 9 июля 1729 года.

³ АКА, д. 1729 года, № 31, л. 361. Указ об этом дан из коллегии ин. дел к калмыцким делам от 21 июля 1729 года; л. 363.

⁴ АКА, д. 1729 года, № 33, л. 1024 и об.

того, чтобы отправить (даже и) 30 чел. никак учинить невозможно, понеже по их закону для спасения их и поминовения умершего хана Аюки и ныне умершего сына его Галдан-Череня надлежит тем посланным при далай-ламе построить церковь, чего для туды едут знатные их калмыки, и на то иждивение потребно им нечто взять и с собою. К тому же, те их посланные имеют ехать через Мунгалы и Китай,—и ежели они будут в малой свите, то по их обычаям, из того может быть им некоторое бесславие. А когда же посланные поедут в достойной свите, то оные народы будут разуметь к их калмыцкому народу, а особенно к нему, Шакур-ламе, превысочайшую е. и. в—ства милость». Начали торговаться, сколько человек послать, и, в конце концов, сошлись на 36-ти ⁵.

23 октября Шакур-лама прислал список послов, отправляемых к далай-ламе. От Дарма-Балы ехал Намки-гелень с товарищами; 12 человек; от Церен-Дондука — Батур-Омбо и Дорджи-гецюль с товарищами. 9 человек; от Шакур-ламы — Болдан-Габцу с товарищами, 11 человек; от брата наместника, Галдан-Данжина, — Лори с товарищами 4 человека ⁶.

Владельцу Дондука Омбо не удалось послать от себя особого посланца, хотя он и домогался этого у своего двоюродного брата, Церен-Дондука. Получив отказ, он остался в большой обиде на наместника и не забывал ее. Перечисляя в письме к императрице с Кубани от 2-го января 1735 года неприятности и обиды, причиненные ему Церен-Дондуком и его партией. Дондук-Омбо, между прочим пишет: «Когда выпросили у вас дорогу в Зоу и отправили Намки-гелена, и я тогда просил, дабы они при том и моему посланцу ехать позволили для поминовения отца моего хана» (собственно, не отца, а деда) «и для выслушания пророчества о благополучии здешней и будущей моей жизни и они посланца моего не отправили. И тако нам, яко калмыкам, и за то есть на что досадовать» ⁷. Все же Дондук-Омбо послал с Намки-геленом в Тибет «многое число денег, для приобретения там разных вещей» ⁸.

⁵ Там же, л. 1042 и об.

⁶ Там же, лл. 1030 и 1031.

⁷ АКА, л. 1722 года, № 11, л. 78 об.

⁸ См. ниже, прим. 58.

4-го ноября 1729 года, владелец Дорджи-Назаров прислал письмо на имя Бахметьева и Беклемишева, заявляя об отмене прежнего своего решения самому ехать к далай-ламе, — «понеже великий белый государь об отезде моем изволил сожалеть». — Дорджи-Назаров сообщал при этом, что он предназначает к посылке в Зою (место при далай-ламе) 15 человек своих калмыков. Пришлось торговаться и с этим упрямым стариком, — Бахметьев и Беклемишев соглашались отправить на казенный счет только четырех, а в крайнем случае 5 человек, с Шарап-Данжином во главе ⁹.

После долгих споров, число всех посланцев определилось в 41 человек. В качестве пристава, к посольству был назначен саратовский дворянин Гр. Попов, при толмаче, писаре и двух казаках. На проезд было ассигновано 500 рублей казенных денег, которые были выданы на руки Попову 4-го декабря ¹⁰.

Главой калмыцкого посольства являлся Намки-гелень. Среди калмыков он имел большой авторитет, считался первым лицом после Шакур-ламы и состоял в большом фаворе у ханши Дарма-Балы ¹¹. Дорога на Дальний Восток была ему известна, — еще при хане Аюке он ездил в Тибет. 8 декабря Намки-гелень попросил осмотреть товары, какие калмыки брали с собой в дорогу, оценить их и опечатать в Саратове, во избежание дальнейших осмотров в пути чиновниками. Осмотр и оценка были произведены 11-го декабря ¹²; товаров оказалось на 2. 839 рублей, а так как калмыкам разрешалось, по указу Петра, от 26-го февраля 1719 года, вывозить беспошлинно на Дальний Восток и привозить оттуда с собою товаров на 3.000 рублей, то и теперь калмыки были освобождены от таможенного сбора. Багаж почти исключительно состоял из материй, мехов и кож. Им составили опись, запаковали их в 30 таях и опечатали таможенными печатями. Одновременно,

⁹ АСА, д. 1729 года, № 33, лл. 1032—1033.

¹⁰ Там же, лл. 1044—1046.

¹¹ Там же, л. 1037.

¹² При секретаре колл. ин. дел. В. М. Бакувине—саратовскими оценщиками, посадскими людьми: Гр. Власовым, Максимом Чернокувным, Степаном Гомотиным, Ивнатой Алячи. овым.

по просьбе посланцов, были составлены описи собственного платья и вещей, взятых посланцами с собой в дорогу. Узлы с платьем и вещами опечатывались печатью Беклемишева «на красном сургуче»¹³. 27 декабря Беклемишев доносил в коллегии ин. дел об отъезде из Саратова калмыцких посланцов, показывая днем их отъезда 14-е декабря, что едва ли точно, потому что по книге путевых расходов, веденной Поповым, только 23 декабря были наняты 47 обывательских подвод везти посольство от Саратова до Казани¹⁴.

Итак, калмыки двинулись в далекий путь. В середине февраля они были в Тобольске. Отсюда они поехали дальше на Иркутск, Селенгинск и Кяхту отказавшись иметь при себе русского спутника Попов 20 февраля повернул в обратный путь. Того же 20-го февраля 1730 г. Намки-гелень подавал в Тобольской губ. канцелярии прошение «об учинении вспоможения» калмыцким посланцам на дальнейшем их пути и делал заявление о том, чтобы калмыков, выбегающих от джунгарского хун-тайджи в русскую сторону, тобольское начальство препровождало на Волгу, в улусы Церен-Дондука¹⁵.

¹³ Там же, лл. 1048—1067. Наибольшее число платья и вещей принадлежало главе посольства Намки геленю. Вот их реестр: две шубы васильковые, китайской парчи, на собольих мехах; шуба камчатая, песочная, на собольем меху; шуба фиолетовая, китайской парчи, на беличьем хребтовом меху; шуба бархатная, жаркая, на беличьем хребтовом меху, шуба об'яринная, красная, на беличьем червьем меху; шуба об'яринная, свиного цвета, на беличьем хребтовом меху; шуба зеленая, изорбафная, на беличьем хребтовом меху; две шубы изорбафные, на беличьем хребтовом меху; шуба черная, изорбафная, на беличьем хребтовом меху; шуба персидского коновата на беличьем хребтовом меху; шуба ветхая, кашамских дорог, на лисьем меху; шуба суконная, вишневая, на беличьем хребтовом меху; шуба горностаевая, ветхая; тулуп волчий, два тулуна калмыцких белых овчин; две шубы заячьи; азия изорбафный, белый; азия об'яринный, малиновый, подложен персидскими дорогами; два портица женских, об'яринные, белые; портица скроенные, китайской парчи-мангдука, по желтой земле с золотными травами; азия зеленый, китайской парчицы, подложен брусничной камкой; кафтан зеленый, суконный; шафтан суконный, алый, подложен персидскими дорогами; кафтан суконный, вишневый, подложен коноватом; армяк, подложен вишневыми персидскими дорогами; два полукафтаны, персидского коновата; полукафтаны об'яринное, зеленое; полукафтаны персидской серебряной парчи с травами, подложено волнистою кутнею; полукафтаны камчатое, крапивное, стеганное на сырце; полукафтаны белое, изорбафное; 11 кушаков персидских, золотых и серебряных, новых и ветхих; 11 шапок черной лисицы; наволочка коноватная; 6 мест убора из разных персидских изорбафов, которыми убирается внутри кибитка; 3 седла с паррами и 3 узды, оправленные серебром; одно седло, луки оклеены ящуром; одно седло с паррами, и складено корольками. Там же, лл. 1064—1065. Меньшее количество вещей и платья, уступающих при том и в достоинстве, по сравнению с платьем и вещами Намки-геленя везли с собою прочие члены посольства.

¹⁴ Лл. 1094—1100.

¹⁵ Лл. 1096, 1099 и 1110.

Как ехали калмыки дальше, и что с ними произошло в пути,— об этом стало известно в калмыцкой степи очень не скоро, только в 1733 году, из показаний второстепенных членов калмыцкого посольства: Цой-гецюля, Цой-Телея, Самтана и Санджи, которые вернулись домой раньше главных калмыцких послов. В ноябре 1731 года, проехав русскую границу, они взяли путь на Тобольск. Власти Тобольска не нашли возможным держать калмыков в этом городе и направили в г. Верхотурье, где калмыкам пришлось ждать указа из коллегии ин. дел об отправке на родину до марта 1733 года. По указу от 9 февраля этого года, поручику Алексею Карачинцеву велено было препроводить калмыков из Верхотурья в г. Царицын и представить г.-л. кн. И. Ф. Бярятинскому, который в то время стоял в Царицыне с штабом и войсками, присланными ловить владельца Дондук-Омбо, восставшего против хана Церен-Дондука¹⁶. В мае месяце 1733 года Карачинцев довез калмыков до Денежного острова, что возле Царицына, в самый же город их не впустил. По распоряжению властей, поручик артиллерии Брянчанинов произвел осмотр всего багажа, привезенного калмыками, составил ему опись и опечатал, а царицынский комендант полковник П. Ф. Кольцов положил багаж „в Предтеченский девичей монастырь, в приделе, в каменную церковь, и приставил караул“ для безопасности, о чем доложил Бярятинскому 5 июня¹⁷.

Между прочим, в багаже калмыков при осмотре было обнаружено много книг, а еще больше писем на калмыцком, монгольском и тангуцком языках. По описи, всех книг и писем насчитывалось 1—128 №№. В Царицыне в ту пору находился секретарь коллегии ин. дел В. М. Бакунин, приехавший для свидания с родственниками. Он отлично владел калмыцким языком и довольно хорошо разумел по-монгольски. Бярятинский поручил ему рассмотреть взятые у калмыков книги и письма и дать о них отзыв. Бакунин прочитал то, что было написано по-калмыцки, ознакомился с тем, что было написано по-монгольски, составил опись книгам и письмам, а некоторые, наи-

¹⁶ О восстании Дондук-Омбо против Церен-Дондука см. мой „Очерк“, цит. выше, стр. 41.

¹⁷ АКА, д. 1733 года, № 57, лл. 2, 3—5, 9, 12—17, 84—109, 111, 83.

более важные письма перевел на русский язык и представил свою работу по начальству¹⁸. Книжки, относящиеся до ламаитства, не обращали на себя внимание, но письма, в особенности, письмо Шарап-Данжина, адресованное к Дорджи Назарову, возбудили сильное подозрение, так как показывали, что целью путешествия калмыков на Дальний Восток было не одно поклонение далай-ламе и поминки умерших, и что посланцы были не только в Тибете, но и в Пекине, где имели аудиенцию у богдыхана¹⁹. Цой-гецюля, Цой-Телея, Самтана и Санджи потребовали к допросу. Допрос производился в Мечетной крепости неподалеку от Царицына самим Бярятинским при участии г.-м. А. Тараканова чрез переводчика Я. Самсонова, которому помогал Бакунин²⁰, и длился с 3 по 9 июня 1733 года²¹. Внимание следственной комиссии было сосредоточено, главным образом, на показаниях Цой-гецюля из посольства Церен-Дондука и Цой-Телея, из посольства Дорджи Назарова—Комиссия особенно занялась показаниями Цой-Телея.

На вопрос Бярятинского и Тараканова, как калмыки попали в Пекин, они стали рассказывать следующее. Проехав русскую границу и повстречавшись здесь с китайским посольством, следовавшим в Россию, калмыки вступили в пределы Монголии и явились к двору монгольского хутухты. Из Монголии они предполагали ехать прямой дорогой в Тибет и уже стали хлопотать насчет подвод и продовольствия в дорогу, но на пятый, или на шестой день явился к ним прибывший из Пекина зургучей (секретарь) и объявил, что проезд в Тибет прямым путем из Монголии невозможен вследствие войны Китая с Джунгарией, поэтому калмыки должны следовать в Пекин, откуда будут отправлены в Тибет безопасною дорогой.

¹⁸ Там же, л. л. 18—30.

¹⁹ Калмыки приехали в Пекин 28 апреля 1731 года. *Бантыш-Каменский*, цит. изд., стр. 187, примечание 2.

²⁰ В следственном протоколе записано: „Допросные речи первого Цой-гецюля с 1-го по 19-й пункт толмачил сибирский сын боярской Федор Плотников, а потом, за нескладом калмыцкого языка, он, Плотников, от того отрешон, а вместо его к тому употреблен обретающийся при калмыцкой комиссии червоярской толмач Яков Самсонов... И сверх того, для достоверности, в одной камере, в которой оные калмыки допрашиваны, токмо не в виду их, но за перегородкою был, и все их калмыцкие допросы слышал, и за толмачом поправлял Гос. колл. ин. дел. секретарь Василий Бакунин“; там же, л. 78 об.

²¹ Там же, л. л. 32—78.

Калмыки принуждены были согласиться на изменение маршрута и поехали в Пекин. Китайцы сопровождали их. В 8 верстах от Пекина калмыков остановили и направили в монастырь— Чунгас-сюме. Скоро сюда приехал китайский амба (министр) из Пекина для подробного ознакомления относительно цели прибытия калмыков с Волги на Дальний Восток. Намки-гелень объяснил, что их путь лежит в Тибет к далай-ламе, к которому они посланы для поминовения умерших: хана Аюки, Чагдоржапа и Галдан-Череня — сыновей Аюки и отца Дорджи Назарова, Назара Мамутова. В Пекин они попали случайно. Но раз они уже здесь, то, хотя и не имеют никаких полномочий от ханши и наместника, все же просят амбу об исходатайствовании им аудиенции у богдыхана. Аудиенция была предоставлена посольству. Калмыки явились в богдыханский дворец с подарками, отобрав лучшие вещи, какие имелись у них. Они, например, поднесли богдыхану двое серебряных часов, ружье русской работы, материи. На аудиенции богдыхан спрашивал калмыков, кто правит ими по смерти Аюки, а с посланцем Дорджи Назарова он разговаривал об этом, известном ему владельце. После аудиенции, к посланцу Дорджи Назарова, Шарап-Данжину явился китайский сановник и от имени богдыхана предложил теперь же послать кого-нибудь из калмыков к их владельцу чтобы передать волю богдыхана, состоящую в поручении Дорджи Назарову, как старейшему в калмыцком владельческом роде повлиять на Церен-Дондука в смысле решения присоединиться к китайцам для совместной борьбы с Джунгарией. От участия в этой борьбе калмыки могут ждать больших выгод для себя. Между прочим, они получают возможность ездить в Тибет прямым «степным» путем, который теперь загражден джунгарцами, почему калмыкам приходится избирать длинный круглый путь при поездках к далай-ламе. Богдыхан поручал Дорджи Назарову и самое «приготовление» степного пути для предстоящего похода калмыков против джунгарцев. Шарап-Данжия, изложил волю богдыхана в письме к Дорджи Назарову и послал письмо с Цой-Телеем. Калмыки прожили в Пекине два месяца и получили щедрые дары от богдыхана: каждый член посольства получил по сто лан серебра; кроме того, калмыкам делались другие подарки, и отпускало их продовольствие на счет китайской казны. Намки-гелень с остальными послами

двинулся из Пекина в Тибет Дорцандоевой дорогой²². Четыре калмыка, откомандированные Намки-геленем в калмыцкие улусы, поехали в Россию вместе с китайскими послами, отправленными туда же от богдыхана и расстались с ними в Кяхте, где китайские послы должны были дожидаться разрешения русского правительства на дальнейший путь²³.

«Почему вас отправили в Россию?» спросили следователи калмыков: «Почему вы не поехали из Пекина вместе с прочими послами в Тибет?»—На это калмыки ответила, что когда они отъезжали из России, то получили особое приказание Дарма-Балы, чтобы, по приезде в Монголию, несколько человек отделилось от состава посольства и ехало обратно для уведомления ханши, по какой дороге и куда дальше проследовало посольство. Но по приезде в Монголию, китайский зургучей не дозволил сделать это, а взял всех калмыков в Пекин, откуда четыре калмыка и получили разрешение вернуться в улусы. „А сами посланцы ехать туда в Пекин намерения не имели, понеже тамо им никакова дела не было“,—добавил Цой-гецюль²⁴.

„О каком споре между Намки-геленем и Шарап-Данжиным пишет Шарап-Данжин в письме к Дорджи-Назарову, говоря что Намки-гелень Церен-Дондука „уничтожал и на ханство Галдан-Данжина достойна представлял“, с чем Шарап-Данжин, в конце концов, „отчасти и согласился“? «Где это происходило? При каких обстоятельствах?»—допытывались следователи. Цой-гецюль и Цой-Телей сказали, что при споре Намки-геленя и Шарап-Данжина они не присутствовали, даже не знают, был ли самый спор, почему и не могут ответить на поставленные вопросы²⁵.

Затем следователи стали расспрашивать калмыков о личностях: Аран-Джамбо джапак-ламы (хранитель прав) при богдыхане, происходившем из приволжских калмыков, который прислал в калмыцкие улусы несколько писем: к Дарма-Бале,

²² Дорога оказалась весьма тяжелой. Трудно было преодолевать горы и косогоры, приходилось падать и терять вещи из багажа. Намки-гелень „на косогоре упал, и разбил плечо, и за тем чрез целый месяц везен на носилках“. От нездоровой воды калмыки разболелись, а один из них умер. АКА, д. 1734 года, № 68, л. 98 и об.

²³ Ответ Цой-гецюля и Цой-Телея по третьему вопросу на следствии, АКА, д. 1733 года, № 57, лл. 33—34 и 47—52.

²⁴ Там же, л. 74, ответ на второй вопрос на дополнительном следствии.

²⁵ Там же, л. 44 об., ответ Цой-гецюля на 21 вопрос, и л. 58, ответ Цой-Телея на 6 вопрос.

к Церен-Дондуку, к Шакур-ламе, к Лоузанг-Шуну, сыну джунгарского хун-тайджи Цеван-Ралтана, проживавшему среди калмыков, и др.,—о Содронас-Бонцоке, которого владелец Лубжа, сын Дорджи Назарова, приглашал к себе в ламы, о Дазонг-ламе, которому писал сам Дорджи Назаров, прося передать письмо и подарки богдыхану—Аму-Гоуланг хану, и о других корреспондентах калмыцких владельцев. Калмыки сообщили, что им было известно, но, как видно, сведения их были довольно скудны, и Барятинскому с Таракановым мало пришлось извлечь интересного из этих сведений.

3

Имело ли в виду калмыцкое посольство, официально отправляемое в Тибет, быть в Пекине?—Письмо Дорджи Назарова к богдыхану, даже при отсутствии других калмыцких писем к нему, могло бы служить основанием для положительного ответа на поставленный вопрос, если бы у нас имелись доказательства, что Дорджи Назаров рассчитывал найти ламу Дазонга в Пекине. Но так как этого рода доказательства отсутствуют, то приходится подходить к делу иначе. Наряду с главным вопросом, надо поставить другой вопрос: знали ли калмыки, отправлявшие посольство, что прямой путь в Тибет чрез Монголию невозможен, вследствие войны между Китаем и Джунгарией? Об этом они не могли не знать. В политическом положении на Дальнем Востоке они всегда были хорошо осведомлены, да к тому же и Лоузанг-Шуну, приехавший из Джунгарии в калмыцкую степь не задолго до отправки посольства в Тибет, был в полном курсе того, что творилось на границах Монголии, ставших плацдармом для Китая и Джунгарии. Он, без сомнения, мог дать самые точные справки о положении дел на Дальнем Востоке. Зная все, что надо было знать по этой части, и считая необходимой отправку посольства не только в Тибет, но и в Пекин, калмыки хлопчут пред правительством о разрешении поездки лишь в Тибет. О Пекине они не упоминают, потому что говорить об этом значило бы наводить правительство на нежелательные соображения, в результате которых мог бы последовать вообще отказ в поездке. Калмыки держали свое намерение в секрете, и еще большей тайной была окутана цель поездки в Пекин. Из состава посольства в эту тайну был посвящен едва ли не один только Намки-гелень, глава

посольства, фаворит ханши Дарма-Балы. Чрезвычайно интересен спор, происшедший между ним и Шарап-Данжиным в Пекине о достоинствах Галдан-Данжина и заявленное при этом убеждение Намки-геленя, что не Церен-Дондуку, а Галдан-Данжину следовало бы править калмыками, с чем „отчасти“ и Шарап-Данжин должен был согласиться. Вот что последний пишет по этому поводу Дорджи Назарову: „Когда Намки-гелень Церен-Дондука уничтожал, и тогда я имел с ним спор, а потом отчасти с ним и согласился“. Несколькоми строками выше Шарап-Данжин сообщает, что, как он мог удостовериться, имя Дорджи Назарова при богдыханском дворе „и прежде было известно, а и ныне, когда от нас услышали, то повелели для приготовления пути одного товарища возвратить“. В конце письма Шарап-Данжин снова возвращается к этому „пути“: „Что же касается до приготовления степного пути, и за то Веселый хан нас пожаловал и отправил“²⁶. Вообще, „степной путь“ и недостоинство Церен-Дондука составляют основное содержание письма, которым оно заинтересовало Барятинского, Тараканова и Бакунина. Оба предмета, обе темы, очевидно, тесно связаны друг с другом и относятся к общему калмыцко-китайскому секрету. Спор Намки-геленя с Шарап-Данжиным только отчасти открывает его. Дарма-Бала не видела в Церен-Дондуке лицо, способное поставить авторитет калмыцкой власти на должную высоту, заставить русское правительство уважать эту власть и считаться с нею. Ханша не признавала Церен-Дондука лицом, способным сделать смелый шаг и предпринять что-нибудь решительное, вплоть до ухода из России, о котором она никогда не переставала мечтать²⁷. Для решительных и умелых действий Галдан-Данжин, в ее глазах, был более подходящим человеком.

Таким образом, ближайшую задачу Дарма-Балы составляло добиться утверждения Галдан-Данжина в ханском звании далай-ламой. В данном случае богдыхан мог оказать содействие:

²⁶ АКА, д. 1734 года, № 68, л. 74. Выражение „Веселый хан“ переводчик объясняет: „Тако именуют богдыхана“.

²⁷ Еще при назначении Церен-Дондука в наместники, Дарма-Бала, выражая свое недовольство и негодование, „расплакалась, драла себе лицо и волосы и, выдрав несколько волос, бросила их на Церен-Дондука, приговаривая, что эти выдранные волосы по смерти выщутся на нем“, пишет С. М. Соловьев в „Истории России с древнейших времен, 3 изд., т-ва „Обществ. польза“. Спб. кн. 4“, стлб. 660. Соответственно—АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 168 об.

Для того, чтобы склонить его на свою сторону, по соображениям ханши достаточно было выдвинуть прежний проект совместных военных операций против Джунгарии и напомнить хану о степном владельце Дорджи Назарове, тяготевшем к Китаю. В соответствии с намеченным планом, Дарма-Бала снабжает Намки-геленя указаниями, по которым тот начинает действовать, лишь только русская граница оказывается у него позади. Встреча с китайским посольством на границе обогатила его многими полезными сведениями. Предложение зургучей ехать в Пекин отвечало интересам калмыков, и посольство направилось в столицу богдыхана, конечно, не в силу принуждения, а совершенно по доброй воле.

О чем переговаривался Намки-гелень с пекинскими дипломатами в течение трех месяцев своего пребывания в столице богдыхана, где был и на обратном пути из Тибета, не трудно догадаться. Переговоры касались совместного выступления манджуро-китайцев и калмыков против Джунгарии. В показании селенгинскому коменданту Бухольцу в августе 1733 года Намки-гелень представлял дело так, что инициатива переговоров исходила от пекинцев, которые будто бы предлагали калмыкам воевать с Джунгарией, и что на это предложение он ответил указанием на „братский союз“ между Россией и калмыками, по которому калмыцкие войска ходят на войну только с русскими войсками, как и последние действуют против неприятеля тоже вместе с калмыцкими войсками. Но толмачу Савинову, ездившему в 1740 году в Пекин для переговоров по поводу пропуска в Тибет посланцов калмыцкого хана Дондук-Омбо, удалось узнать, что именно Намки-гелень предложил к услугам богдыхана калмыцкие войска для похода на Джунгарию, и что соответственно этому предложению из Пекина было отправлено к калмыкам для окончательных переговоров новое посольство. Так как оно не было допущено русским правительством в калмыцкую степь, то намеченный план военных действий не удалось привести в исполнение²⁸. Конечно, из этих двух версий надо отдать предпочтение второй, потому что Пекину не было бы смысла отправлять к калмыкам новое посольство, если бы Намки-гелень первый не возбудил вопроса о совмест-

²⁸ *Бантиш-Каменский*, цит изд., стр. 208—209 и 242.

ных военных операциях против Джунгарии и не обнадежил бы пекинскую дипломатию в том, что калмыцкие войска будут увинуты против джунгарцев.

Дорджи Назаров был достаточно осведомлен в планах Дарма-Балы, но своего посланца он не посвятил в них, почему тот и вступил в спор с Намки-геленем о достоинствах Церен-Дондука и Галдан-Данжина. На Дорджи Назарова пекинцы возлагали особые надежды. Его личность была предметом исключительного внимания со стороны богдыхана и китайских сановников. Он сам ищет их расположения, посылая какое-то письмо и подарки Аму-Гоуланг хану ²⁹. Дорджи Назарову дают из Пекина поручение — озаботиться приготовлением степного пути, которым, — по объяснению Цой-Телея, — калмыки должны будут проследовать к Джунгарии на помощь манджуро-китайцам при совместных военных операциях против хунтайджи, чтобы, „с обеих сторон пришед, ево, хон-тайшу, всего разбить и улусы ево завоевать» ³⁰.

4

По снятии допроса с калмыков, Барятинский распорядился отвезти их в г. Борисоглебск с конвоем под начальством капитана нижегородского пехотного полка В. Худошина, которому была дана инструкция из 8 пунктов касательно мер предосторожности, с какими следовало конвоировать калмыков, и с указанием, как вообще обращаться с ними. Ни в чем их не стесняя, надо было зорко наблюдать за тем, чтобы они не имели никаких сношений с сородичами из улусов. Борисоглебскому воеводе, подполковнику Брюхову посылаются распоряжение хранить в секрете, что калмыки доставлены в Борисоглебск из Царицына. Выехав отсюда в Борисоглебск в июле месяце 1733 года, калмыки были продержаны там, кажется, до конца лета 1735 года ³¹. 28 июня 1733 года с поручика Карачинцева, конвоировавшего калмыков ст г. Верхотурья, взято было обязательство в том, что он нигде и никому не скажет о приве-

²⁹ АКА, д. 1733 года, № 57, л. 27 об. Переводчик этого письма, поясняя имя Аму-Гоуланг хана, говорит: „Здравый,—такое именовали пред сим бывшего богдыхана“; там же, на полях.

³⁰ Там же, л. 56.

³¹ АКА, д. 1733 года, № 55, лл. 173—176.

зенных им в Царицын калмыках и запретит всякие разговоры о том капралу и солдатам его команды, „под опасением военного суда и тяжкого за то истязания“³². А еще раньше, 4 июня, подобного же рода обязательство было взято с Я. Самсонова, фигурировавшего при допросе калмыков в качестве переводчика. Так как,—читаем в подписке Самсонова,—„оное, особливо по нынешним калмыцким обращениям, надлежит содержать секретно“, то „все то, что при оных допросах и следствии происходить будет“, он обязан „содержать весьма в секрете“ не объявляя никому ни о чем. В противном случае, „ежели он сию свою должность преступит, и через ево что наружу выдет, и за то учинено ему будет яко преступнику ее и. в-ства указа“³³.

Уже и по этим мерам предосторожности можно видеть, как серьезно посмотрел Барятинский на приезд калмыков из Пекина. В предварительном докладе в коллегия ин. дел, от 2 июня 1733 года, он писал, что „по осмотру“ отобранных у калмыков писем „является в тех письмах некоторая противность высоким ее и. в-ства интересам“, и что в виду этого он решил произвести допрос калмыков, предварительно подвергнув их полной изоляции³⁴. После допроса, 20 июня Барятинский представил в коллегия ин. дел следственное дело о калмыках, а также опись и переводы важнейших писем, сделанные Бакуниным, при чем находил, что наибольшее внимание следует обратить на письмо Шарап-Данжина с „резолуцией“ богдыхана о приготовлении владельцем Дорджи Назаровым „степного пути“ и с сообщением, что намки-гелень, „уничтожая Церен-Дондука, на ханство Галдан-Данжина достойна представляя“. Здесь,—писал Барятинский,—„по обстоятельству является некоторое подозрение и противность высоким ее и. в-ства интересам“. В других письмах,—прибавлял Барятинский, тоже „находится нечто к противности же приличное“. Остановливаясь далее на объяснении Цой-Телеем слов Шарап-Данжина о приготовлении степного пути, необходимого калмыкам в виду предстоящего их участия в китайско-джунгарской войне, Барятинский бросает тень подозрения на всю поездку калмыков; „Цой-Телей не-

³² АКА, д. 1733 года, № 57, л. 115.

³³ Там же, л. 88.

³⁴ АКА, д. 1733 года, № 55, л. 149 и об.

казал, что посланец Намки-гелень в разговорах с китайским зургучеем Церен-Дондука достоинством ханским не почитал и предлагал, что у них ханы бывают по определению далай-ламы»³⁵. Этими словами Бярятинский хотел сказать, что, по его мнению, калмыки отправились в Тибет, главным образом, для того, чтобы добиться от далай-ламы назначения на ханство Галдан-Данжина и тем устранить наместника Церен-Дондука от управления калмыками. Что касается тангутских и „других тамошних характеров писем“, в особенности же двух подозрительных тетрадей на желтой бумаге, из которых одна—за печатью, не переведенных Бакуниным, то Бярятинский переслал их в коллегию ин. дел, „в рассуждении того, что может быть гос. коллегия изволит изобрести где такого человека, который бы оные письма перевести или разобрать возмог“. Сообщив об отсылке на жительство в г. Борисоглебск допрошенных калмыков, Бярятинский представил в коллегию и свои соображения о необходимости задержать главных калмыцких послов, когда они будут возвращаться обратно, и подвергнуть их допросу в каком-либо отдаленном от калмыцких улусов городе, „ибо здесь, яко в ближнем от калмыцких улусов месте, к тому-ж, что здесь непрестанно бывают калмыки, весьма трудно потаить, чтоб о них в улусах сведать не могли, в чем и о нынешних привезенных калмыках предстоит сүмнение, понеже когда о сем хан и другие каким образом сведают, то есть опасение, чтоб в настоящей моей комиссии помешательства какого воспоследовать не могло. И ежели об них, калмыках, от хана и от других будет чиниться мне какое предложение, то я им иначе ответствовать и потаить не могу, токмо буду об'являть, что якобы оные калмыки, поуказу, отправлены от меня в Москву“³⁶. Промеморией от 25 июня Бярятинский предупредил Тобольскую губ. канцелярию о том, чтобы калмыцких посланцов к далай-ламе, Намки-геленя с товарищи, не отправлять в калмыцкую степь, „для некоторых по здешним калмыцким обращениям резонов“ по прибытии же их в Сибирь, „содержать тамо где в пристойном месте“, впредь до получения особого указа³⁷.

³⁵ С сожалением, л. 57 в д. 1733 года, № 57, сохранивший запись слов Цой-Телея о разговоре Намки-геленя с китайским зургучеем о Церен-Дондуке и Галдан-Данжине утрачен.

³⁶ Там же, лл. 162—164.

³⁷ Там же, лл. 170—171.

Не зная, что произошло с Цой-Гецюлем, Цой-Телеем, Самтаном и Саиджи, Намки-гелень оставался на Дальнем Востоке до конца 1732 года. В «тринадцатый день четвертого месяца мышьего года», т. е. 25 мая 1732 года ³⁸, он прибыл в Зоу («место при далай-ламе») и пробыл в Тибете до начала следующего 1733 года. 9 февраля 1733 года калмыцкое посольство выехало из Тибета, а оттуда снова направилось в Пекин. В августе оно было уже на русской границе, при чем жаловалось в Селенгинске коменданту Бухольцу об обидах, полученных в Пекине, — там его держали целый месяц взаперти, не позволили взять с собой 17 докторов и других лиц из Тибета, отобрали много лекарств и книг, вывезенных оттуда и пр., — а в сентябре прибыло в Енисейск ³⁹. Отсюда посольство проследовало в Тобольск, где уже была получена промемория Барятинского, от 25 июня 1733 года, не пропускать калмыков дальше, а содержать их «в пристойном месте» впредь до получения указа. Указ вскоре пришел. У послов отбираются все письма, какие они везли с собою, и пересылаются в коллегия ин. дел с прапорщиком Аф. Соловьевым, а Намки-гелень и прочие калмыки его свиты под конвоем капитана Ст. Угримова ⁴⁰ направляются в г. Суздаль, где водворяются на житье в ожидании дальнейших правительственных распоряжений. Тем временем коллегия ин. дел производит рассмотрение привезенных Намки-геленем писем. В октябре 1734 года Соловьев получает приказание ехать в Суздаль, взять посольские вещи, везти в Саратов и сдать на руки В. П. Беклемишеву. Приехав в Суздаль, Соловьев вручил Угримову указ коллегии ин. дел о доставке Намки-геленя с прочими, находящимися при нем калмыками, в Москву. Там им приготовлялась квартира «в Китае—канцелярской двор», причем ассесо-

³⁸ Из прошения калмыцких посланцов, посланного к богдыхану, о предоставлении им для возвратного пути более удобной дороги—Селенгинской. АКА, д. 1734 года, № 68, л. 98. Переложение калмыцкого летосчисления на русское сделано переводчиком в виде подстрочного примечания.

³⁹ *Вангши-Каменский*, цит. изд., стр. 208—209. Время приезда посольства в Енисейск определяется по записке, оказавшейся в ящике Батур-Омбо, служителя Шарап-Давжина, писанной по калмыцки; там же, л. 101-а.

⁴⁰ Об Угримове, проводнике калмыков из Тобольска, упоминается у *В. Л. Комича*—цит. изд. стр. 1204, прим. 2.

ру коллегии ин. дел С. И. Иванову было вменено в обязанность «очистить» этот двор, если он «другим каким постоем занят»⁴¹.

И вот, под конвоем Угримова, Намки-гелень с товарищами двинулись к Москве, а вещи их и документы, как: опись ящичков с книгами и письмами, переводы с калмыцких и монгольских писем, реестр собственного багажа посланцов и пр. Соловьев повез в Саратов. Особо были запечатаны документы, пересланные в свое время Бяратинским в коллегию ин. дел и теперь возвращаемые обратно к калмыцким делам, и «копия с секретного пункта», данного прап. Соловьеву⁴² от 12 ноября 1734 года. Сообщая Беклемишеву об имеющем прибыть к нему прап. Соловьеве с вещами, книгами и письмами калмыцких посланцов, коллегия ин. дел предписывала назначить для приема вещей особое лицо, при чем ссылалась на указание от 15 октября, каковым Беклемишев должен руководиться теперь при раздаче вещей и писем хану, ханше и другим лицам. Что же касается вещей посланца Дорджи Назарова, Шарап-Данжина и его товарищей и служителей, то коллегия распорядилась «тех вещей хану не отдавать, а удержать до времени у себя, повеже хан со оным владельцем Дорджею ныне в ссоре, и того к нему не отошлет»⁴³. А в указе от 15 октября коллегия ин. дел писала Беклемишеву: «Из оставшихся у вас дел по от'езде г-л. кн. Бяратинского и г-м. Тараканова о задержании в Царицине калмыцких посланцов Цойгецюля и Цой-Телея, и отобрании у них писем и вещей, и о прочем довольно вам ведомо. А потом, когда и прочие посланцы, Намки-гелюн с товарищи от далай-ламы возвратились, также письма у них отобраны и вещи их задержаны. И по разобрании всех писем, посылается ныне ее и. в-ства грамота к хану Черчендундуку, и со оной к вам копия, и с одного найденного причинного письма перевод»⁴⁴. Вы, по получе-

⁴¹ АКА, д. 1734 года, № 68, лл. 86—87.

⁴² В наших документах имеется лишь инструкция Соловьеву, данная в Петербурге в октябре (число не поставлено) 1734 года и состоящая из 8 пунктов. Она касается доставки писем и вещей из Суздаля в Саратов; лл. 102-104. Реестр вещей — см. лл. 106-112. Калмыки вывезли с Дальнего Востока преимущественно чай разных сортов, материи, табак, предметы культа и пр.

⁴³ Там же, л. 85 и об.

⁴⁴ Имеется в виду письмо Шарап-Данжина к Дорджи Назарову, с содержанием которого мы познакомились выше.

нии сего, имеете к той грамоте к хану приложить калмыцкое оригинальное письмо Дорджина посланца Шарап-Данжина, которое тамо при деле имеется; и ехать вам к нему, хану Черендундуку, и тое грамоту подать секретно, и, по силе оной, предложить к растолкованию ему нынешнее и прежде бывшее недоброжелание к нему, хану, Намки-гелюна, и зачем те их посланцы задержаны, и прочая. И потом объявить ему что все забранные письма и вещи его посланцов к нему, хану, присланы, чтоб он кому велел у вас принять, которые и отдать, и говорить, дабы он, хан, по верности своей к ее и. в-ству, обще с матерью своею и Шакур-ламою все те письма, которых здесь прочесть и разобрать некому, пересмотрели, и что в оных противного и ее и. в-ства интересам вредного найдется, и те б письма выбрали, и сделали с них копии на калмыцком языке, и прислали б, или отдали б вам для отсылки сюды. В тех же письмах усмотрят они, что у богдыхана взята резолюция о степном пути, а от далай-ламы некакой чин ему, Черендундуку дан,—и о сем бы он, хан в листе своем к ее и. в-ству изяснил, или хотя вам словесно открыл, в какой образ и для чего степной путь им показан, и какой чин ему Черендундуку, далай-лама дает, представляя ему, что ежели—ханской, и не иному кому, но ему, Черендундуку, то из того ее и. в-ству противности быть не имеет. И для того б он, Черендундук с грамоты от далай-ламы, о том к нему присланной, сообщил вам копию на калмыцком языке. И при том, из них, хана и Шакур-ламы, смотреть, как они сие примут. Чаятельно есть, что как хан, так и ханша, и Шакур-лама будут вам говорить, чтоб посланцов их с под ареста освободить и к ним отпустить,—на что вам отвечать, что когда они все письма, у них отобранные, пересмотрят и к ее и. в-ству обстоятельно об оных доношение учинят, тогда, по усмотрению обстоятельств, об отпуске их, посланцов, решение будет учинено. А те их калмыцкие посланцы хотя и задержаны по причине данного ими самими подозрения, однакож содержатся в довольстве корму и прочего. И приводить вам хана, и ханшу, и Шакур-ламу, чтоб они ее и. в-ство о свободе тех посланцов своих просили, объявляя вину их, что они без ведома их к богдыхану китайскому в Пекин заезжали». Вменив в обязанность Беклемишеву рапортовать о дальнейшем в колл. ин. дел и к астраханскому губернатору И. П. Измайлову,

коллегия сообщает о предстоящей отправке вещей и писем Намки-геленя с товарищами чрез прап. Соловьева. Беклемишев должен принять эти вещи и письма, а затем отпустить Соловьева в Тобольск. Наконец, он должен принять и те вещи калмыцких посланцов, которые хранятся в Царицыне,—о доставке их в Саратов коллегия дает указ царицынскому коменданту Кольцову ⁴⁵.

Грамота Анны Ивановны от 15 октября 1734 года на имя Церен-Дондука с его матерью Дарма-Балой, с братьями, с детьми и с племянниками—содержательна. Прежде всего, ею объявляется названным лицам царская „милость“. Затем излагаются обстоятельства отправки калмыцких посланцов к далай-ламе для поминовения хана Аюки в 1729 году. Посланцы были отправлены на казенный счет «со удовольствием подвод и корму». Из Селенгинска им следовало ехать к далай-ламе прямою дорогою взяв из Тобольска дворянина и толмача, „но они тот прямой путь, и дворянина, и толмача оставя, и вместо того поехали к китайскому двору в Пекин, а из Пекина уже первой, Намки-гелен, поехал к далай-ламе, а из товарищей своих Цой-гецюля и Цой-Телея с двумя служители, по представлении их китайскому богдыхану, возвратил назад, которые в 1733 году и приехали, а в нынешнем 1734 году и прочие посланцы от далай-ламы возвратились». Так как об отпуске посланцов в Пекин Церен-Дондук не просил и без указа не мог приказать своим посланцам ехать туда, то „видно, что те посланцы ту дорогу в Пекин сами собою взяли, и у китайского двора, и у самого богдыхана были, в чем на них принято подозрение“, почему они были задержаны на обратном пути, а вещи и письма были у них отобраны. Особому вниманию Церен-Дондука предлагается письмо, привезенное Цой-Телеем и теперь препровождаемое к хану: „Во оном усмотришь... что первой посланец Намки-гелен, будучи при китайском дворе, тебя, верного нашего подданного, а своего хана, уничтожил, а представлял на ханство за достойного брата твоего Галдан-Данжина“. Есть и другие „противные“ письма. Кроме того, оказываются письма „иные—тангутские и других тамошних характеров и писанные цифрою, которых здесь перевести некому“. Дерзкий поступок посланцов, осмелившихся самозвольно поехать в Пекин и «уничтожить» там

⁴⁵ Там-же, лл. 69—70.

своего хана, пожалованного в ханское звание самой императрицей, „весьма противен“. За это следовало бы поступить с посланцами не так снисходительно, как поступлено, а „иначе“, надо было бы продолжать и довести до конца следствие над ними. Но в виду того, что хан, ханша и Шакур-лама остаются „во всякой верности“ императрице, она ограничивается одним уведомлением хана о происшедшем, и приказывает все вещи и письма отослать к нему. Хан должен пересмотреть письма, „и ежели во оных найдется еще какая интересам нашим противность, и те письма, в которых важность и противность явятся, выбрать и сделать с них копии на калмыцком языке“ а затем как копии, так и оригиналы прислать к императрице, или же передать полковнику Беклемишеву для отсылки⁴⁶. Таким образом, один Намки-гелень оказывался кругом виноватым,—Дарма Бала и ее сообщники заслужили „милость“, по правительственной оценке. Но едва ли была искренней эта оценка!

По документам АКА не видно, была ли Церен-Дондуком обнаружена „противность“ государственным интересам в письмах, которые никто не смог прочесть в столице, и доложил ли хан о содержании писем, кому следует. Точно также, в моем распоряжении нет материалов, относящихся к допросу Намки-геленя и его спутников в коллегии. ин. дел, так что остается не известным что они сами говорили как о причине и цели своего путешествия в Пекин, так и относительно содержания привезенных ими писем. Те письма на калмыцком и монгольском языках, с которых имеются переводы⁴⁷, довольно безобидного характера и заслуживают внимания больше в бытовом отношении, в смысле же освещения политической миссии Намки-геленя они дают довольно мало. Из них нами извлечены, в своем месте, некоторые хронологические даты, а в данный момент не лишне будет обратить внимание на расходы, произведенные Намки-геленем по случаю производства далай-ламой Церен-Дондука в «чин». „Когда же“,—читаем в одной записке Намки-геленя, —его „всепресветлейшество“ (на полях-объяснение переводчика: „также именуют далай-ламу“) „чин пожаловал, и тогда в знак благодарствия три великие киита (на полях: „мо-

⁴⁶ Там же, лл. 75—76; грамота припечатана госуд. средней печатью под „кустодией“.

⁴⁷ Там же, лл. 97—101-б.

настыря») трактованы, да в казну е. в. ства поднесено из дворцовых вещей четыре зерна жемчужных и несколько персидских и крымских разных парчиц, также — канф, и усов, и юфтей, и 11 кип, да 11 же белых шелковых платков⁴⁸. В тексте записки не называется лицо, которому далай-лама дал „чин“, и не указано, что это был за чин. Коллегия ин. дел, оставшись в недоумении относительно этого, поручила Беклемишеву собрать точные сведения, кому именно и какой чин дал далай-лама, и если Церен-Дондуку, то равносильен ли далай-ламинский чин ханскому званию, какое носит Церен-Дондук. С тем вместе Беклемишев должен был получить копию на калмыцком языке с грамоты на этот чин⁴⁹. Как видно, среди отобранных у Намки-геленя документов грамоты не оказалось. Из письма Церен-Дондука от 25 сентября 1735 года к астраханскому губернатору Измайлову мы узнаем, что Церен-Дондук был произведен в звание Дайчин-Шаса-Бюджа-хана: „Прежде, до повышения чина моего от е. в. ства, сверх того, (от) всего света обладателя, его сияния далай-ламы, пожалован (я) Дайчин-Шаса-Бюджа Церен-Дондук-ханом, с велегласным проповеданием, для чего и вас, верной друг мой, не хотел оставить без известия“ — писал Церен-Дондук⁵⁰. С этого времени, Церен-Дондук в заголовках своих официальных бумаг помещает новый титул и прикладывает к письмам новую печать, несколько больших размеров против печати хана Аюки⁵¹. Очевидно, по сведениям, доставленным Беклемишевым, правительство не признало какой либо особенной силы в далай-ламинском чине и предоставило Церен-Дондуку утешаться им, тем более, что судьба хана была уже предрешена и близился момент отстранения его от управления калмыками.

Пожалование Церен-Дондука чином от далай-ламы показывает, что интрига против него, проводником которой служил Намки-гелень, не удалась. На сторону Галдан-Данжина далай-лама не стал, — ему не удобно было „уничижать“ того калмыцкого правителя, который поставлен русской верховной властью, и к которому богдыхан посылал свое посольство.

⁴⁸ Там же, л. 100 об.

⁴⁹ Выше, примеч. 42.

⁵⁰ АКА, д. 1735 года, № 72, л. 129.

⁵¹ Там же, л. 130 и др.

Как ни старалось правительство скрыть возвращение в Россию Намки-геленя, но слух о том все-таки проник в калмыцкую степь. 6 июня 1734 года Цецен-гелень, посланец Шакур-ламы от имени последнего спрашивал В. П. Беклемишева, справедливо ли известие, дошедшее до ламы через яицких казаков, „которые были на Свитцкой ярмонке, якобы слышали они, казаки, что посланный от хана и от прочих владельцев к далай-ламе Намки-гелень с товарищи в Тобольск приехали, откуда де и отправлены в Москву, а конвою дано им 300 человек?“. Беклемишев ответил, что ему об этом ничего неизвестно⁵².

Когда же Намки-гелень возвратился в степь? Кто содействовал возвращению калмыков на родину? Оказывается, что в их судьбе принял участие владелец Дондук-Омбо, который жил тогда еще на Кубани, но с которым правительство вступило уже в переговоры относительно передачи ему власти над калмыками. Дальше не было возможности терпеть на ханстве бездарного Церен-Дондука и прилагать усилия к его поддержке. Правительство вело переговоры с Дондук-Омбо через посредство донского войскового старшины Даниила Ефремова, состоявшего с Дондук-Омбо в приятельских отношениях, и старалось удовлетворять все представления Ефремова, согласованные с требованиями и желаниями Дондук-Омбо⁵³. 14 мая 1735 года Ефремов донес в коллегия ин. дел о просьбе Дондук-Омбо, „чтоб калмыцких посланцов—Намки-гелюна с товарищи, которые были в Пекине, отпустить к Черендондуку“ 21 июня коллегия ответила Ефремову, что, „по прошению Дондук-Омбы, калмыцких посланцев Намки-гелюна со всеми их товарищи к Церен-Дондуку отпустить велено, которые на сих днях и действительно отпущены быть имеют“⁵⁴. Следовательно, Намки-гелень получил возможность выехать в калмыцкую степь в конце июня, а в июле 1735 года мог быть уже дома.

Некоторые авторы связывают возвращение Намки-геленя с вручением им Церен-Дондуку жалованной грамоты от далай-

⁵² АКА, д. 1734 года, № 67 л. 14.

⁵³ См. „Очерк“, цит. выше, стр. 42.

⁵⁴ АКА, д. 1734 года, № 70, л. 49 и об.

ламы. Е. Ч. Чонов сообщает и текст этой грамоты в старинном русском переводе, при чем, не указывая источника, пишет, что «встреча сему посланцу (Намки-геленю) и принятие от него грамоты далай-ламы были сопровождаемы особенною церемонией 10 сентября 1735 года на левой стороне Волги, в 40 верстах от Царицына»⁵⁵. Но если Намки-гелень получил возможность выехать из Москвы в калмыцкую степь в конце июня, то неужели он ехал сюда два с половиною м. ца? Очевидно, возвращение Намки-геленя в степь и „торжество“ вручения грамоты Церен-Дондуку надо разграничивать, и если действительно торжество происходило 10 сентября, то оно было „торжеством“ вручения грамоты, но не церемонией встречи Намки-геленя. Если же так, то далай-ламинская грамота, которой русское правительство не знало и которой так оно интересовалось, судя по указу коллегии ин. дел Беклемишеву от 15 октября 1734 года⁵⁶, находилась на руках не у Намки-геленя, а у какого-то другого лица, и только к 10 сентября 1735 года Намки-гелень получил ее для вручения по принадлежности. Видно, что пред тем был сделан и перевод грамоты. Но кто доставил ее туда, при каких обстоятельствах и когда именно, эти вопросы приходится оставить без ответа, за отсутствием фактических данных.

Из предыдущего мы знаем, что Дондук-Омбо посылал с Намки-геленем большие деньги в Тибет для приобретения разных вещей. Будучи заинтересован в получении их, он и хлопочет о скорейшем возвращении Намки-геленя в степь. Но вот Намки-гелень вернулся в степь, а Дондук-Омбо все еще не получал ожидаемых вещей. Они оказались в руках Церен-Дондука. Узнав об этом, Дондук-Омбо обращается за содействием к губернатору И. П. Измайлову. 10 октября 1735 года губернатор получает в Царицыне письмо, в котором Дондук-Омбо, напоминая, что только по его, Дондук-Омбо, просьбе Намки-гелень отпущен из Москвы в степь, просит Измайлова „посланцов самих“ (с Намки-геленем во главе) и со всем их скарбом отдать ему⁵⁷. 9 октября датируется письмо к Измайлову и от Д. Ефремова о том же предмете: „Он (Дондук-Омбо),—пишет Ефремов,—,весьма меня к тому принуждает, пред-

⁵⁵ Е. Чонов. — Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Пятигорск. 1912, стр. 17; текст грамоты на стр. 17—19.

⁵⁶ См. выше, прим. 49.

⁵⁷ АКА. д. 1735 года, № 72, л. 220.

ставляя, (что) хотя от него у далай-ламы посланцы не были, токмо с Намки-гелюном многое число денег было послано, на которые разных вещей ему накуплено, и, по их закону, благословенные листы на имя его подписаны, а к нему ничего не дошло, а Намки-гелюн по его прошению из Москвы отпущен". Кроме того, теперь Дондук-Омбо получает „главное правление“ над всем калмыцким народом, а это обстоятельство также побуждает его настаивать на требованиях о присылке к нему вещей, привезенных из Тибета Намки-геленем. Дондук-Омбо не перестает твердить мне, — пишет Ефимов, — что „надлежит вещам быть при нем“, тем более, что он „ныне имеет не малую нужду“ в них⁵⁸. Как отнесся Измайлов к настойчивым требованиям Дондук-Омбо, из наших документов не видно. Мы знаем, что в числе условий, поставленных Дондук-Омбо правительству при вступлении в управление калмыками, была и отправка посланцов к далай-ламе за счет казны. Это условие было удовлетворено 3 марта 1737 года⁵⁹. Если действительно Дондук-Омбо испытывал „не малую нужду“ в вещах из Тибета, то, вероятно, ожидаемых от Намки-геленя вещей он или совсем не получил, или получил не столько, сколько ожидал⁶⁰, почему и поспешил с отправкой в Тибет собственного посольства, которым преследовалась, как мы увидим, еще и некоторая особая цель.

Правительство отпускало Намки-геленя в калмыцкую степь как совершенно безвредного человека в тот момент, когда вопрос об удалении Церен-Дондука от власти был уже решен. Без сомнения, правительство приняло во внимание, что „уничтожавший“ Церен-Дондука в Пекине влиятельный калмык Намки-гелень настроен далеко в пользу хана и, наверное, это-

⁵⁸ Там же, л. 223 об.

⁵⁹ АКА, д. 1737 года, № 89, л. 29.

⁶⁰ Заметно, что привезенные вещи, до передачи их Церен-Дондуку находившиеся под особой охраной, подверглись какой-то довольно странной „утечке“ 2 ноября 1735 года Шакур-лама пишет Беклемишеву: „С Лубжиным посланцом Цой-Телеем вместе привезено: связка — сверху черною кожей покрыто, а внутри — кожа. Еще китайским камышом выплетено лукошко, а в нем насыпано черного чаю. Еще связка черного сермяжного сукна, а в нем пять бакчей черного чаю. В одной желтой китайской коробке 33 камки. Коробки хотя и равны, токмо в прочих коробках толкого числа нет“. Называя затем другие вещи, в том числе „два блюда китайских булатных“, Шакур отказывается от получения доставленных ему с Д. Востока вещей и все их дарит Беклемишеву. АКА, д. 1735 года, № 72, л. 303.

му степному дипломату стоило усилий не сбросить маску лицемерия в ту минуту, когда он должен был подобострастно вручать далай-ламинскую грамоту Церен-Дондуку. Правда, правительство ставило Намки-геленю в вину его „дерзкий поступок“ — самовольную поездку в Пекин. Но, конечно, имея такого превосходно осведомленного в закулисной стороне калмыцких правящих сфер чиновника, как В. М. Бакунин, оно понимало, что поездка в Пекин была предпринята им не самовольно, но по директивам ханши Дарма-Балы и ее единомышленников, в том числе и владельца Дорджи Назарова. Порвать отношения с матерью Церен-Дондук не смел, — он не переставал бояться ее, но на Дорджи Назарова так озлобился, что коллегия ин. дел 15 октября 1734 года предписала Беклемишеву следуемых на долю Дорджи Назарова вещей из Тибета не отдавать в руки хана, из за опасения, что он „того к нему не отошлет“⁶¹. Опасаться каких-нибудь враждебных выступлений со стороны Дарма-Балы и ее партии было нечего, — правительство вручало власть над калмыками Дондук-Омбо, человеку с сильным характером, и хотя между Дарма-Балой и Дондук-Омбо некогда существовала „нежная“ дружба, но она давно прекратилась. В ноябре 1731 года Дондук-Омбо разбил улус ханши и разграбил ее имущество⁶². Идеальная связь между этими двумя представителями оппозиционных калмыцких партий тоже перестала существовать. О возможности каких-либо влияний со стороны Дарма-Балы на Дондук-Омбо не могло быть и речи. Приглашая на ханство недавно еще опального владельца и оказывая ему всевозможные знаки внимания и благоволения, правительство приобретало в Дондук-Омбо верного слугу себе. Дарма-Бала сходила со сцены, — вернуться к политической деятельности ей удалось только со смертью Дондук-Омбо в 1741 году.

30 дек., 1923 г.

30 июля 1926 г.

⁶¹ См. выше, прим. 43.

⁶² АКА, д. 1731 года, № 39, л. 867.

V.

Обзор писем, связанных с калмыцким посольством 1729 года.

1

Некоторые из писем, обнаруженных русскими властями у калмыцких посланцов при возвращении их в улусы, заслуживают особого рассмотрения, так как, с одной стороны, они рисуют общее политическое настроение калмыков в момент отправки посольства в 1729 году, а с другой стороны—имеют значение при изложении дальнейшей истории сношений калмыков с Д. Востоком, в особенности и ближе всего—при трактации о манджуро-китайском посольстве в калмыцкую степь в 1731 году.

Между посольством 1729 и 1731 годов нельзя установить какую-нибудь внешнюю связь и считать посольство 1731 года за ответ Пекина на калмыцкое посольство 1729 года. Манджуро-китайцы выехали из Пекина в Россию в 1729 году, имея два поручения от богдыхана: приветствовать Петра II с вступлением на престол и вручить указ и жалованье калмыцкому хану, которым в Пекине продолжали считать Аюку. Манджуро-китайское посольство в составе десяти человек приехало с свитой в пограничную слободу Кяхту 11 августа 1729 года; здесь оно прожило полгода в ожидании отправки в Селенгинск. 31 мая 1730 года посольство двинулось из Селенгинска водным путем на Тобольск, прибыло сюда 11 августа, а 30 ноября поехало на подводах из Тобольска в Москву. После кратковременной остановки в с. Алексеевском под Москвой, 14 января 1731 года посольство въехало в столицу ¹.

Зная время отправления посланцов из калмыцкой степи—23 декабря 1729 года и время их отъезда из Тобольска в

¹ *Вактши-Каменский*, цит. изд., стр. 165—166, 170—171, 174.

двадцатых числах февраля 1730 года, мы можем считать местом их встречи с манджуро-китайцами, о которой упоминают калмыки на допросе в Мечетной крепости 3—9 июня 1733 года², Селенгинск, а также допустить и то, что эта встреча облегчала калмыкам решение вопроса, как удобнее добраться до Пекина, —наверное, манджуро-китайцы дали знать, кому следует из своих властей, о намерении калмыков, и поэтому в Монголии к ним явился зургучей с указанием дальнейшего маршрута.

Отмечая отсутствие внешней связи между обоими посольствами, мы, тем не менее, не должны отрицать существования внутренней связи между ними, определяемой заинтересованностью калмыков и манджуро-китайцев в вопросе тогдашнего политического момента, которым было отношение к Джунгарии. Пекин стремился втянуть калмыков в войну с нею. С своей стороны калмыки, порвав прежние дружественные связи с Джунгарией, искали возобновления сношений с Китаем, потому что в случае, если бы состоялся их уход из России, им оставалось надеяться только на Китай, как на главную политическую силу, от которой зависели монгольские племена на Д. Востоке. Отсюда —взаимное тяготение калмыков и манджуро-китайцев, внешне выразившееся в отправке посольств, одновременность которых приходится пока признать случайностью.

Переговоры с Пекином касательно устройства политической будущности калмыков требовали от последних осторожности и предусмотрительности. Калмыкам надо было обеспечить за собой право политической свободы, которой они тщетно добились от России и которую могли не получить от Китая. Пекин обходил молчанием вопрос о будущем политическом положении калмыков на Д. Востоке. Приглашая их к совместным военным операциям против Джунгарии и обеспечивая за ними право поселения в этой стране, пекинские дипломаты сулили в награду калмыкам только облегченный доступ в Тибет: „как сие учинено будет“, передавал Цой-Телей Барятинскому обещания пекинцев, — „то торгоутовским калмыкам к далай-ламе путь будет свободной“³. Дальше этого

² См. выше, стр. 82.

³ АВА, д. 1733 года, № 57, л. 56.

пекинская дипломатия не шла в своих обещаниях. Мы не вправе допускать какую-нибудь утайку Цой-Телея пред следователями других, более серьезных обещаний Китая калмыкам, потому что за подобную утайку он рисковал подвергнуться „жесточкому истязанию и казни“⁴. Угроза — нешуточная.

2.

Письмо владельца Дорджи Назарова к Аму-Гоуланг-хану является прямым документальным свидетельством желания калмыков войти в сношения с манджуро-китайцами. Это письмо должен передать богдыхану лама Дазонг. Цой-гецюль и Цой-Телей не могли объяснить следователям, кто такой Дазонг, какой он национальности, где живет и подал ли он письмо, с подарками богдыхану⁵. Во всяком случае, ясно, что Дазонг был близок к китайскому двору, чем Дорджи Назаров решил воспользоваться для своей цели. О чем писал богдыхану владелец, не известно, но легко догадаться, что содержание письма было важное и, скорее всего, касалось степного пути, интересовавшего манджуро-китайцев уже давно, еще с времен отправки первого посольства к калмыкам в 1714 году. Так как Дорджи Назаров кочевал вблизи этого пути, то понятно, почему вниманию пекинской дипломатии преимущественно было уделено этому владельцу, и почему на долю посланца Дорджи Назарова, Шарап Данжина выпали особые милости богдыхана.

Названного калмыцкого владельца связывала с Китаем и семья младшего брата Арабжюра, попавшего в Пекин. В приезд Намки-геленя в Пекин, из семьи Арабжюра оказался в живых один только сын его, Данжюн. Донир-аран-джамбо в письме к своему племяннику, Лоузанг-гецюлю, находившемуся в улусе Дорджи Назарова, величает Данжюна придворным китайским титулом «бэйлэ»⁶. Цой-Телей, или не обнаруживая полной осведомленности, или по каким-нибудь особым сообра-

⁴ Там же, л. 78

⁵ Там же, лл. 37 и об., 52 и 53.

⁶ Там же, л. 29 об. Переводчик письма поясняет, что „бэйлэ“ — „чин третьего или четвертого класса при китайском дворе“. По А. М. Позднесву, „бэйлэ“ есть четвертое из восьми званий, учрежденных Пекином для монгольских владетельных князей; см. „Сказание“, цит. выше, стр. 177, примечание 49.

женям, утверждал, что „означенный Дорджин племянник при китайском дворе никакого чину не имеет“⁷, а когда следовательно было указано на письмо Донир-арап джамбо, где Данжюн именуется „бэйлэ“, он довольно неловко отвечал: „А с чего его (Данжюна) так (аран-джамбо) называет,—того я не знаю“⁸. Об имущественном положении Данжюна Цой-Телей говорил, что Данжюн владеет улусом всего только в 200 семейств и что вообще он „в скудости находится“, конечно, по сравнению с другими богатыми владельцами. Он живет не в Пекине, но на мунгальской границе, и от Пекина расстояние три месяца⁹. Заметно, что Цой-Телей хочет изобразить Данжюна незаметным, малозначащим, заброшенным в глушь человеком. Но если в расчеты калмыка входило снять с Данжюна всякую тень подозрения, это он делал неумело. Цой-гецюль правдивее Цой-Телея. Он подтверждает за Данжюном звание „бэйлэ“ и говорит, что владелец живет от Пекина в расстоянии одного месяца пути и часто наезжает в столицу. В бытность свою в Пекине, калмыки застали его там¹⁰. Вместе с четырьмя отъезжавшими из столицы калмыками Данжюн отправил к своему дяде, Дорджи Назарову посланца Цойрека, „для поздравления и об’явления о ево, Данжюновом, и ради наведывания о их, Дорджином с детьми, состоянии“¹¹. В рассказ Цой-Телея об обстоятельствах отправки Цойрека к Дорджи Назарову Цой-гецюль вносит немаловажные сведения относительно проекта пекинцев ввести и Данжюна в дальнейшие сношения с калмыками: „в бытность нашу в Пекину“, — говорит Цой-гецюль, — „от богдыхана к нему писано, что отправляется от него, богдыхана, нарочное посольство, при котором и он, Данжюн, ежели хочет, отправил бы от себя двух человек к Дорже Назарову“¹². В данном случае речь идет о новом посольстве к калмыкам в составе трех саванников и 53 человек свиты. Известие о приезде этого посольства к границе было получено в Петербурге 4 января

⁷ Там же, лл. 51 об.—52.

⁸ Там же, лл. 63 об.—64.

⁹ Там же, л. 51 об.

¹⁰ Там же, л. 75 об.

¹¹ Там же, л. 64.

¹² Там же, л. 75 и об.

1732 года; 12 января того же года коллегия ин. дел послала в Иркутск, а 31 мая в Тобольск указы, запрещающие пропуск посольства к калмыкам¹³. Не был пропущен и Цойрек¹⁴, так что ему пришлось ограничиться посылкой письма к Дорджи Назарову с Цой-Телеем и кое что на словах сообщить ему о Данжюне, к сведению Дорджи Назарова¹⁵. Как видно, пекинская дипломатия назначала Данжюну роль, подобную той, которую в свое время играл его отец, Арабжур при сношениях Пекина с калмыками, и Цойрек от имени „бэйлэ“ Данжюна должен был укреплять его дядю, степного владельца Дорджи Назарова в намерении содействовать успеху союза калмыков с манджуро-китайцами против Джунгарии.

Дорджи Назаров, при всех симпатиях к Китаю, не обладал той чертой в характере, которая требовалась в интересах манджуро-китайцев: у него не было решительности. Кроме того, он черезчур высоко ценил личное благополучие и не чужд был своекорыстия, которому мог принести в жертву интересы общественного блага. Достаточно вспомнить поведение Дорджи Назарова во время переговоров с А. П. Волинским о ханстве, которое степной владелец то соглашался принять, то отказывался от него и, в конце концов, после одного разговора с губернатором, когда тот был уверен, что ему удалось убедить владельца стать ханом, Дорджи Назаров, не говоря ни слова, тайком откочевал в глубь степи, откуда прислал Волинскому известие об отказе от ханства¹⁶. Тревогам ханства он предпочел сравнительно спокойное положение мало от кого зависимого владельца, кочевавшего за Волгой до реки Урала, вдали от центра калмыцкой жизни и главной арены политической борьбы. Он пасовал перед трудностями, когда видел, что надо преодолевать их. Увлечшись мечтой Церен-Дондука и Шакур-ламы ехать в Тибет, он сам начал испытывать желание побывать там и даже добился разрешения на поездку, но

¹³ *Бантыш-Каменский*. цит. изд., стр. 187 и 190.

¹⁴ Цит. дело, лл. 42 об. и 77 об.

¹⁵ Там же, л. 51 об.

¹⁶ Об этом можно читать у *Н. Попова*—„В. Н. Татищев и его время“, цит. вы-
ше стр. 249 и дал.; у *С. М. Соловьева*—„История России с древнейших времен кн.
4. Изд. Г-на Обществ. пользы“..„СПБ“, столб. 657—659. Подробная запись переговоров
Волинского с Дорджи Назаровым—в АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 97 об. и дал.

потом, приняв во внимание указанные ему трудности дороги, отменил первоначальное решение и остался в степи. Сторонясь участия в политике определенного, указываемого правительством направления, Дорджи Назаров весьма обижался, когда его обходили наградами. Он вообще был падок до подарков и наград, считая их достойным воздаянием за «службу», какую, как казалось ему, нес для России по положению пограничного владельца. Вот, например, как он выговаривал посланцу В. П. Беклемишева 11 декабря 1726 года: «Кто делает противности ее и. в-ству, тех жалуют, и к ним нишут, а он, Дорджи, служит ее и. в-ству: прежде де сего Вяземского князя выкупил из Хивы за свои деньги и отослал к е. и. в-ству, ¹⁷ — и ему де денег и поныне не заплачено; казаков де взял у касак войной и отослал к е. и. в-ству, — и ему де, Дордже, за ево верность и службы никакова жалованья нет, и грамот от государыни к нему особливых не присылают; а все де, будто, от него, г. майора (Беклемишева); он де других владельцев не хуже», и т. д. ¹⁸.

Идея написать письмо и послать подарки богдыхану могла принадлежать самому Дорджи Назарову. Честолюбию старика льстило считать своим корреспондентом Аму-Гоуланг-хапа. Но связывать с письмом расчет на напоминание пекинской дипломатии о «степном пути», при котором кочует калмыцкий владелец, было бы более свойственно другому лицу, обладавшему силой воли в полной мере. Таким лицом мог быть сын Дорджи Назарова, Лубжа. Человек свободолюбивый и энергичный, он не на словах только, подобно отцу, возмущался вмешательством русской власти во внутренние калмыцкие дела и стремлением ограничить национальные калмыцкие права, откуда бы это стремление ни шло, но выражал свой протест активно. В 1731 году он вместе с Дондук-Омбо, главой калмыцкой оппозиции, откочевывает на Кубань к Бахта-Мирею-султану, а в 1738 году поднимает восстание против своего быв-

¹⁷ Кн. Никита Вяземский, солдат л. — гв. Преображенского полка, ходил в отряде кн. Александра Бековича—Черкасского в Хиву в 1717 году. Дорджи Назаров выкупил его из плена через посредство ногайца Мергеня—Бедри в 1722 году, ушлатив товарами на сумму 550 рублей, как считал сам Назаров. АКА, д. 1727 года, № 23, лл. 19 об.—20. После долгих напоминаний и просьб, деньги были выплачены ему правительством 7 марта сполна; там же, лл. 128 об. и 369 об.

¹⁸ АКА, д. 1726 года № 22, л. 824 и об.

шего друга Дондук-Омбо, после того как тот стал нестерпимо деспотичен в качестве правителя калмыков¹⁹. План ухода калмыков, подготовлявшийся с 1714 года, должен был найти самый живой отклик в настроении Лубжи, а когда стали завязываться сношения калмыков с Пекином, то «степной путь», наверно, глубже захватывал воображение Лубжи, чем Дорджи Назарова. На стороне последнего была известность о нем в Пекине, — Лубжа этой известности там не имел, и ему оставалось одно — внушить отцу мысль о необходимости напомнить манджуро-китайцам, в той или иной форме, что степной путь продолжает граничить с кочевьями степного владельца, и что последний попрежнему находится в соприкосновении с ним. Мы видели, как озаботился Пекин установлением особо тесных связей с Дорджи Назаровым. Цель его письма была достигнута.

3

Лубжа посылает письмо к аран-джамбо-Содронас-Бонцоку, проживавшему в Тибете при далай-ламе.

По словам Цой-Телея, Содронас-Бонцок был родом из калмыков улуса Лубжи. «В прошлых давних годах» он поехал в Тибет для образования и оттуда не вернулся²⁰. Лубжа приглашает его к себе и обещает дать «ламинский титул», при чем, в виде намека на что то, замечает: «и мне из того имеет быть польза»²¹.

Письмо не дошло по назначению и было привезено обратно. Донир-аран-джамбо, товарищ по образованию Содронас-Бонцоку, сообщил в Пекине Цой-Телею, что «оной Содронас-Бонцок умре». Хотя Цой-Телей и объяснил на допросе, что Лубжа, приглашая Содронас-Бонцока в ламы своего улуса, имел в виду заменить им начальника над улусным духовенством Унзат-геленя вследствие его старости, но невольно возникает недоумение, почему владелец действовал в данном случае, минуя Шакур-ламу, главного начальника над всем калмыцким

¹⁹ См. мой „Очерк“ цит. выше, стр. 41—42, 46.

²⁰ АКА, д. 1733 года, № 57, л. 53 об.

²¹ Там же, л. 28.

письма, «чтоб ево, аран-джамбу, он, Шакур-лама, каким возможно способом к себе выручал» ²⁹. Очевидно, расположения к Китаю у Донира не было; милости, полученные от богдыхана, не привязали его ни к столице, ни вообще к манджуро-китайцам. Тем менее он был расположен к Джунгарии, после перенесенных обид от джунгарцев в 1716 году. Оставалось искать спокойствия на родине, которую Донир идеализирует и потому стремится к ней.

В ряду других писем Донира особенно важно письмо его к Лоузанг-Шуну, опальному сыну джунгарского хун-тайджи Цеван-Рабтана, находившемуся в калмыцкой степи ³⁰. Дониру был известен план Пекина произвести в Джунгарии возмущение именем Лоузанг-Шуну, для чего необходимо было вызвать его из калмыцкой степи в Китай. Донир, заметно, хочет предостеречь молодого джунгарца от излишней доверчивости к манджуро-китайцам и от рискованного шага.

Таким образом, в момент, когда калмыки начали искать опору для своих намерений в Китае, и Пекин протянул к ним руку дружбы, в то же самое время оттуда доносятся в степь предостерегающие голоса от лиц, которым удалось ближе познакомиться с политической действительностью на Д. Востоке, охваченном железным кольцом китайского империализма. И Дамба, и русский зайсанг, и Донир рвутся на родину как будто для того, чтобы здесь, на месте, в живых словах рассказать всю ту правду о манджуро-китайцах, на которую они намекают в своих письмах.

4

Мы рассмотрели, в общих чертах, письма, привезенные в калмыцкую степь четырьмя калмыками, но попавшие в руки адресатов очень не скоро. Письмо Донира к Лоузанг-Шуну уже не застало его в живых.

Что касается писем, отобранных у Намки-геленя, то они уже не представляют такого большого интереса, как предыдущие. Им дана характеристика выше. Правда, грамотой от

²⁹ АХА, д 1733 года, № 57, л. 36.

³⁰ Там же, л. 29.

15 октября 1734 года Церен-Дондуку, Дарма-Бале и др. вменялось в обязанность сообщить правительству, не заключается ли какой «противности» государственным интересам в письмах на тангутском и других языках, а также в письмах шифрованных, которых в столице никто не мог понять и даже прочесть, но можно, кажется, смело сказать, что ничего опасного в тех письмах не заключалось. Дело в том, что возвратившееся из калмыцкой степи в Пекин манджуро-китайское посольство 1731 года должно было доложить богдыхану о подлинном политическом положении приволжских калмыков, именно сообщить,—как это и было указано посольству в сенате 1 марта 1731 года,³¹ что калмыки—не самостоятельный в политическом отношении народ, но состоят в подданстве России и без разрешения русского правительства не могут выступить против Джунгарии. Отсюда, было бы бесцельно посылать в калмыцкую степь новое письменное приглашение на войну с Джунгарией чрез посредство Намки-геленя, когда тот двигался в обратный путь. Пекин решил оставить на этот раз калмыков в покое и пока прекратить агитацию по части похода их на Джунгарию.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

АКА, д. 1733 года, № 57, л. 19 об.: «43. Письмо калмыцкое. С него перевод под литерою А. 44. Письмо калмыцкое. С него перевод под литерою В.» Л. 20: «54. В конверте было заклеенное и запечатанное печатью квадратною черною калмыцкое письмо к Дордже-Назарову от посланца ево Шарап-Данжина, и при том же—цыдула, с которых перевод под литерою С».

Переводы указанных под №№ 43—44 и 54 писем содержались на утраченном л. 26 цитируемого дела. Л. 27, начинающийся словами: «и оставший мой дом поручаю в вашу волю. У письма печать черная, квадратная», содержит окончание письма Шарап-Данжина к Дорджи Назарову. Письмо Шарап-Данжина, приведенное в д. 1734 года, № 68, л. 74 (см. ниже), но имеет в конце вышеприведенных слов; это

³¹ Баншиш-Каменский, цит. изд. стр. 180—181.

дает основание полагать, что в названном деле письмо не приводится полностью.

«При том же письме — цыдула следующего содержания. Шарап-Данжино письмо. Понеже я в руках своих имею вещей не много, к тому ж хотя и еще не много вещей получил, но оные поберегая взял в путь с собою. И для того, многого числа вещей возвратно отпратить мне стало и невозможно. И того ради возвратно посылаю немногие вещи нижеписанные: бурханом каронга, ко двору — 9 камок и на 7 ланов чаю. Да Дорже на рубаху — белую камку, один кип, два платка, два вее-ра, одни ножницы; в трех бумажках — 150 игол, и в бязи завязано немного ягод».

Л. 20 об.: «59. Письмо калмыцкое от Кичика. С него перевод под литерою Д». Л. 27: «Д 59. Кичиков и Налджунов подарок: два зерна жемчужные и два левка ³². И сие последнее доношение поручаем ран-джамбе, и Соднаму, и Бунцуку. И им подарок — один левок. А просит о рождении сына».

Л. 20 об. „66. Письмо калмыцкое от Дорджи Назарова к лама Данзонгу, с которого перевод под литерою Е.“ Л. 27 об.: «Е. 66. Дорджин указ Мы здесь со всеми, по милости Дялю-Гурбан-Эрдени, обретаемся в покое и во здравии. А вы, лама Дязонг, со всеми большими и малыми зраствуете ль? За дальним расстоянием и за трудным путем, не много людей и с небольшими вещами отпратили мы. И как оные вручить, отдаю в вашу волю. Лама и лекари нам зело потребны. И о донесении о том вверху и об отпратлении к нам искусного ламу и добрых трех лекарей полагаюсь на вашу волю. А как мои Аму-Гоуланг-хану ³³ вручить подарки и письмо, писанное о вашем Нутуке ³⁴, — оное состоит по тому ж в вашей воле. А отпратленным вещам число последующее: восемь зерен больших жемчужных, девяносто восемь червонных золотых, и еще золота ж два лана, денег двести рублей, три таи сукон, тысяча триста сорок корсаков. Да для получения благословения Нсеон-Абгаю ³⁵

³² На полях пояснение переводчика: „Монеты турецкие“.

³³ На полях: „Здравый, — тако именовали пред сим бывшего богдыхана“.

³⁴ На полях: „Сие на калмыцком диалекте именуется жилище, или народ“.

³⁵ На полях: „калмыки тако именуют Дарму-Балу“.

посылаю ожерелье. Да седло с уздой для получения благословения Соном-Дежалу. Да два зерна жемчужные большие с золотою оправою для получения благословения Балзангову отцу, Рапс-Раптань. Да при том же посылаются Ургядины два зерна жемчужные большие, и десять червонных золотых, и десять корольков. Да Замьянг-геленовых денег шестьдесят рублей, серебра два лана, да жемчужная серьга с золотою оправою. Гоманг, Дацангов посланец. И понеже ран-джамба-Лорой-Замбо умре, и за него вверх послано нижеписанное: двадцать три зерна жемчужные, тридцать три червонные золотые, два большие кремня*.

Л. 20 об: „68. Письмо калмыцкое Лубжино, за печатью ево, с которого перевод под литерою F.“ Л. 28: F. 68. Лубжино письмо ран-джамбе-Содронасу-Бон-цоку вручено. Вашего цорджи учевики: Умзат-гелен и прочие обретаются при мне. А и вы благоволите сюды быть, понеже сие потребно вам к получению ламинского титула. А и мне из того имеет быть польза. В подарок—три левка. У письма Лубжина печать красная“.

Л. 21 об: «86. Лист на калмыцком и мунгальском языках от Дон-аран-джамбы к Шакур-ламе. С него перевод под литерою G» Л. 28: «G 86. Для ведения обоих состояний ³⁶, господскому оку, пребывающему в ревности своего звания, его сиятельству, Шакур-ламе, подношу доношение.

Чрез ныне прибывших послов известились мы о вашем благополучном состоянии, и что вы ревностию своею все дела, по званию вашему, полезно исправляете, и весьма тому порадовались. А я служебною верою моею Гурбан-Эрдени от опасных рук неприятельских свободился без вреда и прибыл к е. в ству, Ман-Джюрпинову ³⁷ хану и учинился на престоле Восточного киита ³⁸. И нижайше доношу: понеже по преставлении Аюхи-хан во всю свою жизнь верою и надеждою не отпадал, а и ныне мы, слыша от послов, что ваца вся нация в том же благоговении состоит, и по премному тому возрадовались. Еще

³⁶ На полях: „То есть духовного и мирского“.

³⁷ На полях: „Идолатори разумеют сим званием своего законодателя, которого престол был в Пекине“.

³⁸ На полях: „Монастырь“.

я слышал о вашем указе, данном Габцу-Балдану³⁹, что ежели мне от него будет потребное, то б я свое и взял. И я по тому взял нечто малое. А о прочем, о чем надлежит, донесет вам секретно Дархан гецюль изустно. Во знак моего желанья вам здравия, посылаю большой платок китайской и камку, именуемую «салама», и камку ж, именуемую «ланчима», и бахчу черного чаю, и благословением наполненную эркемджи. Сие в счастливый день хранитель прав, лама Дон-аран-джамба подношу. А сии подарки—вкупе с Та-аран-джамбою и с общего согласия вручаем.

Л. 21 об.: «87. Письмо на тех же языках от одного ж Дон-аран-джамбы к Ниме-гелену, в котором к нему пишет о получении его подарков и при том кратко объявляет о освобождении от неприятеля, и о возведении своем в ламы, и о посылке от себя к нему взаимных подарков. 88. Письмо на тех же языках к Намки-Ренцену о вышеписанном же“.

Л. 22: „89. Письмо на калмыцком языке от него же к Дарме-Бале, которым ее поздравляет и при том пишет, что видел и слышал,—о том немного ведомостей может ей словесно донести Дархан-гецюль. Также пишет и о посылке к ней подарков. 90. Письмо на калмыцком и мунгальском языках от него ж к Черендондуку. Перевод с него под литерою Н“. Лл. 28 об.—29: „П. 90. В покое народ содержащему, его сиятельству, Черень-Дондуку доношение. Слыша я о вас, что вы, яко самодержавный монарх, делами прославляетесь, и при том получил ваше жалованье: платок и изарбаф и неизреченно тому порадовался и яко бы в с-ство видел персонально. А и я, по благословию Гурбан-Эрдени, обретаюся здоров. И низжайше доношу, что видел и слышал—не много ведомостей, о том может вам Дархан-гецюль донести изустно. Во знак же моего желанья, дабы вы и впредь, яко самодержавный монарх, народ содержали в покое и славу свою непоколебимо распростирали, в подарок посылаю счастливый большой платок и святую рилу, и благословенную рилу, и семи родов рилу⁴⁰. Сие во всей вселенной в счастливый день хранитель прав, лама Дон-аран-джамба, подношу“.

³⁹ На полях: „Посланец Шакур-ламин“.

⁴⁰ По объяснению А. М. Позднеева, рила—тибетское слово, усвоенное монголами и обозначающее освященные шарики, вроде пилюль. Они готовятся из муки, с добавлением разных лекарственных, благовонных и почитаемых священными трав. „Сказание“, цит. выше, стр. 130, пр. 14.

Л. 22. 90—94. Письма Дон-аран-джамбо к Галдан-Данжину, к Дасангу, Дондук-Омбо и к Четерю. Указывается, что по содержанию письма к названным лицам те же, что и к Дарма-Бале.

95. Письмо Дон-аран-джамбо к сыну хун-гайджи, Лоузанг-Шуну. Текст письма—на л. 29: «Нашего господина, е. с-ству, Лоузанг Шунону доношение. Известился о вашем здравии и зело тому порадовался. А я здесь обретаюсь здоров. Во знак любви моего желания вам здравия, посылаю в подарок один большой платок, один целый дордюнг и три бахчи черного чаю. Хранитель прав, лама аран-джамба»

Л. 23 и об. «112. Письмо калмыцкое от хранителя прав ламы Дон-аран-джамбы к Дордже Назарову, в котором к нему пишет о получении ево подарков: платка с ягодами и портища сукна. А в прочем титулует ево так же, как и Черен-Дондука. И во знак того ж своего желания, и такие ж подарки к нему послал. А в ведомостях сослался на Цой-Телея». 113. Письмо от него ж на калмыцком и мунгальском языках к Баю, которым за подарки ево благодарит так, что якобы самого ево видел персонально. И при том об'являет о избавлении от неприятеля, и о возведении своем в ламы, и о посылке к нему, Баю, от себя подарков. Точию «сиятельства» ему не дал. А писал доношением. 114. Письмо калмыцкое от него ж к Лузану, которым поздравляет и об'являет о своем здоровьи и о посылке подарков. А в малых ведомостях ссылается на Цой-Телея. 115 Письмо на калмыцком и мунгальском языках от него ж к Лоузанг-гецюлю. С него перевод под литерою К.»

Л. 29 об. «К 115. Лоузанг-гецюлю вручаю. Через присылку от вас в подарок платка с ягодами, известился о вашем здравии и тому зело порадовался. А я служебною верою моею Гурбан-Эрдени от неприятельских рук свободился без вреда и прибыл ко двору е. в-ства Ман-Джуршинова хана, и от него получил неизреченную милость и жалованье, и учинился на престоле восточного кийта ламою и хранителем прав, и обретаюсь во здравии. Во знак моего желания вам здравия, в подарок за дальним путем иног к вам не посылаю, кроме одного пояса. А о прочем о всем словесно об'явит вам нашего бейле⁴¹ посол Зойрек».

⁴¹ На полях: „Чин третьего, или четвертого класса при китайск м дворе“.

АКА, д. 1734 года, № 68, л. 74: „Е. с-ству, великому государю Дордже, Шарап-Данджино письмо вручено. По милости и благословению Дядю-Гурбан-Эрдения ⁴², вы, великий государь, и дети ваши, и знатные, и поданные все здравствуете ль? А я, почитанием Гурбан-Эрдении и вашего хранителя, в Пекин прибыл благополучно. И когда поздравлял я святого Веселого ⁴³, и тогда известился, что имя ваше и прежде было знатно, а и ныне, когда от нас услышали, то повели для приготовления пути одного товарища возвратить. И я потому, посоветовавши с братом, Цой-Телея и возвратил. Обоих господей ⁴⁴ величество здравствует. Также Тебеты ⁴⁵, и китайцы, и мунгалы все в благополучии состоят. А всякие ведомости, и как ехали, Дазангов посланец и Цой-Телей донесут. Когда Намки-гелень ⁴⁶ Черендондука уничтожал и на ханство Галдан-Данжина достойна представляя, и я тогда имел с ним спор, а потом отчасти с ним и согласился. А что же касается до приготовления степного пути, и за то Веселый хан нас пожаловал и отправил, о чем о всем Цой-Телей изустно донесет».

⁴² На полях пояснение переводчика: „Вышняя святая троица, то есть: 1--бурханы, 2--книги, 3--духовные служители“.

⁴³ На полях: „Тако именуют богдохана.“

⁴⁴ На полях: „Далай-лама и Богдо-лама.“

⁴⁵ На полях: „Народ Тангуцкой.“

⁴⁶ На полях: „Посланец Дармы-Валы.“

Манджуро-китайское посольство у калмыков в 1731 году.

1

20 февраля 1730 года Намки-гелень, глава калмыцкого посольства 1729 года, входил с представлением в Тобольскую губернскую канцелярию о том, чтобы сибирские власти направляли в улусы калмыцкого наместника Церен-Дондука на Волгу калмыков, выбегающих из Джунгарии ¹.

Подобного же рода предложение было сделано русскому правительству пекинским посольством, приехавшим в Москву в 1731 году: «Как их (манджуро-китайские) войска будут наступать на зенгорский народ, а из того народа которые улусы будут уходить в Россию, тех принимать, но из них выдавать им, китайцам, владельцев и зайсангов; которые же в Россию примутся, тех содержать в страхе и в крепком месте, дабы оные на границах никаких противностей чинить не могли». По этому предложению сенат 1 марта того же 1731 года высказался в том смысле, что на счет «перебежчиков быть может учинено дружески соглашение» у русского правительства с правительством богдыхана ². Мы увидим, что такое же, но несколько более уточненное предложение пекинское посольство делало и Церен-Дондуку, когда было в калмыцких улусах. Указывая на возможность побега людей из Джунгарии к границам заволжских калмыцких кочевий, посольство обращало внимание калмыков на необходимость оказывать помощь этим выходцам и принимать их к себе.

Между представлением Намки-геленя в Тобольске и предложениями пекинских послов в Москве и в калмыцких улусах общее заключается в том, что в числе выходцев из Джунгарии могли быть те приволжские калмыки Санджипова улуса, которых насильственно удержал у себя Цеван-Габтан в 1701

¹ См. выше, стр. 80.

² *Бантыш-Каменский*, цит. изд., стр. 180.

году ³. Им естественно было стремиться обратно на родину, и случай военных операций давал известное удобство для побега из Джунгарии. Но все же между представлением Намки-геленя и предложением пекинцев нет внешней связи, так как Намки-гелень, находясь в Тобольске, не мог договориться по этому вопросу с манджуро-китайцами, которые в то время проживали на русско-китайской границе в ожидании пропуска на дальнейшее следование в Россию сибирским путем ⁴. Глава калмыцкого посольства действовал, имея пред глазами примеры бегства калмыков из-под власти джунгарского хун-тайджи, особенно участвовавшие после смерти Цеван-Рабтана в 1727 году. О некоторых, но, конечно, далеко не о всех случаях сообщают наши документы. Так, в 1731 году из Тобольска был направлен в калмыцкую степь с четырьмя калмыками, возвращавшимися из Пекина, некий Битюскун ⁵. С тою же партией пытался пробраться в родные улусы Черень-Джап, содержащийся почему то в Енисейской тюрьме «в железзах» ⁶. Несколько раньше того, в 1730 году сибирской администрацией была отправлена на Волгу довольно значительная группа калмыков, бежавших из Джунгарии в 1729 году. В Казани, без всяких законных оснований, ее задержал губернатор А. П. Волынский и, вместо распоряжения о препровождении калмыков к Церен-Дондуку, причислил их к своей дворне, а затем отправил с обозом в Москву, где подарил генералу А. И. Шаховскому, а от него передал графу Левенвольду. Однако, калмыкам удалось найти дорогу в коллегию ин. дел и заявить там жалобу на Волынского, которая имела успех, так что, в конце концов, их отпустили в улусы ⁷.

Делая в 1731 году предложение русскому правительству принимать вообще беглецов из Джунгарии и предлагая Церен-Дондуку принимать оттуда калмыков, пекинцы, без сомнения, рассчитывали на то, что народная масса, недовольная новым

³ См. выше, стр. 13.

⁴ См. выше, стр. 82.

⁵ АКА, д. 1733 года, № 57, л. 45 и об.

⁶ Там же, лл. 29 об.—30. об.

⁷ АКА, д. 1731 года, № 4', л. 113.

правителем, хлынет из Джунгарии вслед за калмыками на Волгу. Там, на Волге, находился брат правителя Джунгарии, Галдан-Череня, Лоузанг-Шуну, любимый народом и сам мечтавший получить власть в своей стране. Пекину казалось удобным использовать спального джунгарца для низвержения Галдан-Череня, для чего необходимо было окружить Лоузанга-Шуну приверженцами из среды джунгарских беглецов. О том, что опальный джунгарец пользовался любовью и расположением населения Джунгарии, манджуро-китайцы имели точные сведения и не сомневались, что, при попытке отнять власть от брата, Лоузанг-Шуну найдет поддержку у населения страны. Заслуживает внимание письмо к калмыцкому посольству названного Черень-Джапа, сидевшего в Енисейске „в железах“. Свидетельствуя, что „хун-тайшин народ находится в самом худом состоянии“, он убедительно просил калмыков испрошать ему освобождение от тюрьмы, где он находится, «яко во адской пропасти» и оказать содействие к отправке в калмыцкие улусы. Черень-Джап мотивировал свою просьбу тем, что ему необходимо предупредить Лоузанга-Шуну об угрожающей ему опасности: „за ним отправлены в погоню“ Галдан-Черенем⁸ джунгарцы. Лоузанг-Шуну, живя среди приволжских калмыков, мог считать себя в положении полной безопасности, так как находился вне пределов досягаемости для джунгарцев. В Джунгарии должны были знать об этом и понимать это. Таким образом, стремление увидеться с сыном джунгарского хун-тайджи указывает на желание Черень-Джала передать Лоузангу-Шуну нечто более важное, чем известие о погоне, потерявшее значение в данный момент. Как видно, Галдан-Черень серьезно опасался выступления брата.

К мысли о намерении Пекина воспользоваться услугами Лоузанга-Шуну в борьбе с Джунгарией приходил и В. М. Бакунин, сопровождавший пекинское посольство к калмыкам в 1731 году. Он обращал внимание на то, что манджуро-китайцы торопятся попасть в калмыцкие улусы „к первой траве“ и интересуются сведениями, может ли хун-тайджи посылать военные отряды против калмыков, и калмыки—против него, и не разделяет ли калмыков от джунгарцев еще какой-нибудь народ, способный мешать военным операциям. Таким образом,

⁸ АКА, д. 1733 года, № 57, л. 30 и об.

задавался вопросом Бакунин в письме из Саратова к астраханскому губернатору И. П. Измайлову от 6 апреля того же 1731 года,—если джунгарский народ „склонен“ к Лоузангу-Шуну, то «китайцы не имеют ли намерения учинить в том народе ребелю», при посредстве сына умершего хун-тайджи?⁹ И В. П. Беклемишев, являвшийся официальным представителем русской власти при приеме пекинского посольства калмыками, в результате своих наблюдений над отношениями манджуро китайцев к Лоузангу-Шуну, составил определенное убеждение, что намерение пекинской дипломатии было именно таково, каким представлял его Бакунин. Беклемишеву удалось узнать и за положительное, что манджуро-китайцы уговаривали Лоузанга-Шуну отдаться покровительству богдыхана и именем последнего гарантировали джунгарцу власть над страной, в случае удачи предприятия¹⁰.

Помимо привлечения Лоузанга-Шуну на сторону Китая, пекинской дипломатии хотелось втянуть в войну и калмыков. Уже самый прием ими беглецов из Джунгарии мог создавать повод к войне. Такой же повод могло создать и то обстоятельство, что во главе противной Галдан-Череню партии становился Лоузанг-Шуну, нашедший прием в калмыцкой степи и успешный завязать здесь прочные родственные связи с влиятельным владельцем Дондук-Омбо, посредством женитьбы на его дочери. Пекинское посольство имело задачей работать среди калмыков в определенном направлении,—нажимать все пружины, пользоваться всякими возможностями, изобретать всякие комбинации, лишь бы достигнуть торжества манджуро-китайских интересов в джунгарском вопросе. Оно так и действовало. Но, по неосведомленности в истинном положении вещей, оно не учло того, что калмыцкий народ состоял в русском подданстве и находился под зорким наблюдением местных русских властей,—что то же подданство принял Лоузанг-Шуну, и что, наконец, калмыцкую степь отделяли от Джунгарии кочевья киргиз-кайсаков и каракалпаков, препятствовавших свободному доступу джунгарцев к калмыкам и, обратно, калмыков к джунгарцам.

⁹ АКА, д. 1731 года, № 39, л. 205 и об.

¹⁰ *Бантыш-Каменский*, цит. изд., стр. 185.

Известие о предстоящем приезде пекинского посольства в калмыцкую степь было получено здесь в начале 1731 года. Его привезли сюда калмыки, ездившие в 1730 году в Москву в качестве депутатов от калмыцкого народа для поздравления Анны Ивановны с восшествием на престол¹¹. 24 февраля 1731 года Беклемишев получил от наместника Церен-Дондука запрос: „От китаецкого хана, слышно нам, что послы едут. И буде вправду едут, то у нас весною коровы от телят, а овцы от ягнят нужны бывают,—в то число нам невозможно с ними видеться“. Поэтому наместник просит задержать приезд послов до той поры, пока калмыцкий скот не придет в исправное состояние. „А как мы исправимся“,—пишет он,—„о том ведомость подадим, и в то число, пожалуй, пропущай“¹². Беклемишев распорядился ответить наместнику, что о китайских посланцах никаких известий нет¹³. В марте—апреле уверенность калмыков в предстоящем и, при том, скором приезде к ним посольства укрепилась, поэтому 24 апреля Церен Дондук опять присылает письмо Беклемишеву и просит отсрочить свидание с посольством по той же причине, на которую он указывал раньше: „С Аму-Гууланг-хановыми посланцами нам ныне видеться невозможно, понеже у нас как люди, так и скот еще не исправны, и кобыл мы еще не доили, и оных неисправностей у нас много, понеже,—первое,—что в. г-ни им цы имя, второе—и нам во оной нашей неисправности с теми, великого хана посланцами и видеться невозможно; и для того тех посланцов извольте у себя удержать, а там, когда нам видеться время будет, я к вам пришлю человека“¹⁴.

Наместник оттягивал время свидания с послами богдыхана по своим причинам,—ему не хотелось показать калмыков и их скот в изнуренном состоянии после зимы. Совсем по другим причинам оттягивал это свидание губернатор И. П. Измайлов. Дело в том, что правительство, решив возвести Церен-Дондука

¹¹ АКА, д. 1731 года, № 39, л. 198 об.

¹² АКА, д. 1731 года, № 38, л. 33.

¹³ Там же, л. 33 об.

¹⁴ Там же, л. 79.

в ханское звание, которым надеялось не только поднять авторитет калмыцкого правителя среди владельцев, но и обязать его к полной верности, распорядилось пропустить китайское посольство в степь не раньше окончания всех церемоний возведения. На торжество должен был выехать из Астрахани в степь губернатор Измайлов, но, по старости и болезненности, он не отваживался пускаться в трудный путь в холодное время и ожидал наступления тепла. Между тем, пекинские послы, имея свои основания скорее попасть в калмыцкие улусы, торопились с поездкой туда своего «дорожного пристава» В. М. Бакунина, и на долю последнего выпала нелегкая задача—убеждать послов не торопиться с тем, а вместе—изобретать разные способы развлечения их в скуке, которая ими овладела в томительном ожидании отъезда в степь. П.слам, действительно, долго пришлось ждать свидания с калмыками,—в Саратове их продержали с конца марта до конца мая, да до Саратова от Москвы они ехали, не спеша, почти 20 дней.

3

Из Китая выехало в Россию собственно два посольства: одно направлялось в Москву, к русскому двору, другое—к калмыцкому хану. Этого последнего в Пекине представляли правителем народа, независимого от России. В состав отправленного к калмыкам посольства входили китайцы: мерин-зангин Мандай и мерин-зангин Асхай, при которых было 13 служителей, при первом—8, при втором—5, и двое мунгалов: тайши Гунбу-Чуван с 4 служителями и мерин-зангин Горюзял с 3 служителями. Четыре сановника имели при себе не малую свиту—в общем в 20 человек, что, по-азиатски, указывало как на важность посольства, так и на значительность его цели.

В Москве посольство было принято к двору и должно было открыть правительству подлинную цель своего приезда к калмыкам. Оно объявило, что едет для поздравления Церен-Дондука с вступлением в управление калмыцким народом по смерти хана Аюки, состоявшего в дружественных отношениях с богдыханом, и для приглашения калмыков к войне с Джунгарией. Оно везет к Церен-Дондуку „лист“ от богдыхана и подарки и будет делать Церен-Дондуку „словесное предложение“ относительно

участия калмыков в войне Китая с Джунгарией. Объяснения манджуро-китайцев совпадали с подобными же сведениями, которые доставлены были в коллегию ин. дел чиновником Глазуновым, сопровождавшим посольство от китайской границы и успевшим разузнать о цели приезда манджуро-китайцев путем „дружеских“ разговоров с некоторыми из них по дороге в Москву. В столице ознакомились с текстом „листа“, вникли в сущность „словесного предложения“ и не нашли причин не допускать посольство к Церен Дондуку, но с тем вместе приняли меры к тому, чтобы свести все результаты переговоров к нулю. В ответ на „лист“ богдыхана и на его „словесное предложение“, в коллегии ин. дел выработали определенные „формуляры“, по которым должен был говорить и писать Церен-Дондук. Прием им посольства должен был происходить в присутствии управлявшего калмыцкими делами, саратовского воеводы В. П. Беклемишева и переводчиков. В дорогу, в качестве „дорожного пристава“, к манджуро-китайцам назначался секретарь коллегии ин. дел В. М. Бакунин, отлично владевший калмыцким языком и вполне осведомленный в калмыцких делах. Ему приказано было, между прочим, воспользоваться удобным случаем научиться монгольскому языку, так как членам посольства был известен этот язык, а в компании с посольством Бакунину предстояло долго быть, так как он должен был проводить его, после свидания с калмыками, до сибирской границы¹⁵. В конвой были наряжены тобольский комиссар Лука Выходцев, два селенгинских толмача монгольского языка Ив. Рязанов и Ив. Фролов, каптенармус Вятского полка Терентий Чудинов с шестью солдатами того же полка и с шестью сибирскими гарнизонными солдатами,—всего 16 человек.

В делах АКА нет сведений, какая денежная сумма была ассигнована на поездку в калмыцкую степь посольства и конвоя, а также на дорогу отсюда к сибирской границе. Имеется лишь «Реэстр, что чего дается китайцам и мунгальским офицерам корму натурою на неделю», из которого видно, что содержание посольства обходилось в 24 р. 50 к. в неделю, при чем в эту сумму не входили расходы по покупке ветчины,

¹⁵ *Баттши-Каменский*, цит. изд., стр. 182-183.

водки, вина, уксусу и всего прочего, что требовалось к по-
сольскому столу¹⁶.

4

Из Москвы Пекинское посольство выехало в калмыцкую степь 8 марта 1731 года. Его путь лежал на Муром, Арзамас, Пензу, Петровск и Саратов. В Путевом журнале Бакунина имеются не безынтересные подробности о путешествии посольства. По выезде из Москвы, Бакунин принял меры к проезду посольства до Мурома «без замедления. «Это вызывалось опасением, как объясняет Бакунин, „чтоб в пути не съехало нас посольство ж китайское, присланное ко двору ее и. в-ства“, направлявшееся в Тобольск и далее к китайской границе. Очевидно, встреча вне Москвы посольств, одновременно выехавших из столицы, но разными, хотя и смежными дорогами, и возможные при этом переговоры не входили в интересы правительства, и Бакунин постарался предотвратить встречу. От Мурома пути на Тобольск и Саратов расходились, встречи посольств не могло произойти, поэтому до Арзамаса Бакунин уже «не спешил» ездой, а в Арзамасе даже гапел возможным несколько задержаться „под приличным претекстом», например, необходимости написать и послать письмо к В. П. Беклемишеву в Царицын. Письмо к управлявшему калмыцкими делами, содержавшее изъяснение «силы» данной Бакунину из коллегии ин. дел инструкции о проводе послов до калмыцких улусов, было послано Бакуниным из Арзамаса 15 марта¹⁷. От Арзамаса Бакунин поехал с посольством уже

¹⁶ В частности, первому послу *Мандаю* с его 8 служителями полагалось: кур русских живых сытых—21, на 1 р. 47 коп.; свежей говядины—14 пудов, на 5 р. 60 коп.; пшена сорочинского—полпуда, на 80 коп.; муки пшеничной хорошей сеянной—два пуда, на 50 коп.; круп просеяных хороших—пуд, на 20 коп.; масла коровьего хорошего—10 фунтов, на 30 коп.; соли белой толченой—16 фун., на 8 коп.; свечей сальных—56, на 28 коп.; всего на 9 р. 23 коп. Второму послу *Аскаю* с 5 служителями: кур русских живых сытых—21, на 1 руб. 47 коп.; свежей говядины—10 пудов 20 фун., на 4 р. 20 коп.; пшена сорочинского—полпуда, на 80 коп.; муки пшеничной хорошей сеянной—два пуда, на 50 коп.; круп просеяных хороших—пуд, на 20 коп.; масла коровьего хорошего 7 фун., на 21 коп.; соли белой толченой—10 фун. на 5 коп.; свечей сальных 28, на 14 коп.; всего на 7 руб. 57 к. Третьему послу *Гунбу-Чуаеву* с 4 служителями. говядины свежей 8 пудов на 2 рубля 40 коп.; пшена сорочинского—15 фунтов, на 60 коп.; муки пшеничной хорошей сеянной—1 пуд 20 фунтов, на 37½ коп.; круп просеяных хороших—30 фунтов, на 15 коп.; масла коровьего хорошего—5 фунтов, на 15 коп.; соли белой толченой—7 фунтов, на 3½ коп.; свечей сальных—28, на 14 коп.; всего на 3 р. 85 коп., Четвертому послу *Горюзяну* с 3 служителями полагалось то же самое и по той же цене, как и третьему послу. Там же, л. 206 и об.

¹⁷ Там же, л. 168.

совсем «медленно», так как поспешность была здесь не нужна и даже могла быть вредна для дела. При встречах с воеводами городов, чрез которые надо было проезжать, послы не без самодовольства и гордости рассказывали, в какой «великой милости» они находились у императрицы в бытность в Москве и свидетельствовали, что «как в корму, так и в прочем удовольствованы, и показаны им разные потехи». Бакунин умело поддерживал приподнятое настроение послов, комментируя «милости», оказанные им императрицей, как знак особого расположения императрицы к богдыхану и внимания ее лично к ним. Не без старания этого ловкого чиновника устраивались по городам и почетные приемы посольству, об одном из которых, именно — в Пензе, Бакунин пишет подробно¹⁸.

В Пензу приехали 21 марта. Здесь была остановка. Послов разместили по квартирам, которыми они оказались «зело довольны». «А на дворе у мерин зангина Мандая», — докладывает Бакунин коллегии, — «были на карауле ефрейтур и шесть человек драгун лейб-регимента, о которых я им об'явил, что они яко бы пензенского гварнизона». По соображениям Бакунина, надо было показать китайцам бравых солдат, которые будто бы имеются не в одной столице, но даже и в глухой провинции, и он выдал за гарнизонных служак несколько гвардейцев, случайно попавших в Пензу «И те караульные», — продолжает наш хитрец, — «при в'езде оного Мандая на двор, отдали ему честь поднятием ружья на караул», как делается при встрече больших военных начальников. Конечно, такая честь должна была польстить послу. Бакунин посоветовал пензенскому воеводе Оболдуеву нанести визит посольству. Оболдуев явился к главе посольства, окруженный не малой помпой. Его сопровождал товарищ по воеводству Ив. Лебедев, а свиту воеводы составляли офицеры. Последние принадлежали к разным командам и тоже случайно оказались в Пензе, приехав сюда по разным делам. Их собрали и выдали за офицеров пензенского гарнизона. Окруженный офицерством, Оболдуев, воевода незначительного городка, каким в то время была Пенза, предстал взорам китайцев как военачальник высокого ранга. «И когда вышеозначенный Ман-

¹⁸ В „Выписке из журнала“; там же, лл. 230—234.

дай с товарищи приняли полковника приятно, то, по компли-ментах, одной сел подле Мандай, а по другую сторону ево сел я»,—рассказывает Бакунин. Соблюдая субординацию, спутники Оболдуева сначала стояли. Кто они такие?—осведомился Мандай. Оболдуев «ему отвечивал о Лебедеве, что оный по воеводству его товарищ, а о прочих сказал, что те—офицеры пензенского гварнизона». Мандай, убедившись, что свиту Оболдуева составляют не простые, а чиновные люди, «просил полковника, чтоб им всем приказал сесть. И тако оные на стульях сели». Посол предложил гостям чай, за которым «партикулярно разговаривал» с Оболдуевым, превознося милости государыни, оказанные посольству в Москве, и хвалясь довольствованием посольства в пути, о чем,—прибавил посол, он «повиновен донести богдыхану». После чая, откланиваясь, Оболдуев пригласил посольство к себе. Послы «охотно» согласились посетить дом воеводы. «И когда полковник пошел из их покоя вон»,—замечает Бакунин,—«и тогда Мандай с товарищи провозжали ево до нижнего рундука»¹⁹.

5

Хотя посещение Оболдуева посольством и не имело официального характера, но было делом совершенно «приватным», так что, казалось, нечего было послам особенно «чиниться», однако, они не торопились ехать к воеводе и соблаговолили явиться к нему лишь «поздно в вечеру». Тем временем Бакунин имел любопытный разговор с Мандаем, показывающий, какое представление имелось в Пекине о приволжских калмыках и их культурном состоянии.

После отъезда Оболдуева, Бакунин остался в квартире послов. Мандай, под впечатлением визита пензенского воеводы, очевидно, польстившего посольскому самолюбию, стал говорить Бакунину «приватно», но все же «при товарищах своих», «что ныне видят они российской двор, и всю российскую империю, и честные ее и светлые обхождения»; между тем, раньше они слышали о России совсем другое, да и им «ежели б кто о России сказывал» то, чему они явились очевидцами, «тому б

¹⁹ Там же, л. 230 и об.

они не верили», как не будут верить и им, послам, когда они у себя на родине станут рассказывать о русской стороне. Поддавленная послу, Бакунин перевел разговор на калмыков. Отметив, что «милости», какие видели послы в Москве, получены ими по сравнению с прочими иноземными послами «экстремально», Бакунин пояснил, что это явилось следствием стремления императрицы показать богдыхану «свою склонность», так как она желает иметь с ним «постоянную дружбу», — калмыки тут не при чем. Послы, в бытность их в Москве, имели возможность сами убедиться, что в числе подданных России состоят и грузинский царь, и украинский («черкасский») гетман ²⁰, которых послы видели в Москве. Тот и другой более почетны и более сильны, чем подданный же России калмыцкий хак, так что если послам оказано высокое внимание в Москве, то только ради богдыхана. К словам Бакунина о подданстве грузинского царя необходимо сделать пояснение. Со стороны Бакунина, это был любопытный «трюк». Грузия при Анне Ивановне в русском подданстве еще не состояла, но, действительно, в Москве проживал грузинский царь Вахтанг Леонович, лишенный власти и изгнанный из Грузии в 1723 году. Конечно, никакой силы он не имел и рад был уже одному тому, что нашел приют в России ²¹. Этому то царя без короны Бакунин и представил сильным и могущественным подданным России в полной уверенности, что послы не сумеют разобрать, в чем дело...

Мандай ответил Бакунину, что для него самого теперь все ясно, и «впредь к подданному ее и в-ства калмыцкому народу ни о каких делах из их китайского государства посольств отправлять не надлежит». Если был богдыхан был, как следует, осведомлен в политическом положении калмыков, «то б их (послов) к ним (калмыкам) и не посылал», — богдыхан отправил посольство к калмыкам потому, что «наперед сего, когда умершего Аюки хана послы были у них в Пекине, и тогда де оные российскими подданными себя не признавали, а говорили о себе, что они с Россиею живут в миру», т. е. состоят в мирном договоре с Россиею. — Не ясно, на какое имен-

²⁰ Разумеется гетман Апостол, правивший Украиной с 1727 по 1734 год.

²¹ А могилу нашел в Астрахани, где умер 26 марта 1763 года (родился 15 сентября 1675 года).

но посольство Аюки к богдыхану указывает Мандай: на посольство ли 1699 года с Эрке-гецюлем во главе, погибшим на обратном пути из Пекина в калмыцкую степь, или на другое — от 1710 года с Самтанем во главе, которое благополучно возвратилось в улусы ²². Но какое бы посольство ни разумелось в данном случае, отрицание подданства калмыков России не вяжется с представлением даже азиатских народов, которые относили переход калмыков в русское подданство к временам Аюки, точнее — к тому моменту, когда в 1670 году пал ойратский союз, и калмыки оставили мысль о возвращении на родину ²³.

Продолжая начатую речь, Мандай говорил, что, по его представлению, калмыцкий народ культурно и политически, должно быть, столь же дик («зверствует»), что и джунгарцы («хон тайшин» народ). «Лошадь хотя и действительно на себе человека возит, точно ево за господина своего мало признавает», пояснил свою мысль Мандай пословицей, желая провести параллель между джунгарцами и калмыками: как первые не хотят признавать свое подданство Китаю, так и вторые — России.

С целью получить информацию по части ступени культурного состояния калмыков, Мандай спросил Бакунина, каково «обхождение» у калмыков, и имеются ли у них «ранги или классы», наличием которых и численностью азиаты, как известно, измеряют народную культурность. Тема для Бакунина была самая благодарная. Проживши шесть лет (1719 — 1725 гг.) среди калмыков в качестве переводчика при губернаторе А. П. Волынском и имев несколько случаев неприятных столкновений с калмыками, Бакунин не очень жаловал их. Поэтому в ответе на вопрос Мандая о культурности калмыков он постарался сгустить краски. «Обхождение» у калмыков, — говорил он, — «во всем подобно зверскому, а не человеческому»; в этом и сами послы будут иметь возможность непосредственно убедиться, когда приедут к калмыкам. А что касается до «рангов», то калмыки едва ли даже знают, что на свете существуют ранги, — такой это непросвещенный и дикий народ.

²² См. выше, стр. 14.

²³ М. Новолетов, цит. изд., стр. 5 и примеч. 4 на той же странице, с ссылкой на имевшуюся у автора в переводе рукопись „китайского историка“.

Бакунин говорил, как будто забыв, что у калмыков была своя иерархия: хан, тайши, нойоны зайсанги и пр.; поясняя слова о зверском нраве калмыков, Бакунин привел пример: «Редкой из них ест и свежее мясо, а наиболее едят мертвечину; такие едуты когда получают довольно мяса, то чрез силу нудятся есть, жалея оставить». Сообщение об обжорстве калмыков оказалось не новостью для Мандай. Он, конечно, читал записки Тулишена о пребывании китайско-маньчжурского посольства у калмыков в 1714 году, где рассказывается и об этом²⁴. Припоминая теперь рассказ Тулишена, Мандай намекнул, что он все же не считает обжорство калмыков заурядным каким-нибудь явлением у калмыков, а смотрит на это только как на „куръез“. «В прошлых годах»,—говорил Мандай,—«при бывшем их у Аюки хана посольстве, при присутствии оного хана подданный его один калмык съел печеные два барана, что оный хан Аюка показывал их посольству за курьез“. Впрочем, к удовольствию собеседника, Мандай тут же прибавил: «Посылка их (послов) в тот калмыцкий народ—беспутная, и знатно — и ныне им тамо кроме того, что как оные много едят, видеть будет нечего; и ежели б их богдыхан ведал, что они (калмыки)—действительные российской империи подданные, то б их, послов, туда и посылать не для чего» было.

Тут Бакунин, видя «удобность времени», стал расписывать культурность и могущество России. Он знал, что его слова прочно залагут в памяти Мандай. Выказав сожаление, что послы посетили Москву в зимнее время и не долго жили в столице, Бакунин принялся расхваливать «белокаменную»: „Ежели б они тамо были побольше и—в летнее время, то б видели местоположение веселое и растворение воздуха; также, ежели б было время, посмотрели российских фабрик“ а особливо увидели б российскую армию, каким чином она стоит в лагерях. На слова Бакунина Мандай не замедлил расточить множество комплиментов по адресу русского правительства, русской армии и вообще начальства, заключив свою речь сожалением, что в Китае ходят превратные слухи о России,—послы и сами должны сознаться, что «они прежде как о России слышали, ныне видят все не то».

К полковнику Оболдуеву послы отправились с ответным визитом, — как сказано, — «поздно в вечеру». Они поехали, раз-

²⁴ См. выше стр. 31.

местившись в коляске и санях. На «рундуче» воеводских „хором“ их встретили офицеры, а в сенях принял сам воевода, — «и вошед в светлицу, сели за столом». Стол был убран, по замечанию Бакунина, „не гнустными конфектами“. Каждый занял за столом свое место, по чину. Офицеры, соблюдая субординацию, как и в первый раз, сначала стояли, но затем, «по прошению Мандуеву», уселись на стульях. Оболдуев предложил чай и кофе послам и «имел с ними дружеские разговоры». После угощения, «напоследок, стоя, выпили по чарке водки за здоровье двух монархов—российского и китайского». При уходе послов, Оболдуев, оказывая особенную честь Мандаю, проводил его до коляски. Когда посольство возвратилось в свою квартиру, Бакунин имел возможность убедиться, по настроению Мандая, что тот «полковничьим угощением являлся zelo доволен» ²⁵.

6

Под 24 марта в Путевом журнале у Бакунина записан разговор, какой он имел с мунгалским мерин-зангином Горюзяпом по проезде г. Петровска во время остановки в с. Озерском Умете. «Между дружеских разговоров» Горюзяп спросил Бакунина, правда ли, будто в Москву скоро приедет турецкий посол для об'явления войны России, и если это правда, то по какой причине возникает война у России с Турцией? Бакунин ответил, что действительно турецкий посол едет в Москву, но не для об'явления войны, — он послан с известием к русскому правительству о смерти турецкого султана и о вступлении на престол нового султана. Да Турция и не страшна России: „турецкие войски не регулярные и отчасти своевольны, и тако никакой нужды (в походах) терпеть не могут“, между тем «нашим войскам, хотя б какая была и великая нужда оную свободно терпеть могут». Указав на выносливость русских солдат в походах, Бакунин отметил вообще свойственную русским воинственность которую они особенно любят направлять на турок. „Солдатство наше“, — говорил он, — „отчасти к войне имеет и охоту, а особливо—ведая турецкую слабость“. Тут он, — как сам сознался пред коллегией ин. дел, — несколько приврал насчет того, „будто всякой солдат

²⁵ Там же, лл. 231—233.

для собственного своего интереса желает с турками войны», в расчете на обогащение добычей.

Из какого источника исходил слух о предстоящей войне у России с Турцией, не совсем ясно. Горюзяп сослался на то, что яко бы «в бытность его в Москве (он это) слышал», но от кого слышал, «того не сказал». Возможно, что слух был сфабрикован самим Горюзяпом, в целях выведать у Бакунина, как вообще русские относятся к войне, т. е. боятся ли ее, или всегда готовы смело встретить. В «дружеских» разговорах с Бакуниным Горюзяп хотел нащупать материал для представления о военной мощи России, чем очень интересовался Китай. Выгодный для России торговый договор с Китаем, заключенный после долгих споров относительно государственных границ, русским посланником Владислави-чем (Рагузинским) на р. Буре 20 августа 1722 года, обязан, больше всего тому, что китайское правительство приняло в расчет указания посланника на счастливое окончание Россией трех бывших пред тем войн—с Швецией, Турцией и Персией и готовность ее вступить в новую войну—с Китаем, если бы оказалась серьезная надобность в том ²⁷. Учитывая интерес Китая к отношениям России к Турции, коллегия ин. дел прислала Бакунину копию с грамоты турецкого султана Магомета, извещавшую о восшествии его на престол в сентябре 1730, а по турецкому счету 1143 года, которую советник коллегии П. Курбатов, в письме к Бакунину, рекомендовал показать пекинским послам и даже дозволить им сделать для себя список с нее ²⁸.

7

26 марта пекинское посольство прибыло в Саратов. Бакунин «как китайцев, так и мунгальских офицеров поставил на добрые квартиры» ²⁹. Главный посол Мандай поместился

²⁶ Там же, л. 233 об.

²⁷ С. М. Соловьев—, «История России с древнейших времен», цит. изд., кн. 4, т. 19, стлб. 1135—1140.

²⁸ „Буде пожелают, пускай себе и спишут“, говорил Курбатов в письме к Бакунину. Цит. дело, л. 198. Текст грамоты—там же.

²⁹ Там же, л. 205.

в доме крестьянина В. Назарова ³⁰. Оказавшись теперь вблизи цели путешествия, послы стали торопить Бакунина скорейшей отправкой их в калмыцкую степь, — они не могли предвидеть, что им придется долго ждать этого. Бакунин вступал в самую трудную полосу своей миссии, — ему предстояла задача задерживать послов в Саратове до той поры, пока не состоится об'явление Церен-Дондука ханом. На эту церемонию губернатор Измайлов прибыл в Царицын только 21 марта. На дворе стояла оттепель, и было «великое распушие», — как раз на руку Бакунину, так как он мог сослаться на это и сказать послам, что при наступившем бездорожьи ехать в степь сухим путем невозможно. Когда послы стали просить Бакунина озаботиться приготовлением речных судов, на которых они могли бы спуститься по Волге до Царицына, а оттуда ехать в улусы на лошадях, Бакунин ответил, что ехать на лошадях составит для послов „не малый труд“, тем более, что к Церен-Дондуку уже послано распоряжение о прикочевке ближе к Волге. При том, — говорил Бакунин, — послов должен сопровождать в улусы В. П. Беклемишев, а он сейчас занят делами, когда же окончат дела, и улусы соберутся в одно место, тогда для послов откроется возможность отправиться с Беклемишевым в тот или другой город по близости к калмыцким кочевьям. Послы не могли не согласиться с резонностью доводов своего «пристава» и на время успокоились.

Между тем, к Бакунину пришел ответ от Измайлова на запрос, скоро ли закончится комиссия по возведению Церен-Дондука в ханы, и когда можно будет допустить посольство до свидания с ним. 1 апреля, на другой день по получении запроса, Измайлов ответил Бакунину, что «оной комиссии и начала не имеется, не токмо окончания»; сотник М. Везелев, посланный Измайловым к Церен-Дондуку с приглашением прикочевать ближе к Царицыну, еще не возвращался обратно³¹. Измайлов дает понять, что Бакунин не должен пугать надежды на возможность скорой отправки посольства в улусы. В предыдущем письме, доводя до сведения Бакунина о своем приезде в Царицын 21 марта, Измайлов

³⁰ Там же л. 194 об.

³¹ Там же, л. 167 об.

сообщает, что Беклемишев и другие лица говорят ему о невозможности для Церен-Дондука прикочевки к городу из-за разлива Волги и вследствие бескормицы, почему губернатор и наказывает посольскому приставу всеми мерами задерживать послов в Саратове, потому что если они приедут в Царицын, то «не без замешательства и остановки в комиссии» его будет?

Лед на Волге прошел. По реке поплыли купеческие суда, и послы снова предъявили к Бакунину требование ехать в Царицын. Они указывали, что «им инструкция для предложенного им дела гг. российским министром повелевает и ранее было сего времени быть в калмыцких улусех, а ныне хотя б им туда доехать уже к первой траве». Опять Бакунину пришлось отговаривать послов от спешной поездки и представлять разные «резоны» к тому.

Бакунин заметил, что послов очень интересуют отношения между джунгарским народом и калмыками. Несколько раз послы задавали ему вопросы: «Можно ли хон-тайше на наших калмык, и нашим калмыком на него небольшие свои партии посылать, и между ими не разделил ли какой народ»? Делая вид, что он понимает вопросы послов в смысле их беспокойства за судьбу калмыков в случае нападения джунгарцев, Бакунин, успокаивая послов, доказывал, что калмыки—неуязвимы: на Яике стоят русские казаки, за калмыцкими кочевьями находится подданный России башкирский народ и, кроме того, между джунгарцами с одной стороны и башкирцами и яицкими казаками с другой—кочуют киргиз-кайсаки и каракалпаки; поэтому, «за тем разделением», непосредствен. соприкосновений между джунгарцами и калмыками быть не может³².

S

Измайлова тревожила возможность преждевременного приезда пекинских послов в Царицын, а Бакунин опасался даже того, чтобы не прорис в степь слух о приезде посольства. Он считал, что и от этого может произойти замешательство в комиссии Измайлова. 11 апреля он пишет предложение капитану И. И. Окулову, исправлявшему в Саратове воеводскую

³² Там же, л. 234 и об.

должность за отъездом Беклемишева, не посылать ни по каким делам в Царицын калмыков, хотя бы то были и крещенные, и вообще не пропускать их из Саратова в улусы, потому что они могут довести до сведения Церен-Дондука о приезде посольства. „Как и вы от меня не безизвестны“, — пишет Бакунин, — „что когда по приезде сюда нашем в день рождения китайского главного мерен-зангина Мандая был у него публичной стол, и тогда в его квартиру вошли зайсанги Бату Менко и Абяк, которые и по мне хотели тамо ж остаться, однако я их оттуды выжил при себе“. Чтобы избавить себя от разного рода нареканий, Бакунин запрещает разглашать, от кого исходит распоряжение о невыезде калмыков из Саратова, причем предупреждает Окулова, что об этом распоряжении будет доведено до сведения коллегии ин. дел, и прибавляет: „А сие письмо мое извольте содержать в вышнем секрете, дабы о сем чрез кого китайцы не уведали“³³.

13 апреля Бакунин послал два письма, одно — к Беклемишеву, другое к Измайлову. Беклемишева он просит по окончании комиссии „без замедления приезжать в Дмитриевск, дабы в замедлении к нашей стороне не произошло какого предосуждения“. В письме к Измайлову Бакунин указывает на трудность своего положения в виду насгойчивого желания послов скорее ехать к Церен-Дондуку и, сообщая о способах, при помощи которых он удерживает послов в Саратове, просит губернатора не дожидаться возвращения Везелева из улусов, а ехать прямо в улусы и исполнять возложенное на него поручение. Бакунин пишет, что он всячески старался медлить и ездой из Москвы до Саратова, за что со стороны посольства было на него «не без нареkania», но уже «более того времени... промедлить не мог» он. От немедленной поездки из Саратова в улусы приходилось удерживать послов под разными предложениями. Теперь, напр., он ссылается на то, «что в здешнем городе достойных судов, какие им потребны, готовых нет, и для того будут их исправлять». Послы, однако, не удовлетворяются этим объяснением и обнаруживают готовность ехать даже на купеческих судах, «только б в них сделать каюты». Видя, что довод относительно неготовности судов, приличных высокому рангу

³³ Там же, лл. 171 об.—172.

послов, мало убедителен для них, Бакунин указывает на неподготовленность к приему посольства самого Церен-Дондука, — он стесняется принять послов в том жалком состоянии, в какое пришел за зиму калмыцкий народ с своим скотом, и даже нарочно просил Беклемишева отправить посольство в степь «не скоро», чтобы дать время справиться и людям, и скоту. Не преминул Бакунин заметить при этом, что напрасно послы рассчитывают встретить что-нибудь интересное для себя у калмыков. Церен-Дондук ничем особенным не может похвастаться, — ведь и тогда, когда первые их китайские послы были у Аюки, бывшего хана калмыцкого, и тогда «оной, хорошего ничего не имея, как наметы персидские, так и серебряную посуду, и прочее для такого случая брал из Астрахани от приятелей своих, тамошних дворян Керентовых и прочих», — к подобному же содействию знакомых людей придется обратиться и Церен-Дондуку, если он хочет принять именитых гостей в приличной обстановке. Я передавал об этом «за секрет» послам, — пишет Бакунин, — и знаю «что когда калмыцкие владельцы о том сведают, на меня злостись будут, однако я надежен, что в их улусы не буду». Что касается намерения послов ехать в Царицын, то Бакунин доказывал не целесообразность этой поездки в виду ожидаемой прикочевки Церен-Дондука к Дмитриевску и Саратову, минуя Царицын, и при том, для полной убедительности, «казал им ландкарту, како калмыком в настоящее время заезжать непопутно, а нам, ежели ехать в Царицын, то оттуда в калмыцкие улусы принуждены будем ехать возвратно». Согласившись с доводами своего «пристава», послы решили ехать вместо Царицына в Дмитриевск и ожидать там Беклемишева для совместного путешествия в улусы. Сам Бакунин, проводив послов до Дмитриевска, рассчитывал остаться там и, «под претекстом болезни или чего другого», не показываться в улусах, так как знал, что калмыки сильно озлоблены против него. Бакунин надеялся задержать послов в Саратове еще «ден десять», но, во всяком случае, — находил он, — Измайлову не следует дожидаться возвращения из степи Везелева, но надо теперь же ехать в улус Церен-Дондука и поскорее закончить комиссию. Послы спешат в калмыцкие улусы, — они хотят попасть туда «для не малого дела к первой траве». Стараясь воздействовать на Измайлова, Бакунин обращает внимание губернатора на то, что при ожи-

дании Церен-Дондука в Царицыне, «опасно того, дабы китайцы чрез кого тайно о комиссии своей не дали знать Церен-Дондуку, и ежели сие учинится, то оный, — как я уже их знаю, — может, и к вам не захватив, приехать в самую близость к посланным, и тако к нашей стороне может быть не без предосуждения»³⁴. Видно, Бакунину становилось совсем не вмоготу, — послы осаждали своего «пристава» требованиями скорее ехать к калмыкам. Но аргумент, выдвинутый Бакуниным в конце письма к Измайлову, именно, опасение за возможность приезда самих калмыков к посольству, не мог иметь силы в глазах губернатора. Без сомнения, Беклемишев поставил его в известность, что калмыки стесняются показаться послам в неисправном состоянии, и что сам Церен-Дондук убедительно продолжает просить об отсрочке свидания с посольством³⁵.

Не добившись отправки к калмыкам, послы стали просить у Бакунина разрешения послать письмо к Церен-Дондуку с известием о своем прибытии. Бакунин согласился на это. В доношении его в коллегии ин. дел от 22 апреля излагаются подробности его разговоров с послами о письме, и приводится текст самого письма. Бакунин докладывает, что „сими числами“ Измайлов и Беклемишев должны прибыть в Дмитриевск на комиссию, а он тем временем удерживает послов в Саратове и развлекает, „возя их с здешними охотники на поле за зайцы и по рыболовным станам, показуя им, каких родов имеются здесь рыбы, и как их ловят, понеже они любопытны, а особливо в скуке этому рады“. Дальше Бакунин рассказывает, что 17 апреля послы заявили ему о желании послать письмо к Церен-Дондуку. С своей стороны, Бакунин нашел, что это — кстати, так как приостановит послов от требований скорейшего отъезда в степь и тем облегчит его собственное положение, как дорожного пристава, делу же несколько не повредит. Пообещав послам отправить письмо по назначению, Бакунин потребовал от них копию письма, для ознакомления с его содержанием. Когда она была представлена, то оказалось, что в письме заключается нечто неудобное, именно — там было сказано, что послы едут к калмыкам по указу богдыхана, о чем

³⁴ Там же, лл. 168—170.

³⁵ Там же, лл. 180—181.

к Церен-Дондуку послано и письмо от белого царя. Бакунин должен был раз'яснить манджуро-китайцам, что к калмыцкому хану посылаются от царя не письма, а указы, так как он состоит в русском подданстве. Кроме того, самый указ, разрешающий Церен-Дондуку принять пекинских послов, еще им не получен. Указывая на все это, Бакунин потребовал исправления письма. Посланцы на это заявили, что возражения Бакунина предусматривались посольством. Но дело в том, что когда послы отправлялись в Россию, „о подданстве калмыцком российской империи у них в Пекине известия не было“,—поэтому послы опасаются ответственности пред своим правительством, если решат заменить слово „письмо“ словом „указ“; скрыть этого они не могут, так как текст письма должен быть точно записан у них в журнале. Поставленные в затруднение, послы просят Бакунина найти выход из создавшегося положения и, с своей стороны, предлагают поместить в письме выражение, что „о их посольском приезде из Москвы Церен-Дондуку дано знать“. Бакунин „во удовольствие их (послов) оное им дозволил“. 20 апреля письмо было представлено в новой редакции, удовлетворившей Бакунина. Вместе с Ив Резановым, он перевел письмо на русский язык, после чего посланцы заклеили оригинал письма в присутствии «пристава» и вручили ему для посылки по принадлежности, как раньше условились³⁶. Послы писали:

„По указу Тайчинского государства богдыхана отправленных послов мерен-зайгинов Мандая и Асхая письмо посылается к торгоутскому хану.

Понеже ты носишь наследное имя ханское, и того ради сверху с сошедшим письменным указом отправлены мы тем тебя поздравить и уведомить о твоём благополучии. И при том посланы к вам и подарки. И мы сего года, вешнего среднего месяца 29-го дня³⁷ прибыли в Саратов. И о том нашем приезде хотя и надлежало было нам отсюды дать к вам известие, но оногo мы не учинили для того, что из российского государства, из Москвы, о приезде нашем дано знать обстоятельно. И тако мы хотя по приезде нашем в Саратов, ожидая от вас известия,

³⁶ Текст письма—там же, л. 179.

³⁷ На полях—об'яснение переводчиков: „марта 26 числа.“

ждали ден двадцать и больше, только от вас того не получили. И того ради, об'являя о приезде нашем, сие письмо к вам и посылаем“.

Письмо датируется девятым годом царствования богдыхана „Веселого“ (русский перевод имени богдыхана „Аму-Гоуланг“), 23-м днем последнего вешнего месяца ³⁸.

Того же 22 апреля Бакунин пересылает с особым посланцем это письмо к Беклемишеву и просит передать его Церен-Дондуку по окончании комиссии. К сведению Беклемишева, он прилагает копию письма. Что касается своего положения, то об этом Бакунин пишет так: „Я и еще несколько времени могу здесь забавиться, только опасен того, дабы до окончания комиссии тамошние не под'ехали сюды, ибо тогда сих мне как удержать, так и с ними ехать будет не можно. Но ежели о том приближении сведаю заранее, то отсюды, хотя и криво будет, поеду в Дмитриевск. А лучше, ежели б вы тех склонили ждать нас у Дмитриевска. А буде того не учинят, то конечно надлежит вам сюды приездом своим предварить ответ Церен-Дондуков“. В заключение Бакунин просит Беклемишева без задержки отправить посланца в обратный путь и при том непременно — по форпостам, или на нарочной подводе с конвоем, „дабы письма не могли впасть в другие руки ³⁹“.

Выше приведенное письмо Бакунина к Измайлову, от 13 апреля, произвело на последнего неприятное впечатление. Губернатору не понравилось, что Бакунин с такою настойчивостью торопит его с окончанием комиссии. В ответном письме Измайлов выражает удивление, почему Бакунин «по десяти днях», „великим принуждением китайских послов“, едет в Камышенку (Дмитриевск),—приезд туда Бакунина с послами может оказаться для комиссии „не без помешательства“ ⁴⁰ 23 апреля, на другой день по получении этого письма, Бакунин пишет ответ Измайлову. Как бы оправдываясь пред губернатором в настойчивости, он указывает на крайнюю затруднительность своего положения, которое становится с каждым днем все

³⁸ Переводчики поясняют: „апреля 18 числа“.

³⁹ Там же, л. 178 и об.

⁴⁰ Там же, л. 176.

тяжелее, потому что какие доводы он ни приводит послам к тому, что им нет надобности спешить в улусы, „но оные не таковы, как наши калмыки,—(они) зело догадливы“. Приходит время сообщить послам о комиссии Измайлова, и, с своей стороны, Бакунин уже просил коллегия о наставлении, как это удобнее сделать. Ответа пока нет. Бакунин вынужден вновь настаивать, чтобы Измайлов „не укоснил“ исполнением комиссии. „Поистине“, — жалуется посольский пристав, — „в замедлении здешнем так мучусь, как больше уже и быть невозможно, и едваль уже и кредит мой в них не теряется, которой для интереса ее и в-ства купил не дешево. И сумнителен я и в том, что уже будут ли и доучивать меня мунгальскому письму, которому я от них учусь, по приказу гг. министров“. Бакунин весьма опасается, как бы калмыки не вздумали прислать за послами свои подводы. Что тогда делать,—недоумевает он,—„мне их вязать, или самому с ними ехать?“. Но то и другое — „невозможно“! В конце письма Бакунин просит Измайлова поставит его в известность относительно времени окончания комиссии и дать указания о том, откуда ехать с послами: от Саратова, или от Камышенки, или от р. Черевавы, в каком пункте ожидать посланца от Церен-Дондука, и к какому числу, „ибо они (послы) во отправлении своем отсюда едва уже не в сумнении; а когда я от в. п-ства получу такое обстоятельное известие“, — надеется Бакунин, — „и я о том им могу предлагать, и в том с ними согласиться терминально. И так им веселее будет того термина здесь ожидать, или до назначенного места путь свой продолжать“⁴¹.

28 апреля Бакунин получил сообщение Беклемишева, от 25 апреля, что он весьма болен⁴². Создавалось новое осложнение, так как возникал вопрос, кому ехать с посольством в улусы, в случае невозможности для Беклемешева, из-за болезни, присутствовать при приеме. Переславши того же 28 апреля Беклемишеву указ коллегии ин. дел о порядке приема посольства, Бакунин поторопился направить в коллегия доклад с изложением обстоятельств дела и с представлением о необходимости командировать на прием самого Измайлова, при кото-

⁴¹ Там же, лл. 176 об., 184 и 185.

⁴² Там же, л. 180.

ром только и находил возможным для себя исполнение роли, принадлежавшей Беклемишеву⁴³.

Ог 5 мая Беклемишев присылает Бакунину новое письмо о состоянии своего здоровья: „Я весьма болен“,— пишет он,— „припала мне лихорадка, и горячка, и кашель с рвотой“⁴⁴. Пересильная болезнь, он, однако, явился на церемонию объявления Церен-Дондука ханом и того же 5 мая в другом письме извещал Бакунина: „Комиссия ныне кончилась, и Церен-Дондук ханом пожалован“⁴⁵.

9

Возведение Церен-Дондука в ханы облегчало работу Бакунина,—главное, с него снимались заботы, чтобы свидание пекинских послов с Церен-Дондуком не произошло раньше объявления его ханом. За дальнейшее теперь можно было не особенно беспокоиться. Явилась даже возможность с некоторою точностью намечать, к удовольствию манджуро-китайцев, „термин“ поездки их в улусы, так как стало известно, что хан прикочет к Саратову, почему для посольства уже не было надобности спускаться по Волге к Дмитриевску и тем „утруждать“ себя. Можно было установить и ближайшую связь посольства с калмыками. После того, как посольское письмо было передано Церен-Дондуку, новый хан не замедлил прислать к посольству своих представителей, зайсангов Джана и Гандаши. Мы имеем любопытное описание их приема манджуро-китайцами.

Переправившись на лодках чрез Волгу с лугового берега, они явились в Саратове сначала к Беклемишеву, уже вернувшемуся из улусов, а от него поехали к Бакунину и объявили ему цель своего приезда: они посланы от хана Церен-Дондука и от ханши Дарма-Балы «для уведомления о здравии богдыханова величества, также и о их посольском здравии». Зайсанги просили немедленно допустить их к послам. Бакунин ответил, что просьба их будет исполнена,—послы здесь скуча-

⁴³ Там же, л. 192.

⁴⁴ АКА, д. 1731 года, № 41, л. 73 об.

⁴⁵ Там же, л. 73.

ют и будут рады открывшейся возможности ехать в хану. Зайсанги заметили, что они пока еще не имеют приказа ехать в степь, — они посланы только приветствовать посольство. Но чтобы ускорить свидание послов с ханом, они готовы послать нарочного в улусы и будут ждать его возвращения на луговой стороне Волги. По их соображениям, с ответом не замедлят, и дня через четыре послам можно будет выезжать в улусы. Бакунин нарядил толмача Ив. Рязанова известить послов о приезде к ним зайсангов. Для их приема манджуро-китайцы собрались в квартире главного посла Мандай. Бакунин и зайсанги поехали к послам на лошадях; 8 человек простых калмыков следовали за ними пешком. На посольском дворе Бакунин сошел с коня у рундука; зайсанги слезли с лошадей, не доезжая до рундука. Вошли в сени. Бакунин был впереди. Караульные солдаты отдали ему честь ружьем. Послы встретили Бакунина в сенях и поздоровались с ним, «обыкновенно учиня комплимент». Он доложил им о приезде двух зайсангов от хана Церен-Дондука и от ханши Дарма-Балы. Мандай справился об именах посланцов и осведомился в точности, кто от кого приехал. Бакунин дал требуемые сведения. „По окончании же того,“ — рассказывает секретарь коллегии, — „близко четверти часа в сенях все стояли, ничего не говоря.“ Китайцы ожидали от зайсангов объяснения причины приезда их, но те молчали. „И потом, признавши, что китайцы ждут от них объяснения, из вышеписанных зайсангов Гандаши громко начал: „Его наирлату ханово величество здравствует ли?“ Китайцы отвечали, что при их отъезде богдыхан был здоров и находился во всяком благополучии. Затем в свою очередь китайцы спросили зайсангов о здоровье ханши Дарма-Балы и ее сына, хана Церен-Дондука. Зайсанги ответили. Дальше следовали вопросы зайсангов о здоровье послов и о том, благополучно ли они совершили путешествие, а также в благополучном ли состоянии находится их государство. Ответив на эти вопросы, послы осведомились у зайсангов о благополучии калмыцких владельцев.

После этих разговоров, послы предложили Бакунину, молча наблюдавшему интересную сцену, пройти в покои. Он вошел первым, за ним последовали китайцы и мунгальцы, в самом хвосте оказались зайсанги. „В светлице,“ — рассказывает

Бакунин, — „китайцы посадили меня, по обыкновению, на первое место, сами же и мунгальцы сели по чинам от меня по правую руку на местах своих, а зайсангов посадили от меня по левую руку на непостланной лавке“. Простые калмыки сопровождавшие зайсангов, „знатно не ведая китайского обыкновения,“ которое не допускает простым смертным сидеть рядом с чиновными лицами, и руководясь своими калмыцкими обычаями, разместились не подалеку от зайсангов тоже на лавке. Это не осталось незамеченным со стороны послов, — „китайцы (все) зело примечали“, пишет Бакунин.

Когда все расселись по местам, послы спросили зайсангов, какая цель их приезда. Зайсанги повторили, что присланы осведомиться о здоровье богдыхана и послов, а также для того, чтобы сообщить, где сейчас находятся хан Церен-Дондук и ханша Дарма-Бала. Они расположились на р. Еруслане, в двух днях езды от Саратова, но для приема послов прикочуют еще ближе. Лишь только послы получают соответствующее известие из улусов, они могут выезжать туда. Цель своего приезда к калмыкам послы объяснили так: „По причине доброго усердия к китайскому государству“ умершего хана Аюки, а также „присылки от него для поздравления богдыханова нарочных послов,“ богдыхан прислал их тоже с поздравлением к наследнику Аюки. Кроме того, они будут предлагать словесно Церен-Дондуку „о таком деле, которое исполнением требует только нынешнего лета“. В чем состоит это дело, о том известно русскому двору, осведомлен в нем и сопровождающий их пристав Бакунин. Послы торопятся возвращением в Пекин, так как с времени отъезда их оттуда прошло уже два года и один месяц, а в Тобольске давно ожидает их другая часть посольства, бывшая при русском дворе в Москве и проехавшая оттуда прямо в Тобольск. Указами от русского двора велено нигде не задерживать послов, — между тем в Саратове они живут уже пятьдесят два дня и не имеют никаких известий от калмыков. В ответ на последнее замечание, зайсанги объяснили, что причиной замедления в известиях от калмыков является отдаленность калмыцких кочевий от Саратова и их разбросанность; даже и теперь, для того, чтобы всем улусам собраться и приблизиться к городу, потребовалось не мало времени. Но послам остается уже не долго ждать с известием об их

желании скорее видеться с ханшей и ханом, — зайсанги немедленно пошлют в улусы известие и будут ждать ответа на него на противоположном берегу Волги у Саратова.

Деловая часть разговора окончилась. Начались разговоры частного характера, предметом которых было взаимное осведомление послов и зайсангов, сколько кому лет. Послы предложили гостям чай и сами пили его. После чая, „пред зайсангов поставили стол с разною живностью и мясом и с китайскими конфектами“, при чем поднесли им „одна по другой не зело в медленном времени по три чашки чайные водки, — а сами китайцы и мунгалы, також и я“, — пишет Бакунин, — „с зайсангами не ели, а вышли только по одной чарке водки“. Угощать зайсангских слугителей в одной компании с собою и Бакуниным послы сочли неприличным, поэтому „зайсангских слугителей велели вывести в другой покой, и таме их кормить и вином поить“. Видимо, такой прием не понравился зайсангам, — они попросили послов дозволить некоторым слугителям кушать вместе с собою. Послы не без удивления выслушали такую странную, на их взгляд, просьбу. Заявив, что они не знают калмыцких обычаев, а руководятся своими порядками, послы однако удовлетворили просьбу зайсангов: „буде возможно“, — сказали они, — пусть слугители сядут за одним столом с зайсангами и кушают. „И зайсанги из тех своих слугителей оставили при себе четырех человек“, „только знатно“, прибавляет Бакунин, зайсанги „за стыдом с собою за стол их (слугителей) не посадили, и велели им сесть подале от себя на лавке. И тако, поставя пред них скамью, кормили их мясом и поили довольно вином“. Послы не мало подивились также и тому обстоятельству, что сидевшие за другим столом зайсангские слугители вдруг потребовали, чтобы им был подан к мясу сахар и мед, при чем заявили, что иначе они не могут кушать мясо. Прислуживавший им китасец немедленно сообщил об этом послам по-манджурски „за куриоз“, а послы рассказали потом об этом Бакунину.

Угощая зайсангов, послы захотели знать, какие они имеют „ранги“. Вопрос поставил зайсангов в недоумение, и они попросили объяснить, что такое „ранги“? Послы разъяснили, „что рангами именуется то, кто в гражданстве, или в военной службе исправляет какие должности“. Зайсанги ответили, „что

у них того нет“,—они не догадались сказать, что классовое разделение существует и у калмыков, — у них только нет гражданских и военных чинов, как в России и в Китае.

Подвыпив, зайсанги „стали быть шумны“. С развязностью, они начали говорить послам, что о предстоящем их приезде они слышали еще в прошлом 1730 году в Москве, куда ездили поздравлять императрицу с восшествием на престол в качестве посланцов от ханши Дарма-Балы и Церен-Дондука, и что они то и привезли эту весть в степь, где послов „желают принять с радостью“. В глазах чопорных послов ценность имел не слух, а официальный источник сведений, поэтому они не без некоторой доли пренебрежения заметили: „понеже российской империиум—зело пространной, которым они ехали не малое время, и потому может быть они, зайсанги, такое известие и имели“.

После угощения и „комплиментов“ за него, зайсанги собрались уходить. Послы захотели „проводить их, при чем оставили Бакунина в покоях, заявив, что „давеча они встречали“ его, „а теперь проводят их, зайсангов“. Бакунин догадался, что китайцы решили сказать зайсангам что то такое наедине, без него, и подослал переводчика Ив. Резанова послушать, что будут говорить послы. Присутствие Резанова не дало возможности послам сказать, что они хотели. Они принуждены были ограничиться пред зайсангами изъявлением радости по случаю их приезда, а также выразили уверенность, что теперь они не заживутся в Саратове, но скоро увидят ханшу и хана, которым поручили передать „поздравления“. В разговорах между послами и зайсангами переводчиком был мунгалиец мерин-зангин Горюзян.

Проводив зайсангов, послы вернулись в покои, где оставался Бакунин. Они пригласили его на ужин и за столом поделились впечатлениями от приема зайсангов. Впечатления были совсем не в пользу калмыков. По „зверской“ политике и грубости калмыцких посланцов, они нашли их хуже хон тайшинцев. „Ныне они (послы) совершенно мне верят“,—пишет Бакунин,—„понеже напред сего что я им о калмыках объявлял, ныне уже они сами то видели“. Невыгодное впечатление, про-

изведенное зайсангами, Бакунин постарался укрепить в пекинских послых особыми приемами, о которых сейчас будет сказано.

Зайсанги направились от послов к Беклемишеву. Тот постарался еще больше подпоить их. Он предложил им обильное угощение, и простодушные степняки „еще ели и довольно водки пили“, а Бакунин доложил об этом послам „за курioз“, при чем не преминул пояснить, что зайсанг Гандаши считается после Ямана и Самтана первым у калмыков, так что если и он оказывается таким необразованным человеком, каким его видят послы, то от других калмыков „и спрашивать нечего“.

На следующий день, отправляясь к переправе на другой берег Волги, зайсанги заехали к Бакунину. После вчерашней попойки они были «шумны». Не догадываясь, что посольский «пристав» подстраивает им каверзу, калмыки держали себя свободно, а «я», рассказывает Бакунин, — «в том покое, где живу, оставил только три стула, из которых на двух сели зайсанги, а на третьем — я. А служители их, восемь человек, все стояли для того, что им сесть было не на чем. И я оных зайсангов и служителей всех упоил так», — хвастается «гостеприимный» хозяин, — «что едва их довели до лодок, что все китайские служители видели, ибо, под претекстом некоторых разговоров с Иваном Резановым оные, по приказу моему, были подозваны в мою квартиру, а некоторые в то время случились быть и в моем покое»⁴⁶. Не слишком ли далеко зашел Бакунин в желании уронить калмыков в глазах пекинских послов? Потом, при непосредственном соприкосновении с калмыками в их улусах, послы получили возможность убедиться, что калмыки, когда надо, могут знать меру всему и умеют соблюдать приличия и этикет, пожалуй, не хуже «просвещенных» и «образованных» людей. Кто же тогда должен был больше выиграть в представлении тонких азиатских дипломатов — коварный ли секретарь коллегии ин. дел, или доверчивые к «искреннему» усердию «хлебосольного» хозяина степняки — зайсанги?

⁴⁶ Там же, лл. 187—190.

Приближалось время отъезда пекинских послов в улусы, а между тем вопрос о том, кто должен сопровождать их и быть при приеме представителем от русского двора, оставался все еще не разрешенным. Мы видели, что Бакунин послал доклад в коллегию ин. дел о необходимости замены губернатором Измайловым Беклемишева, вследствие его болезни. Ответ на доклад не приходил. Писал Бакунин и Измайлову, убеждая его присутствовать при приеме и предлагая свои услуги в облегчение новой для губернатора комиссии. Измайлов решительно отказался ехать. От 5 мая он ответил Бакунину, что если ему дожидаться распоряжения коллегии по вышеуказанному докладу Бакунина, то для этого потребуется немало времени, а, между тем, обязанности прямой службы требуют отъезда в Астрахань: «Астраханская губерния, как видно, весьма в слабом состоянии, и для того ему надлежит в немедленном времени ехать туда». Но Измайлов не теряет надежды, что Беклемишев поправится здоровьем и сможет выехать в калмыцкие улусы.

Силы Беклемишева восстанавливались медленно, но в Саратове он почувствовал себя лучше. Это дало основание Бакунину настаивать, чтобы саратовский воевода непременно ехал в улусы, так как, за отказом губернатора, ехать туда больше некому. Сам Бакунин не рискует появляться среди калмыков по следующим причинам:

«1) Калмыцкие владельцы,» — пишет он Беклемишеву от 22 мая, — «ко мне злы, и для того мои им представления действия иметь не будут, и до своих с китайцами конференций могут меня недопустить. 2) А хотя б я того от них и домогся, но оные, по своей злости, при китайцах не будут меня с таким почтением принимать, как надлежит (принимать) присланного от двора ее и. в-ства; и тако надо мною хотя б и много ничего не учинилось, но и тем мне интересам ее и. в-ства никакой пользы учинить будет невозможно, точию при таких чужестранных послах могу учинить тем государственный стыд, за что и без ответа пробыть не могу». В уверенности, что Беклемишев поедет к калмыкам, Бакунин обращает его внимание на настойчивое желание манджуро-китайцев попасть в улусы «к первой траве» и ставит это в связь с намерением

пекинского правительства произвести «ребелию» в Джунгарии чрез посредство сына джунгарского хун-тайджи, Лоузанга-Шуну, который сейчас находится в калмыцкой степи. По мнению Бакунина, необходимо иметь бдительный надзор за сношениями манджуро-китайцев с этим джунгарцем. Упомянув о свидании калмыцких зайсангов с посольством, Бакунин сообщает, в каком составе отправляется посольство в улусы, просит временно взять под охрану находящуюся у него на руках и опечатанную денежную казну и удовлетворить просьбу послов относительно оставления на квартирах части их имущества, впредь до возвращения из улусов, под ответственностью домовладельцев, К письму Бакунина прилагает ряд документов: указ о прибытии посольства К калмыкам, грамоту о посольстве к Церен-Дондуку с переводом ее на калмыцкий язык, выписку из своего путевого журнала и записку о посещении зайсангами послов, а также—реэстр, сколько чего дается в продовольствие послам с их служителями на неделю ⁴⁷. К этим документам Бакунин впоследствии счел нужным присоединить копию с грамоты к русскому двору турецкого султана Магомета о восшествии его на престол: «Слышу я и от калмык»,—писал он Беклемишеву от 25 мая,— «якобы турки намерение имеют противу российской империи воевать... Может быть, что в калмыцких улусех и вы от кого о том услышите,—и в таком случае, а не хуже хотя б и нарочно чрез кого, им собою о том калмыцким владельцем внушить изволили»⁴⁸.

Письмо Бакунина от 22 мая оказало свое действие,—Беклемишев согласился ехать. Хотя 24 мая Бакунин получил ответ из коллегии ин. дел, по содержанию вышеупомянутого доклада и копию указа, к Измайлову, чтобы тот, за болезнью Беклемишева, ехал в улусы с Бакуниным, а в случае невозможности ехать самому, командировал бы в поездку кого-нибудь из комендантов, или из офицеров по своему выбору, вместе с Бакуниным ⁴⁹,—Беклемишев не изменил своего решения. Того же 24 мая он отдал распоряжение написать в коллегия ин. дел в том духе, что «хотя он от болезни не свободился, но, опасаясь упущения интереса ее и. в-ства, с

⁴⁷ Там же, лл. 192—194.

⁴⁸ Там же, л. 196 об.

⁴⁹ Там же, л. 196 и л. 197.

ними, (китайскими) посланцы, в калмыцкие улусы поедет и отправится из Саратова на сих днях»⁵⁰.

Собираясь в улусы, Беклемишев позаботился захватить с собою некоторые подарки «для приласкания калмыков». Часть их имелась у него под руками, — по должности управляющего калмыцкими делами он всегда держал в запасе суконные и шелковые материи, чай и пр., чем платил калмыкам за разные услуги. Теперь, 25 мая, он пишет приказ купить на саратовском кружечном дворе 15 ведер простого вина, а на «торгу» — 2 куса атласа, 1 пуд сахару и 2 «конца» китайки. Из перечня подарков, сделанных в улусах разным лицам при приеме посольства, видно, что 5 июня, по просьбе хана Церен-Дондука «прислать сахару и пшена, сколько есть», Беклемишев отправляет к хану чрез «ближайшего его человека» Гендигирея-Даши, 3 головы сахару, весом на 13 фунтов, и 5 ведер вина. «Для склонения Церен-Дондука, чтоб учинил по указу ее и. в-ства», назначает в подарки: Гендигирею-Даши — 5 аршин сукна песочного цвета и другому «ближнему человеку» хана, Намки-геленю — «пол осьма аршина перпетуелю». Того же числа, по просьбе Шакур-ламы, «для приласкания» и «дабы он по указу ее и. в-ства исполнял», отправляет к нему 3 головы сахару, на 13 фунтов весом, 5 ведер простого вина и 8 аршин сукна свинцового цвета. Посланцу Шакур-ламы, ближнему его манджику Иши-Сойбону, «для памятования и склонения Шакур-ламу, чтоб как он, Шакур-лама, (так) и хан Церен-Дондук учинили по указу ее и. в-ства», дарит «косяк» красного атласа. 5-го же числа посылает ханше Дарма-Бале, «для просьбы ее (и) приласкания», три головы сахару, весом на 14 фунтов, и 5 ведер простого вина. 6 июня, «для приласкания» Гунги, сына владельца Дорджи Назарова, посылает ему, по его просьбе, 15 фунтов чаю, а его посланцу, Харумшию, «за переимку и сообщение ведомостей», т. е. за шпионаж, дарит «косяк» зеленого атласа. Того же числа, «для приласкания» самого Дорджи Назарова, посылает ему «косяк» камки вишневого цвета, а зайсангов Самтана и Ямана, «за склонение Церен Дондука, чтоб он учинил по указу ее и. в-ства», награждает: первого — 5 аршинами сукна фиолетового

⁵⁰ АКА, д. 1731 года, № 40, л. 11.

цвета, второго — 5 аршинами темно-зеленого сукна и 5 фунтами кирпичного чаю. 7 июня Лоузанг Шуну, «по прошению его и для приласкания» получает от Беклемишева 10 фунтов чаю и «косяк» зеленой камки ⁵¹.

Снаряжение посольского поезда производилось в Саратове по указаниям Бакунина. Каждому из послов предоставлена была «коляска покоевая» с парой лошадей. Верховых лошадей без седел для Мандая назначалось 10, из них—2 «с ходами, или шагистые». Под «экипаж» Мандая—21 телега и 21 лошадь. Асхаю—7 верховых лошадей без седел, в том числе 2 «с ходами или шагистые». Под багаж—8 телег и 8 лошадей. Гунба-Чувану верховых лошадей без седел—6, в том числе 2 «шагистые». Под багаж этого посла—6 телег и 6 лошадей. Горюзяну—5 лошадей без седел, в том числе 2 «шагистые». Под багаж 5 телег и 5 лошадей. Всего 4 коляски, 40 телег и под них лошадей всех, с верховыми, 76. Для воинских чинов и толмачей определялось: комиссару Л. Выходцеву, двум толмачам и унтер-офицеру—4 верховые лошади без седел. Под живность и съестные вообще припасы—2 «ропуски» и 2 телеги, по одной лошади на ропуску и телегу. Служителю при толмачах и под их багаж—1 телега с лошадыю. Под солдатский провиант 2 телеги и 2 лошади, «понеже им (солдатам) провианта велено взять на три недели». Солдат, в числе 11 человек, разместили по одному на наличных телегах. В общем счете, для 36 человек, с багажем и провиантом, понадобилось: колясок, телег и ропусков—51 и 87 лошадей⁵². Если присоединить сюда экипаж с подводами Беклемишева, его личной свиты и служителей, то кортеж получался внушительный, способный произвести впечатление той торжественности, до которой так чутки были азиатские дипломаты. Надо отдать справедливость Бакунину,—он умел создавать нужную для момента обстановку. Но теперь роль его, как «дорожного пристава» при посольстве, временно заканчивалась; он сдавал некинских послов на попечение Беклемишева, который вступал в отправление обязанностей представителя от русского правительства при свидании богдыхановых послов с калмыками.

⁵¹ Там же, лл. 11—12 об. и 14—15 об.

⁵² АКА, д. 1731 года, № 39, л. 207 и об.

О приезде пекинского посольства к Церен-Дондуку Беклемишев знал давно. Еще 8 марта 1731 года он получил указ о том из коллегии ин. дел от 19 февраля того же года. Управляющему калмыцкими делами сообщалось: „Имеются здесь в Москве китайские послы, которые посланы от богдыхана к нему, Церен-Дондуку; и те послы отпустятся отсюда к нему, Церен-Дондуку, не в продолжительном времени“⁵³. Точные сведения о цели приезда послов Беклемишеву давались в указе коллегии от 4 марта того же года, при чем здесь же содержались подробные наставления, как должен действовать Беклемишев при приеме посольства калмыками, оберегая государственные интересы. Так как нам уже известна цель посольства, частично выведенная чиновником Глазуновым при сопровождении им манджуро-китайцев до Москвы⁵⁴, а полностью открытая в Москве русскому правительству и самим посольством, то остается познакомиться лишь с наставлениями Беклемишеву, какие содержатся в указе.

Прежде всего, ответы на „лист“ богдыхана и на его „словесное предложение“ Церен-Дондук должен был дать согласно „формуляра“, выработанного коллегией, который препровождался по назначению чрез посредство Беклемишева. Затем, он должен был иметь в виду, что раньше объявления Церен-Дондука ханом посольство не может быть допущено в улусы; поэтому, приняв посольство „с надлежащим почтением“, необходимо будет задержать его, „под приличным претекстом“, в Саратове или в Царицыне. Для встречи посольства, Церен-Дондуку надо приблизиться с улусами или к Саратову, или к Царицыну, после чего Беклемишев должен будет выехать к нему с посольством, „взяв в конвой пристойное число воинских людей“. Секретарю коллегии Бакунину, сопровождающему посольство, разрешалось оставаться в Саратове, „ибо ему в калмыцких улусах, за некоторою опасностью, быть не возможно“. Прежде свидания Церен-Дондука с посольством, Беклемишев должен был явиться к Церен-Дондуку и напомнить ему, что

⁵³ АКА, д. 1731 года, № 42, л. 40.

⁵⁴ *Байтыш-Камелский*, цит. изд., стр. 171. Выдержка из доклада Глазунова в коллегию ин. дел о том, что ему удалось узнать о цели посольства из разговоров с отдельными лицами из состава посольства, приложена к указу коллегии от 4 марта 1731 года и содержится в названном в примечании 53 деле АКА на л. 20.

по присяге он обязан соблюдать интересы России при всех разговорах, какие придется вести ему с послами, и при ответах, какие он будет давать им, тем более, что содержание богдыханова „листа“ и сущность „словесного предложения“ известны правительству. Иных ответов, чем те, какие указаны в „формулярах“, быть не может. Относительно личного присутствия при свидании Церен-Дундука с посольством, Беклемишев имел предупредить Церен-Дондука, чтобы тот никакого „затруднения не чинил, такожде и сомнения никакого в том не имел“, потому что не только по собственной присяге, но и по калмыцким шертям 7181, 7185 и 7191 годов, дипломатических тайн у него не должно быть, да и вообще по этой части ему не следует наводить на себя какие бы то ни было подозрения. „И сими, и другими пристойными представлении“,—внушал Беклемишеву указ, —„трудиться тебе его, Церен-Дондука, склонить, чтоб ты всемерно мог при всех свиданиях и конференциях оного с китайскими посланцами быть, и чтоб тебе он, Церен-Дондук, не токмо о предложениях словесных китайских посланцов верное сообщение учинил, но и с листа б богдыхана китайского, которой ему оные посланцы подадут, точную копию тебе дал“. Очевидно, правительство предусматривало возможность вручения Церен-Дундуку послами не того текста, какой ими показывался в Москве „Грамоту же ее и в-ства“ о приезде к калмыкам посольства, — писалось в указе, — „ему, Церен-Дондуку, отдать тебе или при первом с ним свидании, или после подания ему от китайских посланцов богдыханова листа, в чем тебе поступить, смотря по тамошнему состоянию, чтоб иногда не произошло в чем какого предосуждения высокой чести ее и в-ства“. Повторяя требование относительно строгого соблюдения данных форм в ответах Церен-Дондука, коллегия допускает изложение этих ответов „и иным штилем, но только б та сила была“. Затем Беклемишеву дается указание побуждать хана к тому, чтобы он сверх меры не задерживал у себя посольство; даже желательно, чтобы „те китайские посланцы у него не долго были, но что б он, не ожидая других владельцев, которые от него во отдалении кочуют, собрания, оных принял и паки, без продолжения, отпустил“. Удобный предлог к тому — тот, „что их приезду в Тобольску бывшие здесь китайские ж послы ожидать будут“. Да и самих послов не мешает осторожно, „под рукою“, склонять к скорей-

шему от'езду из улусов, раз'ясняя, „что им неприлично у такого народу, которой в подданстве российском издавна обретается, долго медлить, о чем (впрочем) они и сами здесь просили, дабы их велеть отсюда без замедления отпустить“. Предписывая взять у калмыков копии со всех документов, какие могут относиться к приему посольства, коллегия дает общее указание Беклемишеву: „В бытность тебе в улусах калмыцких, на поступки Церен-Дондука и других владельцев с китайскими посланцами со всяким прилежанием смотреть, и обо всем подлинно, чрез кого возможно, разведывать стараться, и особливо употребить к тому обретающагося при Шакур-ламе для обучения калмыцкому языку Алексея Сумина, ежели он ко оному способен, чтоб он искусным образом секретно всего того пресерегал, и что уведает, о том бы тебе сообщал“. Возвратясь из улусов в Саратов вместе с посольством, Беклемишев должен будет озаботиться снаряжением его в путь до Тобольска и дальше до китайской границы, в сопровождении Бакунина. Обо всем, что произойдет, коллегия ожидала от Беклемишева доклада „со обстоятельства“⁵⁵.

Как видим, коллегия, вводя Беклемишева в курс дела, старалась внушить представителю русской власти среди калмыков сознание необходимости зорко следить за тем, чтобы переговоры пекинцев с калмыками не выходили за пределы намеченных правительством границ, а главное—не содержали в себе ничего секретного. Как бы в дополнение к правительственным указаниям, Бакунин с своей стороны рекомендовал Беклемишеву не оставлять без наблюдений отношение манжуро-китайцев к Лоузангу-Шуву, так как у секретаря коллегии ин. дел имелись серьезные подозрения на счет определенных видов пекинской дипломатии на сына джунгарского хун тайджи. Таким образом, Беклемишев отправлялся в улусы не с „слепыми глазами.“

12

28 мая Беклемишев с пекинским посольством „и со всем багажом“ переправился чрез Волгу на луговую сторону, держа путь в калмыцкие улусы.

⁵⁵ Там же, лл. 13—18.

Того же числа к посольскому поезду под'ехали калмыцкие зайсанги — представители от хана Церен-Дондука, ханши Дарма-Балы и от Шакур-ламы: Джап-Данба Дорджи, Гандаши и Алдар-Омбо. Они доложили, что присланы к послам „для препровождения пути“ в улусы. 29 мая те же зайсанги доставили посольству „вареного мяса в корытах, да вина калмыцкого в турсуках и боченках“. Приняв все это с благодарностью, послы, однако, „сами не ели, а кормили и поили их же, зайсангов, и при них будущих калмыков“. По проезде еще верст семи, зайсанги снова привезли послам вареного мяса и калмыцкого вина в турсуках и боченках. И с этим презентом послы поступили таким же образом, как и с первым.

1 июня в урочище Гашон-Сала Беклемишев отделился от посольства и поехал вперед, оставив при послах поручика Антипина и сотника Везелева. Беклемишев имел вручить Церен-Дондуку грамоту от императрицы и, вообще переговорить с ним раньше свидания хана с послами. Хана Беклемишев „с'ехал“ на р. Еруслане „об урочище Бороньсу“, где кочевал и Шакур-лама. Беклемишев сначала заехал к Шакур-ламе. Выслав „лишних людей“ из кибитки, Шакур заявил о желании познакомиться с грамотой Церен-Дондуку. Беклемишев удовлетворил его желание, — показал грамоту и дал прочесть калмыцкий перевод ее ⁵⁶. Мы должны теперь же привести текст грамоты, так как ее содержанием был вызван последующий разговор Беклемишева с Шакуром.

„Сего нынешнего году,“ — читаем в грамоте, датированной 4 марта 1731 года, — „присланы сюды к нам, в — кой г — не, к нашему и в — ству, от его богдыханова в — ства китайского послы. Да особливо от него ж, богдыхана, и к тебе, верному подданному нашему, посланцы: мерин-зангин Мандай, мерин-зангин Асхай, тайжи Чунгучюван, мерин-зангин Гурюзан отправлены, которые обще с отправленными прямо к нам сюды препровождены, и наши им — ские очи видеть допущены. И сообщая лист, к тебе, верному подданному, от богдыхана писанной, и об'явля, что им словесно к тебе, подданному нашему, от богдыхана наказано, просили нас, чтоб мы их к вам отпустить и со удовольствием препроводить повелели; тако ж бы посла-

ли к тебе, подданному нашему, наш им — ской указ, чтоб ты их без удержания, выслушав, их посольство отправил. И мы, в. г — ня, наше им — ское в — ство, по желанию богдыханова в — ства и по прошению тех китайских посланцов, оных к тебе, верному подданному нашему, отпустить и оных в пути со всяким удовольствием препроводить указали. И повелели с ними, посланцы, к тебе, подданному нашему, ехать подполковнику Василью Беклемишеву. И когда оные китайские посланцы к тебе, подданному нашему, придут, то пмеешь ты, подданной наш, при отправленном нашем вышеупомянутом подполковнике Беклемишеве их, посланцов китайских, принять с подобающею честью, и грамоту у них принять, и словесной приказ выслушать, и, учиня на ту грамоту и на словесной приказ ответ такой, как упомянутой подполковник Беклемишев вам указом нашим об'явит, отправить их без всякого удержания, понеже они, посланцы, о том нас прилежно просили, и присланные к нам их китайские послы, которые в сих днях отсюды отправляются, будут их ждать в Тобольске, и оттуды уже вместе к своему богдыхану поедут. И хотя мы, как выше упомянуто, о всем, с чем они, китайские посланцы, к тебе отправлены, по доношению их нам, известны, однакож и тебе, по должности подданства, надлежит о всем том и каков ответ на лист и на словесной приказ ты, верной подданной наш, им, китайским посланцам, учинишь, и когда они от тебя отправлены будут, нам, в. г — не, нашему и. в — ству, верно и обстоятельно с отправленным к тебе нашим подполковником Беклемишевым донести⁵⁷.

Прочтя грамоту, Шакур, прежде всего, выразил удивление, почему при приеме посольства должен присутствовать представитель от правительства. „При жизни хана Аюки“, — говорил он, — „от китайского хана были посланцы, при которых был от е. и. в — ства подполковник только для провожания тех посланцов, а в их дела не мешался“, да и что за надобность („причина“), „чтоб на приеме и ответах китайским посланцам быть ему, подполковнику Беклемишеву“?! Если императрица имеет подозрение, что китайцы будут склонять калмыков „ко откочеванию от российской протекции к себе“, то пусть она поверит ему, Шакуру, который уверяет: „хотя б владельцы и пожелали

⁵⁷ АКА, д. 1731 года, № 42, лл. 36—37.

откочевать, но простой народ хотя помрут, а от Волги не пойдут“. При том и пройти в Китай совершенно невозможно,— повсюду придется иметь встречи с неприятелями: „первые— касаки, а далее — хон-тайджи, которых обойти никак не можно, а оные де народы обое сильнее здешних калмык“. Едва ли можно допустить, что Шакуру не был известен давнишний замысел Пекина поднять калмыков против Джунгарии. Скорее надо думать, что, изображая Беклемишеву дело с той лишь стороны, что Пекин склоняет калмыков к переходу в Китай, но что самим калмыкам очевидна невозможность ухода из России, он просто, по своему обыкновению, лукавил.

Беклемишев поспешил ответить Шакуру, что присутствие представителя правительства при приеме послов не должно давать основания калмыкам считать себя в положении подозреваемых,— императрица убеждена „в непоколебимой верности“ хана, так что присутствие русского представителя не может иметь „никакого предосуждения (ему), но паче (послужит) к вящему засвидетельствованию и утверждению оной к ее и. в-ству верности и исполнения присяги ево, Церен-Дондуковой“. Здесь Беклемишев счел удобным напомнить Шакур-ламе и о шертях хана Аюки от 7181, 7185 и 7191 годов, приведя из них те самые места, которые цитируются в указе коллегии ин. дел от 4 марта 1731 года. Беклемишев говорил, что шертями указанных годов Аюка обязался, „чтоб ему и прочим владельцам калмыцким, содерживая верность к российской империи, с Турским султаном, и с Персидским шахом, и с Крымским ханом, и с Азовским беем, и иных разных вер с иноверцы, которые их и. в-ству непослушны, пересылки, и соединения, и миру не иметь, и лошадьми их не ссуждать, и людей в помощь не давать; а буде из оных из которых государств к ним будут присланы послы, и посланники, и посланные, или лист чрез каких-нибудь людей для каких ни есть дел, и им владельцам, о тех присланных писать, и те письма посылать к и. в-ству, или к астраханским губернаторам без всякого замедления, и тех послов, и посланников, и присланных без указа и. в-ства, кто откуда приедет, не отпускать, и против тех присланных листов не писать, а отпускать их и листы писать с повеления и. в-ства. А ежели от и. в-ства будут присланы к ним, владельцам, указы о присылке тех послов, и посланников, и при-

сланных в Москву или в Астрахань—и им то исполнять, и тех послов, и посланников и присланных в Москву и в Астрахань посылать с своими посланными“. Отсюда калмыки могут понять, что без указа императрицы хану „ничего с нынепними китайскими посланцами чинить не надлежит. А ежели они со сьыми без сообщения о всем ему (Беклемишеву) обходиться и разговоры иметь будут, то хотя б между иял кроме того, что и от самих тех посланцов в Москве сообщено, и не произошло, однакож таким скрытым поступком может он, Церен-Дондук, на себя напрасно подозрение навести, в чем надлежит ему, Шакур-ламе, по верности своей к ее и. в-ству и за особливую милость ее в-ства, показанную к нему, Шакур-ламе, к тому Церен-Дондука склонять и советы свои подавать, дабы он, Церен-Дондук, по указу ее и. в-ства исполнил, за что он, Шакур-лама, награжден будет ее и. в-ства милостью“.

Шакур выразил сомнение, чтобы хан Аюка мог давать обязательства вести дипломатические дела только с ведома и разрешения русского правительства. «Мы не надеемся»,—говорил он.—„чтоб хан Аюка такими присягами обязался, понеже де в жизнь его изо многих пограничных государств посланцы к нему бывали, и он от себя посылавал, а к е. и. в—ству не отписывался“. Впрочем, Шакур заявил готовность оказывать воздействие на Церен-Дондука в желательном для русской власти направлении. Одного он опасается, как бы не встретить противодействия со стороны Дарма-Балы. Для того, чтобы парализовать влияние матери на послушного ей сына, Шакур посоветовал Беклемишеву повидаться и поговорить с Намки-геленем, секретарем хана, который „как в Церен-Дондуке, также и в ханше Дарма-Бале силен“. Шакур обещал послать к Намки-геленю от себя манджика Дархан-Омбу и чрез него оказать некоторое давление на ханского секретаря, а с знатными зайсангами Яманом и Самтаном обещал переговорить лично „о склонении ханши и Церен-Дондука, чтоб учинили по воле ее и. в—ства“.

По поводу высказанного Шакур-ламою сомнения в справедливости ссылки Беклемишева на обязательства хана Аюки, якобы содержащиеся в шертовальных записях, не лишне будет заметить, что вопрос об этом всегда служил „камнем преткновения“ при переговорах представителей русской власти с калмыками. Дело в том, что подлинных шертовальных запи-

сей не сохранилось,—с них имелись лишь списки на русском языке, которым калмыки не доверяли. Неудобство такого положения вещей сознавалось русской стороной, и чрез 12 почти лет после описываемых событий, астраханский губернатор В. Н. Татищев, управлявший калмыцкими делами, попытался было выйти из затруднения довольно оригинальным способом: он предложил коллегии ин. дел сделать перевод русского текста шертей на калмыцкий язык и выдавать этот перевод за копию с подлинника шертовальных записей. В доношении коллегии ин. дел от 12 февраля 1743 года Татищев пишет: „Ежели в коллегии ин. дел подлинных калмыцкого письма шертовальных записей не имеется, приказать, с них списав на их язык копии, припечатав государственною печатью, сюда прислать, ибо,“—прибавляет Татищев к сведению коллегии, — „из их разговоров мнится, что они тех шертовальных записей, чрез беспокойства их, едва имеют ли“⁵⁸. Коллегия, однако, не приняла чересчур рискованное предложение Татищева. Констатируя паличность в своем распоряжении тоже только переводных копий с шертовальных записей калмыцких владельцев и выражая сомнение, чтобы оригиналы этих записей могли быть на калмыцком языке, коллегия писала Татищеву в указе от 20 августа того же 1743 года: „Понеже подлинных калмыцких владельцев шертовальных записей не имеется, а есть с них копии таковы ж, каковы и в астраханской губ. канцелярии находятся, а подлинные, знатно, в давних годах утратились в приказе Казанского дворца⁵⁹, и не чаятельно, чтоб оные были на калмыцком языке, да и ныне все те шерты от слова до слова на калмыцкий язык переводить и владельцам калмыцким сообщать сходства с интересом ее и. в—ства не усматривается“, то, в виду этого, коллегия указывала Татищеву „при случающихся с калмыка-

⁵⁸ АКА, д. 1743 года, № 156, л. 143 об. 5 февраля 1743 года Татищев имел разговор с посланцем калмыцкого наместника Дондук—Даши, зайсангом Бордоном, который, при ссылке Татищева по одному делу на шертовальные записи, „просил, чтоб ему те шертовальные записи на их языке, для вероятности, показать подлинные“. АКА, д. 1743 года, № 154, л. 336 об.

⁵⁹ Этому приказу было подведомственно Поволжье до 9 февраля 1710 года; с этого времени калмыцкие дела передаются посольскому приказу. В 1701 году казанский приказ погорел, и остаток уцелевших от пожара калмыцких документов, в количестве 24 номеров, был передан в посольский приказ. *Дотвич*,—цит. изд. стр. 1086.

ми разговорах“ поступать так же, „как то и от прежде бывших тамошних командиров чинено“ было, именно: об'являть калмыкам „потребное“ из наличных списков шертовальных записей, „ссылаясь, яко таковые подлинные шерты имеются в коллегии ин. дел“. А так как на самом деле подлинных шертей и в коллегии не имелось, то Татищеву было приказано „содержать в секрете“ вышеприведенное распоряжение ⁶⁰.

В разговоре с Беклемишевым и Шакур проводил мысль, что в глазах калмыков могли бы иметь силу подлинные шерты хана Аюки на калмыцком языке, если бы их показали калмыкам⁶¹. В ответ Шакуру Беклемишев мог только заявить, что с присяг Аюки у него имеются русские копии, и указать на то, против чего Шакур уже не мог возражать, именно, что присяга Церен-Дондука, данная им при об'явлении его калмыцким наместником, известна и ему, Шакуру⁶².

Шакур еще раз дал уверение Беклемишеву, что будет склонять Церен Дондука к точному исполнению указа императрицы о приеме пекинского посольства.

От Шакура Беклемишев, в сопровождении Дархан-Омбо, поехал к Намки-геленю, который кочевал в версте от ламы. Беклемишев осведомил его в содержании грамоты к Церен-Дондуку, а Дархан-Омбо что-то говорил при этом секретарю хана «тихо, на-ухо». Ханский секретарь оказался податливым человеком,—без лишних разговоров, он заявил Беклемишеву, что, согласно приказанию Шакур-ламы, «служить будет» и тут же предложил Беклемишеву ехать вместе к хану, на что тот согласился. За обещание «служить» Беклемишев Намки-геленя «благодарил и говорил ему, что он за то будет награжден милостью ее и. в-ства».

У хана Беклемишев не задержался,—ему не о чем было долго разговаривать с ограниченным человеком, каким был Церен-Дондук, не имевший своего ума и боявшийся шаг ступить без разрешения матери⁶³. Приняв от Беклемишева гра-

⁶⁰ АКА, д. 1743 года, № 156, л. 87.

⁶¹ Сомнение Шакур-ламы в существовании шертей на калмыцком языке ставится особенно интересным, если принять во внимание, что он вступил в ламинские обязанности при жизни Аюки, по избранию последнего, так что по вопросу о шертах мог быть вполне осведомлен, как ближайший советник хана.

⁶² О присяге Церен-Дондука в 1724 году—см. выше, стр. 67.

⁶³ В рапорте фельдмаршалу М. М. Голицыну от 29 декабря 1726 года, Беклемишев отзывался о Церен-Дондуке так: „от природы он глуп, к тому же и шьет“. АКА, д. 1726 года, № 22, л. 852 об.

моту и прочитав калмыцкий перевод ее, Церен-Дондук передал перевод для ознакомления Намки-геленю. Тот прочитал текст грамоты на калмыцком языке и сказал хану, что он (хан) должен будет ответить на грамоту, посоветовавшись с матерью. Соответственно словам секретаря, хан дал ответ и Беклемишеву. На вопрос последнего, исполнит ли хан распоряжения коллегии ин. дел относительно порядка приема послов, Церен-Дондук затруднился немедленным ответом, но обещал прислать его после, опять таки «посоветовав с матерью»⁶⁴.

13

От хана Беклемишев вернулся к своему обозу. Не доезжая до него версты с две, он повстречался с зайсангами: Санжи-даргой, Куленом, сыном Самтана, и Ивашкой, сыном Хула-хайчи. Они приехали от хана и ханши в сопровождении человек 200 калмыков для встречи посольства и для отведения места под посольскую ставку. Послы остались недовольны отведенным местом,—они нашли, что это место слишком далеко от ханской ставки верстах в 6 от нее, и требовали объяснения, «чего ради они зайсанги) так далеко их поставили». Засанги ответили, что таково распоряжение хана, и сделано это «для их покою»; впрочем,—прибавили они, «ежели им (послам) то место не угодно, то они донесут о том своему хану». Послы просили отвести место для ставки с таким расчетом, «чтобы им стать ближе их калмыцких кибиток».

Спор из-за отвода места под ставку послов не мог, конечно, близко касаться Беклемишева,—он тут был не при чем,—но стремление посольства расположиться вблизи калмыцких кибиток обратило на себя его внимание, и он отметил казус в своей Повседневной записке. Более серьезным являлось сообщение толмача Резанова, который, со слов одного из посольских служителей, падких до „приласкания“, рассказал Беклемишеву следующее: когда послы ехали вместе с зайсангами и вели с ними разговор, то об отношениях калмыков к России зайсанги выражались в том смысле, что „они с Россиею живут в миру“, —они, таким образом, проводили тот же взгляд, какой высказывали в старые годы посланцы хана Аюки к китайскому богдыхану, и какой был усвоен пекинской дипломатией, как это

⁶⁴ АКА, д. 1731 года, № 41, лл. 128-131 об.

видно из вышеприведенной беседы Мандая с Бакуниным в Пензе ⁶⁵. В ответ на слова зайсангов, послы „выговаривали“ им, почему не были присланы посольству подводы от калмыков, — „или они им не рады?“ Правда, — говорили послы, — они не нуждались ни в подводах, ни в корме: то и другое получено ими по милости русской императрицы, но только б (и) им (калмыкам) надлежало свою учтивость показать“. Стараясь вывернуться из неловкого положения, в какое попали вследствие неосторожного заявления о мирных отношениях к России, зайсанги в дальнейших речах еще больше запутались. У нас, — говорили они, — с россияны такой договор: ежели к ним (калмыкам) какие откуда посланцы будут чрез российское государство, то их возить до калмыцких улусов на российском коште и подводах“.

На сообщение Резанова Беклемишев не мог не обратить внимания, так как дело касалось ложного представления о политическом положении калмыков. Надо было принять меры к тому, чтобы рассеять такое представление, — иначе из-за этого могли возникнуть недоразумения с посольством. Беклемишев немедленно вызвал зайсанга Гандаши и прочих зайсангов, назначенных ханом в „приставы“ к посольству, и задал им вопрос: „С чьего они повеления такие слова китайцам говорили, ведая о себе, что владельцы их со всеми улусы (состоят) в подданстве российской империи, и каким быть в подводах с ними уговорам?“ Зайсанги ответили Беклемишеву, „что они таких слов китайским посланникам не говорили“. Изобличить зайсангов не было возможности, но Беклемишев счел необходимым послать к Черен-Дондуку дмитриевского сотника Сп. Везелева, который должен был довести до сведения хана разговор зайсангов с послами и выразить мнение по этому поводу Беклемишева, что тот „не надеется, чтоб он, Черен-Дондук, им приказывал так в разговорах говорить, веля о себе, что он со всем калмыцким народом (состоит) в высокой протекции ее и. в —ства“, но, во всяком случае, Беклемишев требует от хана, „чтоб он впрямь враз запретил“ зайсангам говорить подобные вещи. Ссориться с ханом, в виду предстоящего участия в приеме посольства, Беклемишеву не приходилось, и потому он, учитывая интересы своей миссии в смысле большей ее ус-

⁶⁵ См. выше, стр. 127

пешности, взял сравнительно миролюбивый тон в переговорах. Гандаши являлся представителем при послах собственно от ханши Дарма-Балы, и, конечно, Беклемишев понимал, что речи зайсанга отображают воззрения Дарма-Балы, усвоенные ею от мужа, хана Аюки, но входить с нею в препирательства уже совсем не входило в расчет Беклемишева, и он оставил ее в покое.

На представление Беклемишева, Церен-Дондук дал объяснение в том смысле, что он „зайсангам своим так говорить не приказывал,—разве де они собою вралли?“ Тем не менее, хан велел призвать провинившихся зайсангов и стал их допрашивать в присутствии Везелева. Они, по прежнему, „запирались“. Чтобы окончательно успокоить Беклемишева, Церен-Дондук сказал ему чрез Везелева, что к состоящим при послах зайсангам назначает еще двух зайсангов, Денжина и Габуна, которые будут наблюдать за калмыцкими, приставами“ и не только не позволят им вести прелосудительные речи, но, наоборот, станут побуждать их „во всех разговорах“ с манджуро китайцами прославлять императрицу за милости ее к калмыцкому народу.

Поздно вечером 1 июня хан прислал „на корм“ послам 28 живых баранов и определил ежедневно выдавать им по 14 баранов. Кроме того, было привезено 12 кибиток „посланцам для ставки“, которая находилась пока еще в отдалении от ханской кибитки. 2 июня к Беклемишеву приехали от хана зайсанги Денжин и Габун и осведомили его относительно просьбы послов, „дабы их с помянутого места свести ближе к Церен-Дондукovým кибиткам“. По соглашению с послами, Беклемишев перешел на новую стоянку, «расстоянием от Церен-Дондуковой кибитки в полторе версте». 4 июня Беклемишев посетил ханшу Дарма-Балу, но «кроме партикулярных разговоров с нею, ничего не было»,—отмечает Беклемишев в своей записке. Того же числа Шакур-лама оповестил Беклемишева чрез манджика Алдар-Омбу о состоявшемся совещании хана с ханшей, на котором присутствовал и он; участники совещания «положили на том, что по присланной грамоте ее и. в-ства (следует) исполнить»; прием пекинского посольства назначен на-завтра; местом приема избран кибитка ханши; на приеме

будут: хан, ханша и Шакур-лама; Беклемишев тоже получит приглашение, и он должен явиться в кибитку ханши раньше приезда сюда послов⁶⁶.

14

Наступило 5 июня—день приема калмыками пекинского посольства.

Пока Беклемишев дожидался приглашения на прием, к нему явился толмач Резанов и от имени послов сообщил, что они отправляют хану «присланные вещи от богдыханова величества». Вещи были запакованы в 10 ящичках, для переноски которых взяли калмыков—простолюдинов. Они несли ящики до назначенного места под наблюдением двух мунгальцев. Зайсанги их сопровождали. Потом мунгальцы отомкнули ящики и сдали находившиеся в них вещи на руки зайсангов—«приставов». Не разговаривая ни о чем постороннем с калмыками, мунгальцы, «не умедля ни часу, возвратились в таборы». Толмач Флоров, подсланный Беклемишевым «для прислушивания разговоров», все время «неотлучно» находился при мунгальцах, и, конечно, его присутствие служило помехой для непринужденного разговора между зайсангами и мунгальцами.

Через час после отправки вещей, к Беклемишеву пришел посланец от Шакур-ламы, Алдар-Омбо «и именем ханшиным и Шакур-ламиним об'явил, чтоб он ехал немедленно к ханше Дарма Бале, а Шакур де лама и Церен-Дондук туда ж поехали. И того ж часа подполковник Беклемишев к ним и поехал». Не доехав до ханшиной кибитки, Беклемишев «обыкновенно» сошел с коня и пошел к кибитке пешком. Близ ханшиной кибитки оказалась поставленной другая, больших размеров кибитка, убранная в калмыцком вкусе «не худо», по отзыву Беклемишева. К сожалению, он не так подробно, как было бы желательно, описывает убранство парадной кибитки. Он сообщает, что кибитка внутри была обита персидской парчой («изорбафы») с серебряными травками, а «подгор» кругом всей кибитки был обтянут китайской золотой парчой. Над местом Шакур-ламы возвышался балдахин из персидской

⁶⁶ Там же, лл. 131 об.—133 об.

парчи с серебряными травами, покрытый алой тафтой. Подле ламинского балдахина стояли два персидских синих намета. Под одним должен был сесть Церен-Дондук, под другим — Дарма-Бала. Вне кибитки группами расположились зайсанги в одном месте, в другом — духовенство. В ожидании прихода хана, Шакур познакомил Беклемишева с подарками, присланными от богдыхана, — их разложили вблизи ламинского места. Беклемишев увидел 41 косяк камок и атласов, фарфоровые блюда, чашки и чайники, кожаные блюда и тарелки, два небольших лакированных столика и две такие же чашки с блюдами. На взгляд Беклемишева, „из всей посуды — хорошей не было“ ни одной вещи. Потом ему показали чернильницы, веера, чай в пяти чашках весом, в общем, фунтов на десять и саблю в оправе. „Только весь прибыток — невеликой“, нашел Беклемишев, а на деньги оценил так, что „не вадется, чтоб и всех вещей было на 600 рублей“.

После Шакура и Беклемишева в кибитку вошла женская половина ханской семьи, сначала — Дарма-Бала, за нею жены Церен-Дондука и его брата, Галдан Данжина. При появлении Дарма-Балы, Шакур лама не поднялся с места. Она села в намет по левую руку Шакура; рядом с нею поместились ее снохи. Затем вошел Церен-Дондук в сопровождении Дорджи Назарова, Галдан-Данжина и некоторых других владельцев. Церен-Дондук и Дорджи Назаров сели в намете по правую сторону Шакура; против них заняли места Галдан-Данжин, Гунга-Дорджи, сын дербетовского владельца Четеря, Солом-Дорджи. Беклемишева посадили подле жены Галдан-Данжина. По правую руку Церен-Дондука поместился цорджи⁶⁷. Калмыцкая знать оделась нарядно. На одних владельцев и зайсангах были парчевые („изорбафные“) кафтаны, на других — об'яринные. Церен-Дондук нарядился в лазоревый штофный азам с серебряными травами.

Показались послы, приближавшиеся к парадной кибитке на лошадях. Впереди везли „лист“ богдыхана в круглом фут-

⁶⁷ Цорджи — в духовенстве второе лицо после ламы. Он наблюдает за порядком в хурудах и за поведением духовенства. Цорджи, в переводе, значит „владыка веры“; К. Ф. Голстунский, цит. изд., стр. 106. В Монголии цорджи считается наместником хамбо-ламы и в его отсутствие правит кинтом; А. М. Позднеев — „Очерки быта буд. монастырей“, цит. выше, стр. 156.

ляре, обшитом желтой камкой. За группой послов виднелись их посольские желтые значки. Саженой за 200 до ханской кибитки, послы, по предложению сопровождавших их „приставов“—зайсангов, сошли с лошадей и проследовали к кибитке пешком. Мерен-зангин Горюзяп нес „лист“ богдыхана обоими руками. Когда послы вошли в кибитку, то глава посольства Мандай взял „лист“ из рук Горюзяпа, и держа его пред собою, обратился с речью к Церен-Дондуку. Речь была кратка. Мандай сказал, что посольство прислано к хану Церен-Дондуку и ханше Дарма-Бале с „милостивым указом“ от богдыхана и с „презентом“ от него, при чем богдыхан велел поздравить обоих их, хана и ханшу, с „новым наследством“. Церен-Дондук, „мало приподнявшись на колена на своем месте, оную грамоту принял и положил за себя на подушку, об которую опирался“. Хотя он сделал это „не с умыслу“, но Беклемишев заметил, что такое небрежное обращение с „листом“ богдыхана „китайским посланцам было зело противно. Однако“,—прибавляет наш наблюдатель,—они „ничего о том не говорили“.

Послов посадили сбоку Церен-Дондука, по правую сторону от него. Разговор начал Шакур-лама. Свои слова он адресовал не лично к послам, но говорил по-калмыцки цорджи, а тот по-калмыцки же передавал Горюзяпу, который переводил их послам по-маньчжурски. Сначала Шакур спросил о здоровье богдыхана и его фамилии. Затем следовали вопросы о ханах, правящих „степными народами“, о далай-ламе и о том, кто теперь „восприял престол“ хутухты, правителя „мунгальской земли“. Послы ответили, что богдыхан со всей своей фамилией здравствует, здравствуют и ханы, правители степных народов; далай-лама „един все наследствует“⁶⁸, а хутухта „умре“, но „он же и переродился, и ныне своим престолом наследствует“. На вопрос Шакура, сколько лет новому хутухте—перерожденцу, послы ответили, что он „осми лет“.

После разговоров официального характера пошли „партикулярные“ разговоры, содержание которых Беклемишев счел излишним записывать. Наступило время угощать послов. Шакур распорядился собрать и вынести из кибитки вещи, при-

⁶⁸ В то время далай-ламой был скал-бсан-ргья-мпо (1708—1768 г. г.), по списку далай-лам у А. М. Позднеева—„Сказания“, цит. выше, стр. 209, примечание 73.

сланные богдыханом и оставшиеся в кибитке во все продолжение предыдущих разговоров. Когда распоряжение было исполнено, стали вносить в кибитку кушанья на оловянных и деревянных блюдах, а также в больших корытах. О достоинстве кушаний Беклемишев отзывался, что они были приготовлены по калмыцкому обычаю, «не искусно», хотя подавались большими порциями и в большом числе. Из напитков послам предложили чай и калмыцкое вино („арьку“); кроме того, угощали их русской водкой.

После угощения, послы сидели еще «не малое время», а затем поехали «в свои таборы», откуда прислали к Церен-Дондуку «пристава», зайсанга Денжина сказать, что имеют сделать хану «словесное предложение» от имени богдыхана и хотят завтра прислать «на письме» это «предложение» с своим писарем, при чем осведомляются, где хан примет это «словесное предложение». Церен-Дондук велел ответить послам относительно «словесного предложения», что «когда время будет, тогда он к ним придет с известием» о том, а текст «словесного предложения» должен быть доставлен для предварительного ознакомления с ним к нему, хану, в его кибитку⁶⁹.

Конечно, прежде чем принять «словесное предложение», хан и его приближенные должны были ознакомиться с содержанием богдыханова «листа», поданного послами Церен-Дондуку на приеме. Что же писал богдыхан в своем «листе»? Мы имеем текст «листа» в переводе ученика калмыцкого языка А. Сумина и приводим его полностью, снабжая некоторыми комментариями: «От бога созданный самодержавец Хонтиин. Указ. Торгоутский хан, здравствуешь ли? Прежде бывший Аюка хан у отца моего, Синжу-хана, в великой милости был. Также наперед сего, отец мой, Синжи-хан, нарочных послов с подарками, и с письмом, и для ведома о здравии посылал⁷⁰. И в те поры Аюка хан просил у россиян дороги, чтоб послать своих посланцов⁷¹, — что у россиян дороги ехать не нашли,

⁶⁹ Там же, лл. 133 об.—136 об.

⁷⁰ Разумеется приезд к калмыцкому хану Аюке китайско-маньчжурского посольства в 1714 году.

⁷¹ Имеется в виду попытка хана Аюки послать ответное посольство в Пекин на посольство 1714 года.

для того что де их задержит хон-тайджи и не даст им дороги. И тако не сделалось, и все опять в дома возвратились. А ван торгоутский аймак⁷² хотя от нас в дальном расстоянии, токмо издавна слышим, что — добрые люди и доброй совести, что — истинно, как можно видеть, что оно — правда, и что так в дальном расстоянии прилежно хотят ведать о здоровьи, о чем и отец мой, Синжи-хан изволил говорить. Также Назаров сын Арап-зюрь⁷³ приехав и с матерью для моления (в) Тяби-Отту⁷⁴, и возвратно хотел ехать, которого Цеванг-Раптан не отпустил, и (Синжи-хан) у себя удержал для того, что дал им имя и чин, и великое жалованье, и произвел их в знатные, и в великой милости содержит. Еще Зюманг-лампа владенья⁷⁵ у тангутов живут; и для предка, чтоб возвратно не ехали, всех, жалованьем удовольствуя, у себя содержат же. Еще ж от хон-тайшинцов ваших торгоутов, в плен взятых, в разные аймаки роздав и жалованьем удовольствуя, (джунгарцы) содержат же. А нам, как слышно, что Аюка-хан умре. И в нашем государстве все благополучно и в милости пребывает. А ныке я на высокой престол сел. И прежде бывший Аюка-хан, по доброй своей совести, для ведома о здоровьи отца моего, Синжи-хана, и про все наше государство прилежное имел старание. И я, по доброй своей совести, для того, чтобы узнать: Ты, торгоутской хан, все ль в добром здравии пребываете, — послал посланцов майран-зангин Аксан Мандай, майран-зангин Аксан Бодаша, майран-зангин Аксан Асхай. А о прочем с посланными посланцы словесной приказ есть. А оно — сверху на низ. Веселого государства 7 года, июня 18-го дня⁷⁶».

Содержание богдыханова «листа», в кратких чертах, можно свести к следующему: богдыхан воспоминает скопления китай-

⁷² Название „аймак“ употреблено здесь в том смысле, в каком оно употреблялось в Монголии, для обозначения удела или княжества, соответственно делению Монголии в административном отношении на аймаки. К. Ф. Големуцкий — цит. изд., стр. 105.

⁷³ Арабжюр (Арап-Зюрь) сын Назар Мамутова, брат Дорджи Назарова.

⁷⁴ Тибет.

⁷⁵ Речь идет о посланцах в Тибет калмыцкого ламы Бюкюнгина, если *Вантши-Каменский* правильно считает Зюманга и Бюкюнгина за одно лицо; цит. изд., стр. 184, примечание 2.

⁷⁶ АКА, д. 1731 года, № 39, лл. 200 об.—201. Грамота в передаче *Вантши Каменского* — цит. изд., стр. 184.

цев с калмыками при жизни своего отца, оказывавшего милости калмыцкому хану Аюке, хвалит добрые нравы калмыков, касается истории Арабжюра и судьбы калмыков Зюманг-ламы, ездивших в Тибет и попавших в руки джунгарского хун-тайджи Цевап-Раптана. и, изведав с своим вступлением по смерти отца на богдыханский престол, хочет узнать о теперешнем состоянии калмыков, лишившихся хана Аюки, для чего посылает к ним особое посольство с своим высочайшим («сверху на низ») указом и с некоторым словесным приказом.

По прочтении богдыханова «листа» и по обсуждении его, калмыкам стало ясно, что главная цель посольства открывается не в этом «листе»,—а выражена в «словесном предложении», почему послы и стремятся скорее довести его до сведения Церен-Дондука. 6 июня посланец Шакура Дархан-Омбо сообщил Беклемишеву, что на завтра хан распорядился выслушать «словесный приказ» богдыхана, и Шакур приглашает подполковника присутствовать при этом⁷⁷.

Мы опускаем рассказ Беклемишева о том, как 5 июня проживавший в калмыцкой степи опальный сын джунгарского хун-тайджи, Лоузанг-Шуну, который кочевал тогда не вдалеке от места свидания хана с послами, присылал посланца к Беклемишеву за советом, следует ли ему являться к послам по полученному от них приглашению,—как 11 июня Лоузанг-Шуну увиделся с послами у самого Беклемишева в его кибитке, а после того отправился в кибитку послов и прображничал у них и у мунгальцев всю ночь,—как 12 июня вел с послами долго деловые разговоры, о содержании которых после рассказал Беклемишеву,—как 13 числа послы прислали ему с своим дворцом Сономом подарки,—как Горюзяп и Соном 14 числа были у Лоузанг-Шуну с визитом, а на обратном пути подрались, так как оба сильно выпили,—как 16 числа посольство делало прощальный визит Лоузанг-Шуну и 19 июня, уже под самым Саратовом, Беклемишев получил от Лоузанг-Шуну письмо на имя императрицы с просьбою отпустить его в Китай, потому что он принял предложение богдыхана и обнадёжен пекиским посольством, что богдыхан о его „деле“ „намерен стараться“. Мы опускаем все это, так как Лоузангу-Шуну посвящается осо-

⁷⁷ АКА, д. 1731 года, № 41, л. 136 об.

бый этюд. Заметим лишь, что догадка Бакунина о возможности воздействия пекинского посольства на Лоузанг-Шуну в желательном для Китая направлении—вполне оправдалась,—пекинская дипломатия избирала опального сына хун-тайджи в качестве орудия для учинения задуманной Пекином „реbellion“ в Джунгарии⁷⁸.

15

Второй прием пекинского посольства Церен-Дондуком состоялся 7 июня в кибитке хана, убранной на подобие кибитки Дарма-Балы, где принимали послов в первый раз. На этот прием Беклемишев получил приглашение тоже чрез Шакур-ламу. Подъехав к кибитке и сойдя с коня сажень в 50 от нее, он подошел ближе и увидел, что пред кибиткой поставлен трехглавый большой персидский намет, и в нем сидят: Шакур-лама, Церен-Дондук, владельцы: Гунга-Дорджи, Солом-Дорджи с сыном и некоторые из наиболее знатных зайсангов и духовенства. Немного посидев под наметом, все вошли в кибитку. Шакур сел „в большом месте“; рядом с ним по правую руку поместился Церен-Дондук. Жена хана села по левую руку от Шакура, но в некотором отдалении от него и сбоку. Беклемишева посадили возле нее. Несколько подалее от Беклемишева сели трое владельцев. По правую сторону от Церен-Дондука, „подалее сбоку“, поместился цорджи. Прибытия послов ожидали с час. Как и в предыдущий раз, манджуро-китайцев заставили слезть с лошадей сажень за 200 до кибитки и итти пешком. Войдя в собрание, послы поклонились Шакур-ламе и Церен-Дондуку. Послам предложили сесть по правую сторону хана, „несколько уступя“ от того места, на котором сидел цорджи. Прием начался с угощения,—послам подали русской водки с закусками („заедками“) и после того—калмыцкий чай. Посольских слугителей угощали водкой и простым вином.

В течение нескольких минут все сидели молча. Нарушил молчание Шакур-лама, предложив такой вопрос послам: „Как они (послы) были у ханши Дарма-Балы, кушали водку и прочее, (то после этого) не с трудом ли пребывали?“ Послы отве-

⁷⁸ Там же, лл. 136 об.—137, 141—144 об., 146—147, 154 об.—155 об. и АКА, д. 1731 года, № 39, л. 204.

тели, что „по милости хана Церен-Дондука и ханши Дарма-Балы, (они) жили—ели довольно, и были шумны, (почему) и не без труда было“. После этого, Шакур-лама, знакомый с Д. Востоком по своему образованию в Тибете, поинтересовался местечком Булуныяром: прежде оно было пустынно, заселено ли теперь? Послы ответили Шакуру, что теперь это местечко заселено, в нем есть много городов, оно считается губернией и имеет своего амбана и дзюнфу. Шакур пожелал узнать точнее, на сколько городов простирается власть губернатора (амбана) в том местечке, и какова численность войска там. Послы сообщили, что под властью губернатора находится семь или восемь провинций, о численности же войск умолчали, сказав лишь, что там „несколько имеется полковников“. Шакур-лама усмотрел сходство между тамошним административно-военным устройством обширных областей и русским: и у нас,—сказал он,—есть губернаторы, например: в Тобольске, Казани, Астрахани, управляющие провинциями больших размеров. С своей стороны, и Церен-Дондук, вступивший в разговор, нашел сходство в устройстве управления провинциями в Китае и в России: „Как наши губернаторы, полковники и подполковники“,—говоря это, хан показал на Беклемишева, состоявшего в чине подполковника и в должности саратовского воеводы,—„равномерно с такими нашими персонами имеются и у них“ (китайцев).

Разговор о губернаторах и полковниках, оказывается, начал был Шакуром не случайно. Сопоставление китайских губернаторов и полковников с теми же должностными лицами в России, которых Шакур и Церен-Дондук называли при этом „нашими“, повело к тому, что,—как отмечает Беклемишев,—„посланцы уже подлинно видели“ политическое положение калмыцкого народа и когда „из слов“ ламы и хана „услышали, что они в подданству у России, то ничего не говорили; и молчали несколько минут“. Наконец послы попросили хана, чтобы он приказал „выслать вон из кибитки лишних людей“, так как „имеют они богдыханов изустный приказ донести словесно“. Хан приказал выйти владельцам и зайсангам. В кибитке осталось с ханом и послами только несколько избранных лиц: жена хана, Шакур-лама, цорджи, Ипи („ближний ханши Дарма-Балы человек“) и Беклемишев с двумя толмачами.

Прежде всего, послы приказали мунгалам сесть ближе,

чтобы от их слуха не ускользнуло ни одно слово калмыков, язык которых мунгалы понимали. В свою очередь, Шакур-лама предложил Беклемишеву посадить его толмачей ближе к мунгалам, „чтоб все словесное предложение слышать могли внятнее“. Толмачи поместились рядом с мунгальцами Горюзяпом и Гунбу-Чюваном. Главный посол, при посредстве Горюзяпа, принявшего на себя роль переводчика, обратился с следующей речью к Церен-Дондуку. Напомнив, что посольство явилось к хану с милостивым указом от богдыхана и с его подарками („презентом“). Мандай стал говорить по содержанию „словесного предложения“ богдыхана калмыкам принять участие в военных действиях Китая против Джунгарии. Речь Мандая не походила на первую краткую его речь при вручении Церен-Дондуку богдыханова „листа“, она была настолько обширна, что, по выслушании ее, Церен-Дондук заявил о невозможности упомянуть все сказанное послом и просил его изложить речь „на письме“, в чем Мандай не отказал. Толмачи Беклемишева, внимательно слушавшие Мандая, нашли, что содержание его речи хотя и соответствовало заявлениям посольства в Москве относительно цели приезда его к калмыкам, но Мандай сделал теперь некоторое дополнение, именно: он предложил Церен-Дондуку отправить от себя в Пекин посланца, „которой бы мог там видеть и потом донести Церен-Дондуку, что у них будет чиниться“⁷⁹.

16

Мы располагаем посольским „словесным предложением“ в переводе Алексея Сумина, состоявшего в обучении калмыцкому языку у Шакур-ламы. Правда, этот перевод довольно неискusstный и страдает темнотой, но все же сущность „словесного предложения“ улавливается. Передадим его современной речью.

Джунгарцы раньше, когда калмыки не уходили еще в Россию, а жили вместе с сородичами-ойратами, были „последнейшим народом“ на Д. Востоке. Хотя они приняли закон (ламанство), но поступки их тайджи Галдана показывают, что требований закона они не соблюдали.

⁷⁹ АСА, д. 1731 года, № 41, лл. 137—139.

Галдан воровски, путем обмана, захватил дочь Очир-Цеценсь хана, а затем пошел против него войной и овладел всеми его улусами. Затем тот же Галдан незаметно подвел войска к Монголии, в намерении завоевать ее. Однако, монголы успели во-время собрать войска и отошли, избежав грозившей им опасности поражения. В судьбе Монголии принял участие богдыхан, — он об'единил монголов и оказал им военную поддержку, к Галдану же отправил посланца с требованием отвести войска от монгольских границ и жить с монголами в мире. Но Галдан не внял голосу богдыхана, — он вступил с войсками в пределы китайских владений, произвел там разорения и, укрепившись возле реки Керелюн, не упускал случая нападать на монголов. Богдыхан снова отправил посланца к хун-тайджи и потребовал у него об'яснения причины его противозаконных действий и прекращения их, а и сле того как Галдан не исполнил пред'явленных к нему требований, богдыхан приказал двинуть против него войска. В сражении Галдан был разбит, его войскам был нанесен громадный урон, в плен захвачены были даже жены и дети. Галдан не мог снести такого позора и с горя покончил с собой.

Цеван-Рабтан, племянник Галлана, с семьей приближенными джунгарцами скрывался в это время в Турфане. Богдыхан решил предоставить Цеван-Рабтану правление Джунгарией и отправил к нему посланца с «милостью». В правление Цеван-Рабтана произошло событие, имевшее отношение к калмыкам и важное само по себе, как доказательство агрессивной политики нового джунгарского хун-тайджи. Ставленник богдыхана завел переговоры с сыном хана Аюки Санжибом и пригласил его перекочевать с Волги в Джунгарию, а когда тот сделал это, то отнял у него все улусы. Поступив коварно с Санжибом и почувствовав за собой силу, Цеван-Рабтан „возревал“, проложил дорогу к Кукунорскому озеру, стал возмущать народы, живущие около этого озера и даже осмелился пойти войной против богдыхана. Но он был разбит китайцами, хотя их было и немного. Кроме того, Цеван-Рабтан послал войско на Тибет и убил Лозан-хана. Затем Цеван-Рабтан ограбил и разорил кумирни в Тибете, а поданных далай-ламы избивал и захватывал в плен. Богдыхан вступился в это дело. Он послал министров с небольшим военным отрядом, чтобы подвер-

гнуть Цеван-Рабтана допросу, на каком основании он позволил себе такие беззакония. Цеван-Рабтан, вместо ответа и извинения, разбил китайский отряд. Тогда богдыхан придвинул к границе большое войско, однако, чтобы не проливать кровь, еще раз послал к Цеван-Рабтану посла с «учительным указом». Но Цеван-Рабтан „подлинное намерение не показал, только (давал) бездельные отговорки“. Тут произошло еще одно важное событие. Когда прежний богдыхан умер и на его место вступил новый⁸⁰, то Лоузанг-Данжин, губернатор—чичин-ван Кукунора, изменил богдыхану и бежал к джунгарскому хун-тайджи, который его принял. Богдыхан потребовал от Цеван-Рабтана выдачи преступника, но тот продолжал оказывать ему покровительство.

Сознавая, однако, что бороться с богдыханом трудно, Цеван-Рабтан отправил к богдыхану посла с заявлениями о желании жить спокойно. Богдыхан принял посла и отпустил его к Цеван-Рабтану с указом, в котором излагались как похвальные, так и заслуживающие порицания действия джунгарского правителя. После этого была проведена граница между Китаем и Джунгарией, и завязались торговые сношения. С целью устранить всякое подозрение на счет искренности своих намерений, богдыхан отправил к джунгарскому хун-тайджи посла и отозвал назад большое войско, приготовленное для похода на Джунгарию двумя дорогами. Цеван-Рабтан не оценил миролюбивых стремлений богдыхана. В нарушение мирного договора, он переступил только что установленную между Китаем и Джунгарией границу, замыслив овладеть территорией, принадлежавшей Китаю. По этому поводу богдыхан снова отправил в Джунгарию посла с предупреждением, что если джунгарский правитель не прекратит захваты чужой земли и, вообще, если не перестанет нарушать мирные договоры, то богдыхан откажет в приеме к себе джунгарского посла. Ставя это на вид Цеван-Рабтану, богдыхан в то же время дал соответствующий указ своему представителю в Джунгарии, как действовать в будущем, потому что, за дальностью расстояния, тот не имел возможности своевременно присылать донесения в Пекин о ходе событий.

⁸⁰ Богдыхан Кан-Хи умер 9 декабря 1722 года; преемником его был провозглашен четвертый его сын Юн-Джин. *Вантши-Камениский*, цит. изд., стр. 106.

Переговоры еще не закончились, как Цеван-Рабтана постигла смерть. Правление страной перешло к его старшему сыну Галдан-Череню. Он уведомил богдыхана о смерти отца письмом, в котором, между прочим, заявлял, что своей задачей он ставит обеспечение джунгарскому народу спокойной жизни. Но своими поступками он доказывал обратное. Галдан-Черень пошел по той же неправильной дороге, какую шел его отец. Он, напр., не выдает богдыхану изменника Лоузанг-Данжина, не заботится об установлении точной государственной границы, не хочет ни за чем обращаться с просьбой к богдыхану, — «только того и смотрит, чтоб где кому какую обиду и разорение показать». В течение целого ряда лет он беспокоит монголов нападениями, не обнаруживая ни малейшего желания жить в мире и «в совете» с богдыханом. Его не остановил даже страх пред «многосильным» китайским войском. Конечно, Китай не заинтересован датекой Джунгарией, он не предполагает захватить джунгарские земли, — они Китаю совсем не нужны: «на оных землях не пашни пахать». Точно также не входит в планы Китая превратить джунгарцев в подданных богдыхана. Но надо сказать, что сами джунгарцы — народ черезчур высокого мнения о себе. Всему свету известны непорядочные поступки этого народа, чуждого понятий о справедливости и законности. Действия Галдан-Череня превзошли меру терпения богдыхана, и он двинул большое войско против джунгарского хун-тайджи, в целях заставить его обнаружить подлинные свои намерения, а также — чтобы защитить Монголию от нападений джунгарцев и добиться «реванша». Принятая богдыханом мера оказала влияние на Галдан-Череня: он принужден был сознаться в своих преступлениях и ошибках, заявил готовность повиноваться богдыхану и обязался сообразовать дальнейшие свои действия с его указами, а изменника Лоузанг-Данжина согласился выдать китайцам. Но неизвестно, как дальше поведет себя Галдан-Черень. Если он станет действовать по прежнему, то в нынешнем же году против него начнутся военные операции, для чего в Китае уже готово «великое войско». Поступок с сыном Аюки Санчипом, которого Цеван-Рабтан «подговоря, увез и людей его всех от него отнял», калмыкам известен, — они знают о том, даже больше, чем китайцы. Теперь джунгарцы «всячески угрожают» **большому монгольскому народу.** И так как, в страхе

пред «великим (китайским) войском», торгуты Саякина будут бежать из Джунгарии и направляться в сторону калмыков, то, — говорил Мандай, обращаясь к хану и калмыкам, — «их вы принимайте». Принимайте „в нуемедленном времени“ также и простолюдинов-джунгарцев, раз они вздумают бежать к вам, «и в добром порядке содержите их». Но если среди беглецов окажутся „знатные тайши и зайсанги, или придворные, то, конечно, нам отдавайте“, потому что этим лицам „розыск имеется“.

После «словесного предложения», Мандай сообщил калмыкам содержание богдыханова указа, полученного посольством уже в России «нынешнего года, белого месяца ⁸¹, в 13-м числе». В указе передаются события, происшедшие по отъезде посольства из Пекина. На Джунгарию двинулось большое китайское войско двумя дорогами. Галдан-Черень, придя в страх от известия, что «такая божеская сила (в образе громадных китайских войск) пришла» к границам Джунгарии и намеревается напасть на нее, поспешил поймать Лоузанг-Данжина и вывезти его на урочище Илбур-Хошон для передачи китайцам, а в Пекин отправил посланца Телея с письмом, в котором просил богдыхана о милостивом указе и обещал следовать его воле. Хотя «надеяться невозможно», чтобы Галзан-Черень, сознав свою вину, «содержал милость» богдыхана, однако из богдыханова трибунала ему дан просимый указ, и с Телеем отправлены в Джунгарию по Туркульской дороге два министра, имеющие остановиться на Куле для получения ответа на этот указ, предъявляющий к джунгарскому хун тайджи требования об обязательствах «содержать милость» богдыхана и беспрекословно исполнять распоряжения пекинского правительства. В ожидании ответа, и «великое войско от походу на время остановлено», но если бы Галдан-Черень вздумал не исполнить требований указа, то решено двинуть это войско на Джунгарию, и это может случиться даже «сего лета».

Изложив содержание указа, Мандай обратился к калмыцкому хану с предложением послать своих людей к «крайним улусам» джунгарцев «для получения подлинного известия»

⁸¹ „Сиречь февраля,“ поясняет переводчик, т. е. февраля 1731 года.

относительно того, что будет происходить в дальнейшем между Китаем и Джунгарией, — другого способа получать вести о том нет, так как калмыцкая „торгоутская земля и Пекин — между ими дальнее расстояние⁸².

Выслушав речь Мандая, Церен-Дондук, — как уже сказано, — заявил, что для него не было возможности «упомнить» все, что говорил посол, — и поэтому посол должен изложить речь „на письме“, — тогда удобнее будет ответить на нее.

Шакур задает послам вопрос, сколько войск отправлено из Китая против джунгарского хун-тайджи? На этот вопрос послы ответили уклончиво. Они сказали, что точных сведений об этом дать не могут, но вообще «такое великое и пресильное отправлено войско, яки бы от превышнего бога с небес». Послы рассчитывали произвести эффект и ошеломить калмыков громкой фразой. Но они ошиблись в расчете, — на их слова Церен-Дондук и зайсанг Иши «рассмеялись громко». Для калмыков стало понятно, что Китай не в силах выставить против Джунгарии сильное войско, и что послы воображают калмыков очень наивными людьми, не способными разобраться в действительном положении вещей. Вопрос Шакура и громкий смех Церен-Дондука заставили послов смутиться, а хан, окончательно придя в веселое настроение, «минами» стал давать знать Беклемишеву, как он реагирует на слова послов. Хан, ни сколько не стесняясь манджурокитайцев, делал эти «мины», — их „видели китайские посланцы“.

Не возвращаясь больше к разговору по поводу словесного богдыханова предложения, Шакур-лама напел своевременным напомнить о русском подданстве калмыков и громким голосом предложил Церен-Дондуку и послам выпить за здоровье русской императрицы, «ибо де весь калмыцкий народ при ее милости обретается в покое». Свой тост Шакур поднимал, обернувшись в сторону Беклемишева, как представителя русского правительства. Выпив свои чарки, Шакур и Церен-Дондук распорядились поднести чарки и послам. После этого подали обед, а «по обеде посланцы поехали в свои ставки».

⁸² АКА, д. 1731 года, № 39, лл. 202 об.—203 об.

8 июня весь день прошел в перекочевке хана и калмыцкой знати, а с ними и Беклемишева с посольством, на новое место, вверх по р. Еруслану верст на 20⁸³.

17

9 июня Беклемишев получил приглашение от Шакура приехать к нему в гости, по случаю приема ламой послов у себя. Беклемишев поехал. В ламинской кибитке сидел Шакур с высшим калмыцким духовенством. Послов еще не было, -- оказывается, Шакур за ними послал только сегодня, чем они остались недовольны и выговаривали посланцу Шакура, манджику Алдар-Омбо, «чего ради им вчерашний день не объявлено, чтоб они приготовились? А то де, не ведая, разослали от себя служителей своих с подносами к хану и к ханше, Дарма-Бале», почему могут приехать к Шакуру не раньше, как по возвращении служителей. Послы заставили ждать себя часа два. Конечно, причина такого поступка была ясна: со стороны послов это было ответом Шакуру за те неловкие положения, в какие он ставил их своими вопросами и речами на приемах у ханши и хана. «Я китайцев знаю», — говорил Шакур, сидя в кибитке в ожидании приезда послов: „они — люди гордые, а в словах льстивы и обманчивы и к ламам непочтивы, а своего хана возносят до небес“; они считают его подданными чуть ли не всякий народ, о котором «тол ко слухом слышали»; по их представлению, и далай-лама, и калмыки тоже их подданные, между тем „далай-лама в их протекции никогда не бывал, а здешние калмыки кочевали от китайцев в отдалении, и мало об них слышали, не только их бывали“.

По истечении двух часов, послы явились. Но они не прямо подехали к жилищу Шакура, а остановились у хурульной кибитки и отсюда прислали посланца к Шакуру, «чтоб их велел допустить до поклонения бурханам». Шакур дал разрешение, но он понял смысл этого богомоления. С одной стороны, китайцы заставляли Шакура еще некоторое время провести в ожидании гостей, с другой — хотели показать свою набожность калмыкам. На последнюю сторону дела Шакур обратил внимание представителей своего духовенства: „Видят-ли

⁸³ АРА, д. 1731 года, № 41, л. 139 и сб.

они“, — говорил лама, «как посланцы льстят калмыкам, будто б и они того ж закона? А он де, Шакур-лама, об них ве-
дает, что манджюры никакова закона не имеют, и лам у них нет». Что касается мунгалов, то хотя они и того же закона, что и калмыки, но „только (мунгалы) у манджюр — в непочтении, и манджюры ими гнушаются, и когда случится манджю-
ренину приехать к мунгальскому ламе, то придет к самой его кибитке, и за кибитку лошадь привяжет“. Подчеркивая презрительное отношение манджюров к служителям ламаитского культа, как и вообще к монгольской расе, Шакур считывал подорвать авторитет пекинского посольства в глазах калмыцкого духовенства.

Наконец, послы явились в ламинскую кибитку. Они пришли к Шакуру не с пустыми руками, но принесли в подарок ему четыре косяка камок, чаю и фарфоровую чашку. Хозяин кибитки и гости расположились приблизительно в таком же порядке, в каком сидели у хана, т. е. сам Шакур — в центре, гости — по сторонам. Шакур предложил послам ряд вопросов о размерах китайского государства и о том, «какие под их протекциею обретаются народы». Перечисляя последних, послы упомянули и о далай-ламе, при чем к сведению Шакура, как духовной особы, прибавили, что „в протекции богдыханова величества, по переписи, имеется 340 тысяч лам“. Шакур с недоверием отнесся к словам послов относительно столь большого числа лам, состоящих в „протекции“ богдыхана, но, как любезный хозяин, счел неудобным тут же заметить чрезмерное преувеличение послами количества подданных богдыхану лам. Он сделал это после, а теперь занялся с послами «партикулярными разговорами» и угостил их обедом.

После обеда послы поехали в свою ставку, а Беклемишев вручил Шакуру „формуляры на калмыцком языке, каким образом Церен-Дондуку отвечать письменно на лист богдыханов, також и на словесное предложение посланцам словесно ответ учинить“. Ознакомившись с текстом «формуляров», Шакур обещал отослать их к Церен-Дондуку⁸⁴. По этим „формулярам“, на „лист“ богдыхана Церен-Дондук должен был в

⁸⁴ Там же, лл. 139 об.—140 об.

своим ответном письме сначала поместить „титул богдыханов, как они пишут обыкновенно“, а затем писать так:

„Посланцы вашего богдыханова в—ства, к нам отправленные по указу ее и. в—ства, самодержицы всероссийской, нашей всемилостивейшей г-ни, к нам препровождены со всяким довольством. И мы у оных, по повелению ее и. в—ства, лист вашего богдыханова в—ства с почтением приняли и их, посланцов, у себя также со всяким довольством содержали, и что ваше богдыханово в—ство тем посольством нас почтить соизволили, зело благодарствуем и желаем вашему в—ству всякого благополучия и счастливого государствования“.

На словесное предложение посланцов хан должен был ответить: „Что касается до намерения богдыханова в—ства о походе войною на неприятелей его, и то—в воле его богдыханове состоит. И когда та война начнется, и ежели тогда от неприятелей богдыхановых какие улусы, или из ушедших напредь сего от нас с сродником нашим Санжицом наши калмыки к нам переходить будут, тех мы принимать не отречемся и, по приходе оных, немедленно будем доносить о том ее и. в—ству, нашей всем—шей г-не, понеже мы, по своей всеподданнейшей верности, должны во оном поступать по указом и соизволению ее и. в—ства“⁸⁵.

10 июня Шакур прислал к Беклемишеву манджика Иши-Сойбона, от имени Церен-Дондука сообщившего представителю русской власти о получении „формуляров“ и о готовности хана исполнить все, что требует от него указ императрицы. Тот же Иши-Сойбон рассказал Беклемишеву о своем посещении послов, к которым его посылал Шакур, чтобы с точностью выяснить, сколько у богдыхана подвластных лам. „Вчерашнего дня предлагали они (послы) Шакур-ламе, что у их хана 340 тысяч лам,—и Шакур де лама не вслушался, а велел их, посланцов, спросить, оные ламы—все ль в ведомстве далай-ламы, и в других (ведомствах)? И по чьему указу переписаны,—и для чего?“ Снова послы были поставлены в затруднение. Точного ответа дать они не могли, а пускаться в сочинительство было неудобно при их официальном положении. Поэтому, им

⁸⁵ АКА, д. 1731 года, № 42, л. 39 и об.

пришлось ответить с некоторою уклончивостью. Они сказали, что вообще они Шакуру „доносили сущую правду, а в чем оные ламы ведомстве, и для чего переписаны,—обстоятельно о том неизвестны.“ Этого было достаточно для Шакура, чтобы иметь возможность указывать калмыкам на слабую осведомленность послов в вопросе, по которому они, тем не менее, позволили себе говорить с такою развязностью и с таким апломбом.

В этот же день пекинское посольство в полном составе ездило с визитом к Дорджи-Араптань, престарелой сестре хана Аюки, вдове хошутского Чечень-хана, переехавший на жительство в калмыцкую степь еще при Аюке, по смерти мужа⁸⁶. Послы оказывали ей почтение, как сестре того хана, чье имя было окружено ореолом особенной славы и величия у калмыков. Они понимали, что знаки внимания к Дорджи-Араптань польстят национальному самолюбию калмыков, и сочли не лишним поиграть на этом чувстве подобно тому, как 9 июня играли на их религиозном чувстве, поклоняясь бурханам в хуруле Шакура. В предположении, что послы могут иметь разговоры на политические темы с Дорджи-Араптань, Беклемишев прикомандировал к посольству тобольского толмача Ив. Флорова,—сам он не получил приглашения от этой владелицы, а ехать к ней без приглашения счел неудобным, исходя из соображения, что „ежели б ево, подполковника, не допустили в кибитку Дорджи-Раптанову, а китайские б посланцы о том сведали, то б не без предосуждения чести ее и. в-ства“ было. Флоров неотлучно находился при послах во время их визита и доложил Беклемишеву, что на приеме никого из зайсангов от хана и ханши не было, были одни только определенные к послам калмыцкие «пристава». Никаких секретных переговоров здесь не велось, „а говорили громогласно для того, что Дорджи-Раптан мало слышит“; вообще же, послы „разговаривали партикулярные разговоры, и обсдали, и, по обеде, приехали в свои ставки“⁸⁷.

18

Приближался день последнего, прощального приема калмыцким ханом пекинского посольства. На этом приеме Церен-

⁸⁶ См. выше, стр. 11.

⁸⁷ АКА, д. 1731 года, № 41, лл. 140 об.—141.

Дондук имел вручить послам ответное письмо на «лист» богдыхана и дать устный ответ на его „словесное предложение“. Письмо должно было пройти чрез предварительную цензуру Беклемишева.

13 июня, т. е. на шестой день по вручении Беклемишевым «формуляров», Намки-гелень привез Беклемишеву копии с богдыханова «листа» и с „словесного предложения“, а также— текст ответного письма хана к богдыхану. Беклемишев приказал А. Сумину перевести эти документы с калмыцкого на русский язык. Ознакомившись с текстом ханского ответного письма, Сумин доложил, что в письме выражена благодарность богдыхану за присылку послов, при чем «о имени ее и. в-ства ничего не написано». На вопрос Беклемишева, почему допущено такое отступление от „формуляра“ и нет упоминания об имени императрицы, Намки-гелень ответил, что «все едино, а они так написали, как Церен-Дондук приказал». Беклемишев спросил Намки-геленя, было ли известно ему, как следует писать, и, если было известно, то почему не написано согласно требования указа? Намки-гелень не ответил на это, но только заметил, что донесет Церен-Дондуку о недовольстве Беклемишева проектом ханского ответа.

На другой день, 14 июня Беклемишев отправил к Шакуру Сп. Везелева с предупреждением, что, если ответ не будет написан по «формуляру», то он, Беклемишев, отказывается присутствовать при вручении ответа послам и донесет о том государыне. Кроме того, Беклемишев указал Шакуру на бесцельность попытки хана уклониться от данной ему формы ответного письма и поместить в нем свой текст, потому что на русской границе „у оных посланцов осмотрят и будут видеть их письма, и о том донесено ж будет ее и. в-ству и кроме его, подполковника“. Выслушав предупреждение Беклемишева, Шакур стал говорить Везелеву, что он и сам знает, что письмо составлено не по „формуляру“, „да что ему, Шакур-ламе, делать?!“ Лично он готов исполнять требования Беклемишева, но „опасен того, что вознегодуют на него хан Церен-Дондук и мать его, ханша Дарма-Бала“ за вмешательство не в свое дело. Шакур-лама советовал обратиться непосредственно к хану. Беклемишев послал к Церен-Дондуку того же Везелева. В присутствии Намки-геленя и Шакур-ламинского манджи-

ка Алдар-Омбо, Церен Дондук на представление Везелева о неисправности ответного письма богдыхану ответил, что „китайских обыкновений он не знает, а по воле ее и. в-ства исполнять будет“ и тут же отдал приказ о составлении письма Шакур-ламою и Намки-геленем „с общего согласия с подп-ником Беклемишевым“. Трудно решить, побоялся ли хан угроз Беклемишева, или первоначальный текст письма был составлен по указаниям ханши Дарма-Балы, а сам он отстранился от участия в его редактуре, не осмеливаясь итти против матери, но, во всяком случае, после замечаний Беклемишева, ему не оставалось ничего больше, как только заявить о своей готовности исполнить все, что от него требуется. Он прикидывался человеком, чуждым знания дипломатических тонкостей, а, может быть, и на самом деле, по слабоумию, не постигал сути того, что происходило в данный момент.

Не успокоившись благоприятными сведениями, доставленными Везелевым, Беклемишев счел необходимым послать саратовского толмача Андрея Иванова к Шакур-ламе, чтобы сообщить ему о результатах переговоров с ханом и взять с Шакура слово на счет составления письма согласно „формуляра“. Шакур обещал исполнить все в точности. Через некоторое время он приглашает к себе Беклемишева. У ламы уже сидел Намки-гелень, при котором Шакур заявил Беклемишеву, что теперь письмо составлено уже по форме, только оно вышло кратким. Беклемишев захотел в точности узнать, что содержится в письме. Как оказалось, там было написано, „что по указу ее и. в-ства, богдыхановы посланцы к ним препровождены со удовольствием, и они их приняли, и довольствовались, и отиравили, а того не упомянуто, что все милостивейшей нашей государыни“. Беклемишев не нашел возможным одобрить письмо с пропуском слов, имеющих свое значение. Шакур выразил притворное удивление и сказал: „все равно, имя ее в-ства и указ упоминаются“ в письме,— для чего же вставлять сюда лишние слова?! Значение слов, подчеркивающих подданство калмыков России, Шакур, конечно, понимал, но, высказывая некоторый протест по поводу замечания Беклемишева, он получал возможность оправдываться пред Церен-Дондуком и, особенно, пред Дарма-Балой тем, что нежелательные слова пришлось внести в текст письма по настоянию Беклемишева. А последнему тут же

сказал, что „ежели ему, подп-нику, то рассудилось противно, то они велят написать противу данной формы, хотя будет и пространно. А написав, пришлют завтрашний к нему, подп-ку, объявить, и копию с него дадут“. Тут же Шакур довел до сведения Беклемишева, что на-завтра назначен прием ханом послов, — хан вручит им ответное письмо и устно ответит на „словесное предложение“ богдыхана, согласно данной формы.

15 июня Алдар-Омбо привез Беклемишеву письмо для окончательного просмотра. По приказанию Беклемишева, Сумин прочитал текст письма и сообщил Беклемишеву, что хотя письмо написано соответственно формы, но опять в нем нет слов „всемиловитивейшей нашей государыни“. Беклемишев вспылил и стал резко выговаривать посланцу Шакура, „что он того от Шакур-ламы и Намки-гелена не надеялся, чтоб они его, подполковника, обманывали, а как видит из их поступок, не только они ему в том (не) помогают, но и препятствуют“. Это тем более для него странно, что они оба, Шакур-лама и Намки-гелень, „неоднократно соглашались“ относительно внесения в текст письма необходимых слов, между тем эти слова оказываются теперь опущенными. Кроме того, „от Церен-Дондука им приказано, чтоб написать по указу ее и. в-ства, но они собою вмешивают другое“. А если они сделали это не сами, то пусть они укажут, „с чьего повеления“ так поступили, и он донесет об этом императрице. Последняя попытка устранить в письме нежелательные слова — не удалась. Алдар-Омбо поспешил объяснить пропуск их простым недосмотром: „что де не написано в титле ее и. в-ства всемиловитивейшею нашею государынею, и то де — описка, а не с вымыслу. И Шакур де лама того ради к нему, подполковнику, и прислал, чтоб он, подп-ник, высмотря, где какая неисправность, велел приправить и, взяв чернила, приписать“. Беклемишев успокоился. Он увидел, что теперь победа — всецело на его стороне. Письмо будет написано в полном согласии с данной формой. Отпуская Алдар-Омбо, он командировал с ним Алексея Сумина „смотреть, чтоб и в белом к богдыхану письме то ж написано было“, что в черновике, „приправленном“ теперь согласно указания Беклемишева. Сумин присутствовал при переписке письма „на александрийскую бумагу“, потом перечитал письмо и нашел его вполне исправным. Шакур-лама поехал с письмом к ханше и поручил

Сумину передать приглашение Беклемишеву, чтобы тот „ехал туда же (т. е. к ханше, в ее кибитку) немедленно“⁸⁸.

Любопытная история составления ответного к богдыхану письма закончилась. Текст письма⁸⁹ гласил:

„Духовной и мирской власти самодержцу и восточному великому монарху доношение.

Понеже ваше пресветлейшее величество ныне спасение по всему свету простираете столько, что оно величеством своим только может сравниться единому великому морю-океану, и как духовную, так и мирскую власти—каждую по своему достоинству—спокойно содержите, которые ваши добродетели во всех десяти странах сияете, ибо содержите Манджю-Ширийн⁹⁰ восьмью странами владеющий престол, на котором и пребываете ото всех страстей непоколебимо. Вы же, духовной и мирской власти над всеми высочайший самодержец, изволили прислать к нам с мейрин-зангинами Мандаем и Асхаем высочайший указ за печатью, и при том внешнею и внутреннею добротою подобные небу предрагие вещи, а именно: камки, саблю, и фарфуровую посуду, и прочее. И мы о сей вашей милости попремногу возрадовались. А и я, в отдаленном краю границы пребывающий, исповедуя веру Манджю-Шринову и покоряся духовной власти хана⁹¹ Зюнкебая⁹², нахожусь в благополучии. И при том всенижайше доношу, что вы изволили, по причине присылки вашего высочайшего покойного хана с милостивым наставлением и указом к моему отцу-хану, ныне и ко мне прислать с указом же,—чему я всею моею мыслию возрадовался и всепокорно вас, господа и государя, прошу, дабы я и впредь той вашей милости и присылки указов лишон не был. Мы ж

⁸⁸ Там же, лл. 144—145 и 147—148 об.

⁸⁹ В переводе В. М. Бакунина.

⁹⁰ Пояснение переводчика. „Сим званием идолатори разумеют быти некоторого бурхана“.

⁹¹ Пояснение переводчика: „царя“.

⁹² Пояснение переводчика: „Сим именем разумеет быти бурхана.“ Зункава—тибетский деятель, основатель обновленного буддизма. Его последователи называются „желтошапочниками“, так как он узаконил желтый цвет головных уборов для духовенства. Жизнь Зункавы (1357—1420 г. г.) изложена у К. Ф. Голстунского.—цит. изд., стр. 78 и дал.

усмотрели из вашего указа, что вы изволите довольно жаловать Рабжюра⁹³, и Зюманг-ламинных духовных служителей, и других, расхищенных из Санжицовых улусов, — и паки тому возрадовались, почитая, что яко бы оные с нами в соединении. По милости нашей великой и всемилостивейшей государыни, ее и. в-ства самодержицы всероссийской, ваши, великого государя, вашего богдыханова в-ства послы, во всяком покое и со всяким удовольствием в подводах и в корму, к нам препровождены. И мы ваших, великого государя, вашего богдыханова величества послов и указ, по указу великой и всем-шей г-ни им-цы, приняли с почетом. И, по прежним обыкновениям тех ваших, в-го г-ря богдыхановых послов от себя отравили мы по тому ж с почетом. Во знак нашего доброго усердия и истинного желания, дабы вы на престоле, поддерж-(ив)а(ю)щим(ся) львами, непоколебимо и благополучно пребывали в презент посылаем часы серебряные, две турецких пищали золоченные, и турецкие ж две пищали витые, и четыре лука турецких же — адрианопольских“. К письму приложена печать калмыцкого хана Церен-Дондука⁹⁴.

Письмо, как видим, написано довольно цветисто и в тоне, до чрезмерности почтительном к особе богдыхана. Но хотя в нем и выражена „всепокорная“ просьба калмыцкого хана к богдыхану не оставить калмыков милостью и присылкой указов, однако, слова в конце письма о „милости“ русской императрицы и ее „указе“, благодаря которым богдыхановы послы получили доступ в калмыцкие улусы, портили музыку предыдущих, почтительных до унижения слов. Какой мог быть смысл и интерес для богдыхана изливать „милость“ и посылать „сверху на низ“ указы тому, кто, по своему подданству, пользуется „милостями“ русской императрицы и принимает от нее „указы“!?

19

У ханши в кибитке, куда приехал Беклемишев, собрались: Церен Дондук с женой, Дарма-Бала, Галдан-Данжин, Гунга-Дорджи и Солом-Дорджи. Все сидели на своих местах, как на первом приеме. Кибитка была убрана по прежнему. Хан,

⁹³ Пояснение переводчика: „Брата Дорджи Назарова.“

⁹⁴ АКА, д. 1731 года, № 39, лл. 201 об.—202.

ханши и гости оделись по праздничному. Когда Беклемишев занял свое место, Шакур-лама в слух всех объявил, что ответное ханское письмо на богдыханов „лист“ и словесный ответ хана на „словесное предложение“ составлены согласно требований формы. -- об этом так пусть и напишет Беклемишев императрице. Беклемишев ответил, что „ее и. в-ству обо всем доносить будет“.

На встречу послам был отправлен зайсанг Иши с восемью другими зайсангами. Они встретили послов за полверсты до ханской кибитки Саженой за 100 до кибитки зайсанги предложили послам слезть с лошадей и идти дальше пешком. „Противу прежнего“, послы вошли в собрание и приветствовали хана, ханшу и Шакур-ламу. Церен-Дондук пригласил послов сесть по местам. Некоторое время длилось общее молчание. Потом начал говорить Шакур-лама по поводу принесенного кумыса. «Употребляется ли у вас кумыс?» -- спросил он, обращаясь к послам. Те ответили, что кумыс у них редко употребляется, но вообще его пьют: „кто захочет, по желанию своему кобыл надоит, и кумыс делают“. Как бы в отместку за довольно неприятные темы разговоров на предыдущих приемах, поднимавшиеся Шакур-ламой, послы намекнули на некоторую вульгарность напитка, которым их угощают на таком торжественном приеме. В пренебрежительном отзыве о напитке, каким их угощали, слышался и вообще отзыв их недовольства результатами миссии к калмыкам. Послы вполне убедились, что калмыцкий народ на самом деле не то, чем представляют его в Пекине; он действительно состоит в русском подданстве, и это обстоятельство не позволяет возлагать на него никаких надежд, в смысле привлечения к войне Китая с Джунгарией. Удостоверение в русском подданстве калмыков, конечно, не сулило и лично самим послам тех наград от богдыхана, на которые они имели право рассчитывать, если бы им удалось выполнить всю программу, намеченную пекинской дипломатией при отправке их в калмыцкую степь. В особенности должен был испытывать огорчение глава посольства Мандай. Оказывается, командировка в калмыцкие улусы была дана ему как средство загладить какую-то вину, ответственность за которую было обещано снять с него в случае успешного исполнения дипломатического поручения. Подгулявший у Лоузанг-

Шуну посол Горюзяп, крупно поссорившись с дворецким Мандая Сономом, „ухватя его за груди“, сильно бранился и, между прочим, о самом Мапдае кричал, что он состоит „за некоторую вину под штрафом и сюда послан оную заслуживать“⁹⁵. Не видя надобности быть особенно любезными с калмыками и соблюдать дипломатию в речах, послы не церемонились откровенно отозваться о предложенном им напитке, в присутствии самой хозяйки, ханши Дарма-Балы. При других обстоятельствах, утонченные азиатские политики, наверное, не допустили бы такую неучтивость, да и теперь не позволили бы себе, если бы знали, какие старания прилагала Дарма-Бала к тому, чтобы сообщить редакции ответного ханского письма более интересную для пекинского правительства форму. Шакур-лама, вынесший, можно сказать, на своих плечах трудные моменты в истории составления письма и все время находившийся между двух огней, служа, с одной стороны, русскому правительству, а с другой — считаясь и с авторитетом старой ханши, умел тонко вести дела и если возбудил недовольство Дарма-Балы своим поведением в этой истории, то теперь недовольство ханши должно было в известной мере сгладиться в виду допущенной послами неучтивости.

Продолжая разговаривать с послами, Шакур спросил их о правящей Китае манджурской династии⁹⁶, — сколько поколений она насчитывает? Оказалось, что — пять, и к пятому поколению принадлежит нынешний богдыхан. Само собой разумеется, столь незначительное число поколений, в глазах калмыков, как и всех азиатов, падких до длинных генеалогий, не могло вызывать почтительного удивления, — калмыки сами могли указать на пятое поколение, к которому принадлежал их хан Церен-Дондук, если считать калмыцких правителей с Хо-Орлока. Шакур как то незаметно поставил это на вид послам и затем, поинтересовавшись именами всех пяти последних богдыханов, перешел к расспросам о степных монголь-

⁹⁵ Это было 14 июня, по дороге от кибитки Лоузавга-Шуну к посольской ставке. Вообще, надо сказать, что из десяти сановников, отправленных Пекином в Москву и в калмыцкую степь, пять человек состояло под опалой, и поездка в Россию была предоставлена им, как случай к восстановлению в прежних правах и в прежнем достоинстве. *Вантши-Каменский*, цит. изд., стр. 166, примечание 1.

⁹⁶ Эта династия Тсинг или Манджу сменила национальную династию Минг в 1644 году

ских владельцев — ханах и ванах, кто из них и чем правит, и сколько у каждого детей. Интерес Шакура к более родовитым, чем маньчжурская династия, монгольским ханам, конечно, не был случайным. Мы видели, что Шакур в разговоре с Беклемишевым отмечал презрительное отношение маньчжуров к монголам. В представлении Шакура, как природного монгола, его единоплеменники на Д. Востоке родовитостью правителей и славой народных подвигов в прошлом заслуживали бы несравненно большего уважения, чем грубые по натуре маньчжуры. При том у монголов есть хутухта, который по силе влияния на монголов мог соперничать с богдыханом. О хутухте Шакур уже осведомлялся у послов на первом их приеме. Теперь, по ходу речи о монгольских правителях, он снова вернулся к вопросам о хутухте, так как не мог оставить без особого внимания духовного главу монголов, уступавшего значением, по взгляду буддийцев, разве только далай-ламе, которому принадлежало его посвящение. «Кто ездил из Монголии к далай-ламе после перерождения хутухты для посвящения его гегена?» спросил Шакур-лама. Послы ответили, что к далай-ламе ездил отец хутухты, Дархан чин-ван с прочими «знатными персонами» и возвратился обратно в то время, когда послы уже отъезжали из Селенгинска в Россию, а «каким образом ездил, того они обстоятельно знать не могут», прибавили послы, как бы давая тем знать, что разговор на эту тему не интересен для них. Прекратил и Шакур свои, не совсем приятные для послов расспросы. Пошли «партикулярные разговоры», за которыми послов угощали („трактовали“) чаем и конфетами. Потом подали обед, при чем „ставили едино по единому кушанья пред каждого на землю, по блюду“. Обед длился часов с пять.

К обеду был приурочен самый важный момент посольского приема: вручение ханского письма на имя богдыхана и устный ответ Церен-Дондука на богдыханово „словесное предложение“. К этому акту не были допущены калмыцкие владельцы и свита послов, присутствовавшие за обедом. Церен-Дондук и Дарма-Бала „приказали владельцам и прочим зайсангам всем выйти из кибитки вон, и стояли б отдали“, а Церен-Дондук предложил послам, „чтоб и они приказали из своих людей от кибитки отойти прочь и стоять дале“, что и было исполне-

но в точности. Оставила кибитку даже жена Церен-Дондука. В кибитке сказались несколько человек, которых Беклемишев перечисляет поименно: «хан Церен-Дондук и с матерью своею, ханшею Дарма-Балою, и Шакур-лама, и подполковник Беклемишев с двумя толмачами, да четверо посланцов.» Сначала принесли из особой кибитки ответное ханское письмо. Оно было вложено в особый, обернутый белым материей футляр. Взявши письмо в руки, Церен-Дондук подал его главному послу с словами: „Сие письмо—во ответ на привезенный от его богдыханова в-ства указ.“ Тут же ханша Дарма-Бала подала послу карманные часы, в качестве презента богдыхану. Посол, приняв футляр с письмом и часы, положил их к себе за пазуху. Затем послу были вручены презенты для богдыхана: от Церен-Дондука—карманные часы, две шапочки персидской парчи, четыре турецкие пицали и четыре турецких лука и от Галдан-Данжина—одна турецкая пицаль и два турецких лука.

По вручении послу подарков, все опять сели на свои места. „И хан Церен-Дондук стал посланцам говорить на их словесное предложение ответ: Понеже мы как слышали прежде от Зюнгаров о Галдан-Черене, и ныне наки его богдыханово в-ство словесным предложением нас изволил уведомить, и оно все—воистину. И оные Зюнгары станут к нам приходить с которой-нибудь стороны, и мы, по воле богдыхановой, их будем принимать. А что на то будет чиниться, тогда и будет. А что о присылках, то—в воле ее и. в-ства и богдыханова в-ства, понеже дорога чрез Россию“. Тем и кончился ответ хана на богдыханово „словесное предложение“. Ответ, как видим, мало-содержательный, и, конечно, не то ожидали услышать от калмыцкого хана пекинские посланцы. Как бы не веря, что хан сказал все, они нарочно поставили ему вопрос: „Только ль ответу на их словесное предложение?“. Хан подтвердил, что больше ничего он не имеет сказать, „понеже хотя и коротко сказал, токмо— всю силу того дела“. Помолчав немного, хан прибавил: „Еще донесите его богдыханову в-ству, что посланного (своего), Намки-геленя отдаю в волю его б-ва в-ства: как наискорее да благоволит высокою милостию отправить, понеже да они в том надеются, что его б-во в-ство, по желанию нашему Намки-геленя без задержания соблаговолит отправить“, Речь идет о главе калмыцкого посольства на Д. Восток, вы.

ехавшего из калмыцкой степи в конце 1729 года. Но мы остерегаемся видеть в словах Церен-Дондука прямое указание на отправку Намки-геленя именно к богдыхану, а от него уже в Тибет, куда Намки-гелень официально выезжал: в присутствии Беклемишева, Церен-Дондук не мог сказать этого. Поэтому, ближайший смысл слов Церен-Дондука заключался только в просьбе к богдыхану об оказании содействия Намки-геленю при проезде его чрез богдыхановы владения, в целях скорейшего возвращения в калмыцкие улусы.

Убедившись, что большего ответа на „словесное предложение“ не получают от Церен-Дондука, послы стали просить его о письменном изложении ответа: „Понеже толь далеко поедут, может быть позабудется, не изволите-ль дать на письмо“ свой ответ,—говорили послы. Церен-Дондук лично ничего не имел против письменного изложения ответа, но Дарма-Бала нашла это излишним: „Сей ответ“,—сказала она послам,—„на ваше словесное предложение не так многоплодовит, токмо—вкратце, что нельзя оное позабыть“. А Шакур с своей стороны предложил самим послам сделать запись ханского ответа: „Не лучше-ль изволите в своей кибитке, приехав, написать по-маньчжурски, понеже искуснее может быть“. Послы согласились с предложением и сказали, „что оное изрядно“⁹⁵.

20

Важнейший акт посольского приема окончился. Удаленные из кибитки владельцы, зайсанги и свита послов снова вошли в собрание. Явилась и жена Церен-Дондука. Обед продолжался. Гости „меж себя разговаривали партикулярно“. Потом главный посол Мандай, налив в чарки водку, подал их избранным членам ханской семьи: самому Церен-Дондуку, Дарма-Бале, жене Церен-Дондука и брату хана Галдан-Данжину, при чем произнес благодарственную речь за радушный прием, оказанный калмыками посольству: „ибо вы нас приняли за имя его б-ва в-ства со всякою честью и всяким удовольствием, тем вы себя показываете к его б-ву в-ству благоприятными. И мы довольны вашими приставами-зайсангами, понеже—весьма честные люди. И того ради, дай боже вам, дабы имя ваше во все че-

⁹⁵ Там же, лл. 148 об.—151 об.

тыре части света прославлялось, и дабы государство ваше множилось и в крепчайшем состоянии содержалось“. Церен-Дондук и Дарма-Бала выразили пожелание, чтобы относительно калмыков все исполнилось, о чем говорит посольство устами Мандая, а послы „его б-ва в-ства честные очи во всяком благополучии видеть сподобились“ бы. Тут хан и Дарма-Бала подали послам „взаимно водки по чарке“.

Послы получили в подарок от Церен-Дондука и Дарма-Балы по тулупу из белых мерлушек и по аязму персидской парчи с травами. Ханские подарки послы приняли, „встав на ноги и с благодарением“. Намки-гелень при этом об'явил послам: „и еще вас жалует хан на дорогу в пропитание 500 лошадей, 500 кож красных и 500 баранов“. Послы сначала отказались принять этот подарок: „милостью хана Церен-Дондука и ханши Дарма-Балы мы предовольны“,—говорили они Намки-геленю. „А понеже как их государство, так и российское содержатся в дружелюбии, и они, по милости российской г-ни им-цы, за имя богдыханово, как подводами, так и кормом весьма предовольны,—и им лошадей и юфти не надобно. А что такую милостью их дарили, то, когда будут пред его б-вым в-ством, о сем ясно донесут“. Хан и ханша не возражали и „отдали на их волю“ то. Но после того как все уселись по своим местам, послы об'явили о некоторой перемене в первоначальном решении отказаться от предложенных подарков: „Понеже во знак вашей, хановой и ханшиной, милости что из оного ничего не принять, то не в славу будет имени вашему, то как от лошадей, так и от кож красных примут от всякого десятка по одной“. Хан и ханша на это ответили: „Изрядно“.

В течение дальнейшего времени обеда Мандай позабавил собрание возбуждившею смех и не бесцельною выходкою. „При всей публике“ он заявил Церен-Дондуку и Дарма-Бале, что намерен „судиться“ с теми их зайсангами, которые были присланы к послам в Саратов. В кибитку были вызваны Дамбо-Дорджи и Алдар-Омбо. Мандай стал говорить: когда были у него в Саратове эти зайсанги, он их, „за имя ханшино и Церен-Дондуково, трактовал обедом; и как поставили пред них мясо и соль, и оной Дамбо-Дорджи показывал особливую шибость⁹⁶ и спросил про соль: „Что это?“ И мы сказали, что

⁹⁶ Развязность.

это—соль. И он говорил: „Для чего нет меду и сахару?“ И они де велели принести тарелку меду, а другую—сахару, и поставили. „И оной Дорджи, резав мясо и обмокая в мед и в сахар, ел. Мы оному весьма удивлялись и думали—у калмык что всегда так едят“. Мало того, тот же зайсанг, хвастаясь „неизреченною шибостью, рукава засыкал во время ежи (и) просил табаку курить“ а при куреньи, „запрокинув голову назад, и глаза под лоб воротил, и головою поворачивал“. Передавая это, посол „оное действие зайсангово собою показывал“. Теперь я вижу, по милости вашей,—заканчивал посол свой рассказ, обращаясь к Церен-Дондуку и ханше Дарма-Бале, что у вас не только зайсанги, но и вы сами с медом и сахаром мяса не кушаете, как не замечаю и той „шибости“ в обращениях, какую напрасно старался показать Дамбо-Дорджи.

Пристыженный зайсанг стал запирается, но Мандай „с великом криком“ призывал в свидетели другого зайсанга, Алдар-Омбу, который подтвердил полную справедливость рассказа Мандая.

Церен-Дондук и Дарма-Бала смеялись и говорили, что следует Дамбо-Дорджи назвать новым именем—Бордон, что значит „шибкий“, и пусть это имя навсегда останется за ним. Посол заметил, что под таким именем Дамбо-Дорджи давно слывет у них. Поддерживая веселое настроение собрания, ханша Дарма-Бала нашла, что нельзя оставить без нового имени и товарища Дамбо-Дорджи, зайсанга Алдар-Омбо, — иначе он это „причтет себе за обиду“. „Господин посланец“,—обратилась она к Мандаю: „не знаешь ли на него какой причины, дабы изобижден не был пред своим товарищем?“ Продолжая шутить, посол сказал, что он заметил у Алдар-Омбо наклонность к лжи, и поэтому „надобно ему пожаловать имя, дабы был известен, как малолживец“. Это — „весьма изрядно“, нашла ханша. Посмеявшись и позабавив гостей, Мандай счел, однако, нужным извиниться пред ханом и ханшей, что хотя он „так дерзновенно говорил“, но „надежен на их высокую милость“, да и говорил только „за веселую компанию“. О том, какую превратную характеристику калмыков навязывал Мандаю Бакунин, посол не упомянул.

По окончании обеда, собираясь уезжать, послы еще раз выразили благодарность Церен-Дондуку и Дарма-Бале за при-

ем, при чем в коротких словах пересчитали все, оказанные им знаки внимания: по прибытии, „милостью всероссийской г-ни им-цы“, из Москвы в Саратов. „вы в Саратов присылали своих зайсангов для поздравления б-ва в-ства и нас с приездом в Саратов поздравить“,—говорили послы хану и ханше: „и потом паки прислали вы для принятия нас зайсангов своих; и как мы сюда прибыли, причастны были всякой вашей, ханской и ханшиной, милости; и паки, за имя его б—ва в—ства, многократно публично трактовали, и такие трудятся презрительные зайсанги. И оное все, когда будем пред ясными очами его б—ва в—ства, (то) оную вашу приязнь честно донесем“,—пообещали послы. В ответ на эти речи хан и ханша сказали: „Презрительно“. Этим не кончились посольские комплименты. Поднявшись с мест, послы обратились с новым пожеланием к хану и ханше „новонаследственный престол со всяким благополучием и счастливо наследовать!“—„Взаимно и мы вам желаем благополучно видеть очи его б—ва в—ства“,—ответили на это Церен-Дондук и Дарма-Бала. „И тако посланцы пошли вон из кибитки“.

За кибиткой уже стояли четыре лошади из числа подаренных ханом и ханшей лошадей. Послы привяли их „с великим благодарением“ и приказали оседлать. На этих лошадях они и поехали к своим кибиткам. Дорогою послы разговаривали „партикулярно“ с сопровождавшими их зайсангами, но с тем вместе не упустили случая высказать окончательные впечатления от знакомства с калмыками: они „похваляли хана, и ханшу Дарма Балу, и народ калмыцкий, понеже (они оказались) весьма благоприятны и политичны“.

Беклемишев оставался еще в ханской кибитке,—он должен был получить копию с ответного ханского письма к богдыхану. Вручая ее Беклемишеву, Церен-Дондук спросил его: «все ли он, хан, по указу ее и. в-ства исполнил?» Беклемишев ответил, что «все было изрядно», только на «словесное предложение» богдыхана «ответ от него, Церен-Дондука, был не такой, как он, подд-ник, по указу ее и. в-ства ему предлагал и письменно сообщал». В свое оправдание Церен-Дондук сослался на слабость памяти: «он более выговорить не упомянул». Беклемишев указал Церен-Дондуку на необходи-

мость представления копии с словесного ответа, а также доношения императрице о получении от нее грамоты. Церен-Дондук обещал не замедлить присылкой доношения, а что касается словесного ответа, то,—сказал хан,—копии с него «давать ему нечего, а что слышал он, подполковник, о том и доносил (бы) ее и. в-ству». После этого разговора Беклемишев возвратился в свою ставку. В тот же день Церен-Дондук прислал к нему следующее доношение на имя императрицы⁹⁷.

«Понеже вы прежними вашими добродетельми украсився и потому в государство многими народами, пребывающими на свете, вступили на св. престол, и слышим, что на оном вы пребываете непоколебимо и благополучно, и зело тому возрадовались. А я, хан Церен-Дондук, по милости вашей, великая г-ня, нахожусь в покое и всенижайше доношу: ваш, великой г-ни, в. и. в-ства указ о китайских послах подполковник В. П. Беклемишев нам в целости отдал, и мы по тому вашему, великой г-ни им-скому указу все исполнили и в том во всем ссылаемся на него, В. П. Беклемишева»⁹⁸. Это доношение Беклемишев отправил по назначению 4 июля, вернувшись в Саратов из калмыцких улусов.

21

16 июня к послам были доставлены ханские подарки: 50 яловочных красных кож, 100 баранов и 50 лошадей. Последние не отличались достоинствами,—по оценке Беклемишева, из них «и лучшая лошадь не стоила трех рублей». От Шакур-ламы было прислано к послам письмо на имя богдыхана и часы в презент ему, самим же послам он прислал в подарок 2 лошади и 2 белых овчинных тулуза. Дорджи Назаров тоже прислал письмо на имя богдыхана, а послам подарил 2 овчинных тулуза.

Остаток того же дня послы посвятили прощальным визитам к Дорджи-Араптань и к Лоузангу-Шуну.

⁹⁷ Там же, лл. 151 об.—154 об.

⁹⁸ АКА, д. 1731 года, № 39, л. 200. Перевод доношения сделан В. М. Бакувиным.

17 июня Дарма-Бала препроводила к послам одного «кайсаченина», присланного Дорджи Назаровым вместе с другими киргиз-кайсацкими посланцами, приехавшими от Шемахи хана и Бель-Гары султана к Церен-Дондуку для заключения мирного договора между калмыками и киргиз-кайсаками. Из разговоров с Бакуниным, послы уже осведомились, что Джунгарию отделяют от калмыков киргиз-кайсацкие степи, поэтому предложение киргиз-кайсаков калмыкам жить друг с другом «в согласии» и «мирно» не могло не заинтересовать послов. Мирным договором открывалась возможность беспрепятственного перехода беглецов из Джунгарии на Волгу. Очевидно, учитывая это обстоятельство, Дарма-Бала и поторопилась прислать к послам одного из так во время подоспевших киргиз-кайсаков. Еще больше заинтересовало послов то сообщение, какое сделал им «кайсаченин». Он „сказывал китайским посланцам, что при отъезде его вышел от хон-тайджи взятый в полон их кайсаченин, который де сказывал им: прислан де к хон-тайджи от китайского хана посол, который привез к хон-тайджи письмо и сундук игол, а в письме де написано, что послано на него войска столько числом, сколько во оном сундуке счетом игол. И хон де тайджи послал от себя посланца (к богдыхану), чтоб помириться». Манджуро-китайцам особенно выгодно было получить известие об ошеломляющем впечатлении на джунгарского хун-тайджи богдыханова письма и ящика с иглами, находясь в калмыцкой степи. Они могли указывать на это калмыкам, как на лишнее свидетельство могущества богдыхана, пред которым дрожит и трепещет Джунгария. Кайсаченина, доставившего такое важное известие, послы наградили подарками.

Сведения о мирных предложениях киргиз-кайсаков калмыкам в тот же день получил и Беклемишев от одного кайсака, состоявшего при посольстве, которое приехало к Церен-Дондуку от Шемахи хана и Бель-Гары султана.

18 июня Беклемишев двинулся с посольством в обратный путь из калмыцких улусов к Саратову. 19 июня послы и их провожатый приехали на луговой берег Волги против Саратова; в тот же день они переправились через реку и прибыли к своим квартирам ⁹⁹. В Саратове послы не задержались,

⁹⁹ Там же, лл. 154 об.—155 об.

—их «дорожный пристав» В. М. Бакунин, успел сделать все необходимые приготовления к следованию их до Тобольска и сибирской границы. Дня через три-четыре посольство направилось в дальнюю дорогу. С пути Бакунин три раза писал Беклемишеву. Первое письмо его было из с. Балтая от 26 июня с сообщением о бегстве из свиты послов «малого» 17-ти лет, по имени Якшибай, киргиз-кайсацкой нации, магометанского закона. Он был отправлен ханом Церен-Дондуком в «презент к богдыхану китайскому». Якпи бай бежал того же 26 числа в послеобеденные часы из сельца Архангельского, Пензенского уезда, в 90 верстах от Саратова, по дороге к с. Балтагаю: «во время превеликого грома и дождя». Беглец ускакал на лошади, нанятой для посольства и принадлежавшей Нарышкинскому крестьянину из Нового поселка, Пензенского уезда, Д. А. Потапову. Описав приметы лошади, а также наружность и одежду Якшибая, Бакунин высказывал догадку, что бегство «малого» имело какую-то серьезную цель: «чаятельно, что оной, сыскавши себе удобной случай, бежал с умыслом». Намекая на возможность передачи послами чрез посредство Якшибая каких-нибудь важных сведений в степь, Бакунин просил Беклемишева принять меры к розыску беглеца и объявить награду за его поимку ¹⁰⁰. 27 июня Беклемишев получил это письмо и немедленно отдал необходимые распоряжения. Того же числа Якшибай был пойман крепким зайсангом Гаврилою Чюрюмом-Аренценом и 28 числа представлен Беклемишеву, который выдал зайсангу 5 рублей в награду за поимку беглеца, а этого последнего приказал «заковать в железо» и в таком виде передал служителям китайских послов и казаку, привезшим письмо Бакунина ¹⁰¹. 30 июня из с. Балтая Бакунин уведомляет Беклемишева о приводе к послам «малого», благодарит за распоряжение о его поимке и прибавляет: «а особливо за сие благодарят вас китайцы» ¹⁰². Трудно сказать, прав ли был Бакунин в догадке, что Якшибай должен был доставить калмыкам или киргиз-кайсакам от послов какое-то сообщение, для чего устраивалась симуляция побега. Но не могут не бросаться в глаза сле-

¹⁰⁰ АКА, д. 1731 года, № 39, лл. 345—346.

¹⁰¹ Там же, лл. 347—348.

¹⁰² Там же, л. 349.

дующие довольно странные обстоятельства. При самом отъезде пекинских послов из улусов, к калмыкам являются киргиз-кайсаки, сопровождаемые улусными людьми «степного» владельца Дорджи Назарова, и тут же Церен-Дондук дарит богдыхану «малого» — кайсаченина, которого естественнее было бы, при мирных переговорах, отдать в распоряжение киргиз-кайсацкого посольства. Послы очень обеспокоены побегом, хотя возможная ответственность пред богдыханом за недоставление ему «подарка» от калмыцкого хана совсем не падала бы на них, а всецело ложилась бы на русский военный конвой, оберегавший в пути как самих послов, так и их свиту, и имущество. Между тем, они посылают в погоню за беглецом своих служителей, а когда кайсаченина поймали, то выражают Беклемишеву особенную благодарность за его распоряжения. Как будто кайсаченин представлял для послов какую-то большую ценность, в смысле того или иного использования его по джунгарскому делу, если не теперь, то в будущем.

Остается не освещенным и то любопытное обстоятельство, что «степной» владельец Дорджи Назаров появился при приеме послов всего только один раз, — он присутствовал при первом лишь свидании посольства с калмыками 5 июня, а затем куда то исчез. Казалось бы, ему то, чье имя издавна было «знатно» при дворе китайского богдыхана, следовало проявить наиболее видное участие в приеме посольства, но этого нет, — напротив, заметно обратное, — Дорджи Назаров как то ступшевывается, и роль его при приеме посольства становится незаметной. Почему это? Какие побуждения руководили владельцем, — случайного ли характера, или более серьезного значения? Хотел ли он совсем отстраниться от политики, или, исчезая со сцены, намеренно маскировал взятую на себя роль посредника между калмыками и киргиз-кайсаками, дружба которых была выгодна как для манджуро-китайцев, так и для калмыков, потому что разрушала препятствия, стоявшие на степной дороге между Д. Востоком и калмыцкой степью и мешавшие свободному доступу джунгарских беглецов на Волгу? Скорее последнее. Как бы ни был Дорджи Назаров тяжел на подъем по свойствам своего характера, но от известной роли в политических делах он не отказывался. И на этот раз он не лишил себя удовольствия послать письмо богдыхану и

подарки. Его именно улусные калмыки, спустя две недели после свидания «степного» владельца с посольством, явились к ханше Дарма-Бале в качестве проводников киргиз-кайсацких посланцов. Не результатом ли сношений Дорджи Назарова с киргиз-кайсаками оказался приезд самых этих посланцов, и не для переговоров ли с Шемахи ханом и Бель-Гары султаном о мире и согласии «степной» владелец поспешил откочевать к своим улусам, пограничным с кочевьями киргиз-кайсаков? Пекинское посольство должно было знать о задаче, возлагаемой их дипломатией на Дорджи-Назарова по части «приготовления степного пути» и, без сомнения, оно сумело найти способ оповестить «степного» владельца относительно надежд, какие в данном случае возлагает на него богдыхан, ожидающий от него важных услуг в деле разгрома Джунгарии Китаем при содействии калмыков. Внезапный отъезд Дорджи Назарова, прибытие к калмыкам киргиз-кайсацких посланцов, подарок «малого» — кайсаченина Церен-Дондуком богдыхану, бегство «малого» от послов и обстоятельства поимки его крещеным зайсангом: все это оказывалось тесно связанным одно с другим, почему и обращало на себя подозрительное внимание Беклемишева и, в особенности, Бакунина, приставленных следить за каждым шагом послов и не позволять им выходить из определенных русским правительством границ в действиях. Но все же, какие преграды ни ставились в данном случае, и как ни стеснялась свобода сношений манджуро-китайцев с калмыками, пекинским послам удалось оказать воздействие на калмыков в желательном направлении, хотя и не в той широкой мере, какая нужна была Китаю. Послы сумели привлечь к себе симпатии калмыков, и не даром Мандай, в конце концов, на прощальном приеме у хана и ханши развесялился и стал щедро расточать комплименты по адресу калмыков. Можно сказать, что если первичное зерно симпатий к Китаю было заложено в калмыцкую почву еще при хане Аюке, и тогда же оно дало свой росток, то в 1731 году пекинской дипломатии представился случай дать орошение этому ростку, который спустя сорок лет, в 1771 году принес плод, долго и терпеливо ожидавшийся Китаем. Калмыки в большей своей части ушли тогда из России под протекторат богдыхана Цян-дун, который ознаменовал это событие, как имевшее крупное государственное значение, постановкой двух монументов в

Жэ-Хэ (Чэн-дэ-ху) с соответствующими надписями на китайском, манджурском, тибетском и калмыцком языках ¹⁰³.

Последнее письмо Бакунина к Беклемишеву датируется 6 июля 1731 года. Бакунин пишет из Симбирска, что благополучно доехал с послами до этого города и 7 числа направляется с ними в дальнейший путь на Казань ¹⁰⁴.

22

Отчет о пребывании пекинского посольства в калмыцких улусах Беклемишев послал в коллегия ин. дел из Саратова 4 июля. Он писал, что хан Церен-Дондук и ханша Дарма-Бала принимали послов «ласково», и что к хану, ханше и владельцам послы «посылали от себя подарки--и не однократно, и не по малу; также и зайсан(гов) дарили и принимали (их) с великим почтением». Когда зайсанги приезжали к послам, те их «встречали, и провожали, и во всем их ласкали». Одного Шакур-ламу мало дарили,—отмечает Беклемишев,—а из близких его лиц никому не прислали подарков, «в чем ему (Шакур-ламе) было и не без озлобления». Надо сказать, что поведение Шакура при приемах посольства было встречено манджуро-китайцами тоже не без «озлобления». Бакунин слышал мнение одного из членов посольства, что Шакур, по всей вероятности, будет отстранен монгольским хутухтой от должности калмыцкого ламы за то, что в своих речах ставил имя русской императрицы выше имени китайского богдыхана ¹⁰⁵. В 1735 году Шакур действительно был отозван из степи в Петербург, где и умер в мае следующего 1736 года ¹⁰⁶. Но,

¹⁰³ В. Л. Котвич, цит. изд., стр. 804.

¹⁰⁴ АКА, д. 1731 года, № 39, л. 199.

¹⁰⁵ Бантыш-Каменский, цит. изд., стр. 185, примечание 2.

¹⁰⁶ Труп Шакура был предан сожжению в окрестностях столицы, по буддийским обрядам. Любопытное описание церемонии похорон Шакура напечатано в „Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Часть I. В Санкт-Петербурге. 1785. Изданием и. Академии Наук“, стр. 181—189, под заглавием „Описание погребательного препровождения и обрядов, какие имели калмыки при сожжении тела Чукурламы не далеко от Санктпетербурга в мае месяце 1736 года“. Этим материалом я воспользуюсь в своем месте, теперь же приношу благодарность А. И. Православлевой, любезно сделавшей для меня соответствующую выписку из экземпляра „Собрания сочинений“, хранящегося в библиотеке Академии Наук в Ленинграде.

конечно, отставка его последовала не по решению хутухты, а по другой причине, и была связана с удалением от ханства Церен-Дондука, с которым Шакур и выехал в столицу.

Больших усилий стоило Беклемишеву добиться от хана ответов согласно присланным формулярам. «Видно было (вообще) из их поступок, что бытность моя им была zelo неприятна» — пишет он. Что касается неофициальных сношений между посольством и калмыками, то, — говорит Беклемишев, — «пересылаться» им друг с другом было легко чрез посредство зайсангов, наряженных ханом в качестве «приставов» к послам: «при них (послах) и ночевали» зайсанги. Ученник А. Сумин, на которого коллегией была возложена обязанность „наведываться“ по части сношений китайцев с калмыками, «ни о чем не наведася», так что, очень может быть, — полагает Беклемишев, — «делалось нечто секретно». Что именно делалось секретно, этого узнать сейчас нельзя, но со временем откроется все: «По их обычаю, повинен всякой владелец о всем об'явить зайсангам, что б у них не происходило, а зайсанги, раз'ехався от владельцев к своим кибиткам, в разговорах об'явят своим благодетелям», т. е., очевидно, тем представителям власти, которые подкупали их подарками. Беклемишев поручил «доброжелательным» калмыкам «наведываться» по части всяких разговоров и слухов, какие будут циркулировать в улусах. О том, что удастся разузнать, Беклемишев обещает своевременно донести в коллегию ¹⁰⁷. Из документов АКА не видно, чтобы к Беклемишеву поступили какие-нибудь важные сообщения, относящиеся к ближайшим результатам посещения калмыцких улусов пекинским посольством, — по крайней мере, документальных данных о том мне не встретилось. Последствия приезда манджуро-китайцев в степь сказались только в дальнейшей истории калмыков.

После того, как посольство возвратилось в Пекин, и главный посол Мандай сделал богдыхану соответствующий доклад о поездке к калмыкам, от пекинского трибунала был отправлен в Петербург особый «лист», доставленный в сенат курьером Соловьевым 14 октября 1732 года. В «листе» излагалась просьба богдыхана к императрице о дозволении калмы-

¹⁰⁷ АКА, д. 1731 года, № 41, лл. 127 об.—128.

кам итти войной против джунгарского хун тайджи, в том соображении, что если несколько тысяч калмыков двинется на Джунгарию, то с ними немедленно соединятся пограничные татары: Хасак, Бурут, Ерким и Хашхар и все они, произведя натиск на Джунгарию, победят «разбойников» и заставят их бежать. На этот «лист» 20 января 1733 года русское правительство ответило пекинскому трибуналу в том смысле, что, желая богдыхану счастья в войне с джунгарцами, оно, однако, не может удовлетворить просьбу о присылке калмыков, частью вследствие дальности расстояния, а частью потому, что Россия и Джунгария состоят в мирных отношениях, которые правительству нельзя нарушать¹⁰⁸. На этом и закончились переговоры Пекина с Петербургом об отправке калмыков против джунгарского хун-тайджи,—пекинская дипломатия больше не поднимала вопроса о том пред русским правительством.

23 января 1925 года

15 августа 1926 года.

VII

Джунгарец Лоузанг-Шуну в калмыцкой степи, 1725—1732 годы.

1

Лоузанг Шуну¹ был сыном джунгарского хун-тайджи Цеван-Рабтана и происходил от его брака с дочерью калмыцкого хана Аюки, Сетер-Джап. Она вышла замуж за Цеван Рабтана около 1698—1699 года, вскоре после того, как к нему перешла власть над Джунгарией. От брака Цеван Рабтана и Сетер-Джап, кроме Лоузанга-Шуну, родилось несколько дочерей и еще один сын.

Первые сведения о Лоузанг-Шуну, как и о брате его от Сетер-Джап, даются сообщением Бактемира, посланца калмыцкого владельца Дасанга² к астраханскому губернатору А. П. Волинскому, от 28 июня 1725 года. Бактемир рассказывал, что весной этого года посланец Дасанга Сохур-Менко, отправленный владельцем по некоторым делам к киргиз-кайсакам, кочевавшим за рекой Уралом, встретил по дороге 40 тысяч киргиз-кайсацких кибиток и узнал, что они прогнаны с своих кочевий двумя сыновьями джунгарского хун-тайджи. На полях документа, содержащего запись сообщения Бактемира, сделана приписка в качестве пояснения к словам рассказчика о сыновьях джунгарского хун-тайджи: „Родились от дочери хана Аюки“³. Самые имена их здесь не названы, но установить имя одного—Лоузанг-Шуну—не трудно при помощи других документов АКА, относящихся к времени пребывания названного джунгарца в калмыцкой степи, на которые сейчас мы и укажем.

¹ Вторая половина имени Лоузанга-Шуну в тексте русских документов передается различно: и Шунуй, и Шонов, и Шононг, и Шонин, и Шона, и Шоно, и Шена, но чаще—Шуну. В калмыцких текстах—Шуну.

² Дасанг—сын Чакдоржапа, старшего сына хана Аюки, и внук последнего.

³ АКА, д. 1723—1725 годов, № 17, л. 431 об.

18 июля 1726 года калмык Генден словесно докладывал в Харькове фельдмаршалу кн. М. М. Голицыну, имевшему высший надзор над калмыцкими делами после перевода А. П. Волынского из Астрахани в Казань, что „прошедшего 1725 году выехал в калмыцкие улусы хон-тайшин сын Лоузанг-Шонон, в семи человеках⁴. Поручик Суров, называя сына джунгарского хун-тайджи именем Шуну, со слов одного калмыка, 20 апреля 1727 года доносил из Дмитриевска (Камышин) подполковнику В. П. Беклемишеву, состоявшему при калмыцких делах, что Шуну приехал в калмыцкие улусы „осенью“, но не точно прибавил — „прошлого года“, как будто бы, выходит, 1726 года⁵.

С приезда Шуну осенью 1725 года прошло несколько месяцев, прежде чем узнал о том Беклемишев. Только 3 февраля 1726 года калмык Олдоксон, сообщавший представителю русской власти о выдающихся происшествиях и сенсационных слухах в калмыцкой степи, докладывал ему в Астрахани: „Приехал к калмыкам хон-тайшин сын Лоузанг-Шонон. А называют, будто он к ним бежал от брата своего“. Калмыки относятся к Лоузангу-Шуну с подозрением; по словам Олдоксона, они считают его „за шпиона“⁶. Конечно, появление в калмыцкой степи знатного джунгарца не могло не заинтересовать Беклемишева, и он поручил другому доверенному калмыку, Токто съездить в улусы и проведать, „какое намерение имеют калмыки о прибывшем к ним, калмыкам, хон-тайшине сыне, Лоузанг-Шононе“. Токто собрал нужные сведения и 8 февраля донес Беклемишеву, что „о хон-тайшине сыне они, калмыки, намерения никакого еще не положили; токмо, хотят все владельцы, собрався, об нем советовать“⁷. 11 февраля Беклемишев виделся вблизи Астрахани с Шакур-ламою и задал ему вопрос о причине приезда Лоузанга-Шуну в степь. Шакур ответил, что „брат его (Лоузанга-Шуну) большой, другсй жены (хун-тайджи) сын, собрав войско, хотел его воевать, от чего он, убоясь, к ним (калмыкам) прибежал, и ныне его, по должности сроднической, в чести содержат; а с ним — с восемь

⁴ АКА, д. 1726 года, № 22, л. 475.

⁵ АКА, д. 1727 года, № 23, л. 328.

⁶ АКА, д. 1728 года, № 22, л. 17 и об.

⁷ Там же, л. 20.

человек приехали⁸. Для Шакура было ясно, что Лоузанг-Шуну не шпион, по причине приезда его в степь он передавал, как увидим ниже, - не совсем правильно хотя в общем его объяснение не особенно расходится с истиной: Лоузанг-Шуну действительно бежал из Джунгарии, но не от угроз брата, а от угроз отца, вызванных клеветой брата.

Подозрительное отношение к джунгарцу, однако, настолько овладело калмыками, что он, рассчитывавший найти приют в калмыцкой степи и встретить благожелательное отношение к себе со стороны сородичей, на первых порах сильно разочаровался и порешил было бежать от калмыков. Он уже совсем приготовился к побегу, но его арестовал владелец Дондук-Омбо. 25 февраля Олдоксон сообщал Беклемишеву: «Приехавший хон тайшин сын, Лоузанг-Шонон, намерен был от калмык бежать, и к побегу он приготовил было лошадей и прочее, что Дондук-Омбо уведав, его поймал, и ныне его под караулом содержат⁹. Только одному из спутников Лоузанга-Шуну удалось бежать вместе с каракалпаком, содержавшимся у калмыков в качестве аманата. По этому поводу калмыки, по словам того же Олдоксона, стали говорить, что каракалпак бежал к хун-тайджи для доклада о калмыцких делах¹⁰. В судьбе Лоузанга-Шуну приняла участие Дарма-Бала, вдова хана Аюки. Хорошо осведомленная в джунгарских делах, она знала истинную причину бегства Лоузанга-Шуну из Джунгарии и понимала, что намерение его теперь бежать от калмыков было результатом влияния на его впечатлительную натуру пред'явленных к нему тяжелых обвинений в шпионаже, в котором он совершенно не был повинен. Дарма-Бала взяла Лоузанга-Шуну под свое покровительство и не только добилась освобождения из-под ареста, но и устроила его брак с дочерью Дондук-Омбо, Черень-Балзан. «Хон-тайшин сын, Лоузанг-Шонон, обретается при ханше Дарме-Бале, — доносил Беклемишеву Олдоксон 12 марта, «понеже ныне из-под караулу Дондук-Омбина освобожен»¹¹. А 5 июня толмач Андрей Иванов, посетивший улус Дарма-Балы, докладывал Беклемишеву: „уведомился он, толмач, будучи там, от

⁸ Там же, л. 36 об.

⁹ Там же, л. 99 и об.

¹⁰ Доклад Олдоксона Беклемишеву 12 марта; там же, л. 147.

¹¹ Там же, л. 147.

добржелательных калмык, что Дондук-Омбо отдает дочь свою за хон-тайшина сына Шононг-Лоузана, которой от отца своего ушел, и свадьба будет на сих днях" ¹². То же самое писал Беклемишеву 10 июня и дворянин Родион Рокотов, ездивший, по его поручению, к Дарма-Бале, при чем прибавлял, что сватовство уже закончено, и «во оных числах (Лоузанг-Шуну) женится» ¹³. Сторонница соединения калмыков с джунгарцами, Дарма-Бала после смерти мужа строила планы ухода калмыков в Джунгарию и, содействуя женитьбе опального сына хунтайджи на дочери Дондук-Омбо, вероятно, предполагала помирить Цеван-Габтана с сыном, представив последнего джунгарскому правителю в качестве зятя одного из самых влиятельных и сильных калмыцких владельцев. Связь женитьбы Лоузанг-Шуну на дочери Дондук-Омбо с предполагаемым уходом калмыков в Джунгарию усматривали многие в степи, в браке его видели доказательство того, что Шуну является агентом джунгарского хун-тайджи. 18 июля вышеупомянутый калмык Генден докладывал Голицыну, что хотя Лоузанг-Шуну и «объявил о себе, будто он к ним (калмыкам) бежал от гнѳву отца своего, хон-тайши, — а оной от отца своего не бежал, но под тем видом прислан к Дарме-Бале, со обнадеживанием, что он хон-тайши, будет к ним, калмыкам, немедленно, и их примет в свою протекцию. И о том наместник Черендондук и владельцы Дорджи-Назаров и Дондук-Омбо сомневаются, опасаясь, чтоб своих владений не лишиться. Но ханша Дарма-Бала его, внука своего Дондук-Омбу, с которым живет блудно, и сына своего, наместника Черендондука, обнадеживая, уверяет, что над ними над двоими ничего не делается, а над прочими владельцы хотя бы что и было, и им из того худобы не будет. И во знак того, — хотя им, владельцам, и противно было, — склонила и выдала за-муж за помянутого хон-тайшина сына Дондук-Омбину дочь, от чего, также и от того, что оной хон-тайшин сын в улусех их зело самоволен, так что кого хочет, того и бьет и ножом режет, и скот отнимает, все калмыки в великом несогласии. А хон-тайшу самого, или передовые его войски ожидают к нынешней осени» ¹⁴. При

¹² Там же, л. 333 об.

¹³ Там же, л. 341 об.

¹⁴ Там же, л. 475 и об.

общей деморализации владельческого класса, усилившейся с последних годов правления хана Аюки и особенно после его смерти в период калмыцких междоусобий (1723—1724 г. г.), описываемое Генденом поведение Лоузанга-Шуну ничем не отличалось от поведения большинства прочих владельцев и, вероятно, не обращало бы на себя особенного внимания, если бы он не был чужестранцем: то, что позволялось делать над подвластными калмыками и их имуществом калмыцким владельцам, и что считалось как-бы в порядке вещей, это самое ставилось в вину джунгарцу и возмущало калмыков. При том еще, они смотрели на него с предубеждением, и ничто не могло разубедить их в сложившемся взгляде на него, как на шпиона.

26 сентября калмык Тахту, вриславный к Беклемишеву с письмом от наместника Церен-Дондука, на словах передавал следующее: „Ныне к нему, Черендундуку, пришли (киргиз)—касацкие послы и говорили: в прошлом де году ушел от хон-тайши сын Лузын-Шонон,— дабы сво и аманатчиков, которые у них взяты в аманаты предшешшею осенью, также и которые яицкие казаки в прошлом и в нынешнем годех взяли у них людей и скот, и дабы, взяв у казаков, отдать им. А ежели де вышеписанного хон-тайшина сына, и аманатчиков, и взятого казаками—людей и скота он, Черендундук, не отдаст, дабы к ним приезжал на Яик реку, и будут они, казаки, ответственать ему о всем. А ежели де вышеписанных хон-тайши сына, и аманатчиков, и взятое казаками на срок в двадцать пять дней отдаст, и они де, казаки, будут с ними жить в миру. А ежели де оного он, Черендундук, на вышеписанной срок посланцов своих не пришлет и взятого им не возвратит,— и они де будут с ним воевать»¹⁵. Смысл требования, предъявленного киргиз-кайсаками к калмыцкому наместнику, отдать им сына джунгарского хун-тайджи в приведенном сообщении Тахту не вполне ясен. Но от того же 26 сентября имеется доклад Беклемишеву толмача Я. Татарина, вернувшегося из калмыцких улусов, куда он ездил „для проводыванья ведомостей“, который пишет, что киргиз-кайсаки, требуя отдачи им Лоузанга-Шуну, говорили: „он у нас главной будет“¹⁶. Группа киргиз кайсаков

¹⁵ Там же, л. 543 об.

¹⁶ Там же, л. 555 об.

решила выделиться из общей киргиз-кайсацкой массы и обосноваться на Яике, при чем в ее намерение входило овладеть казачьим Яицким городком и здесь расположить свои юрты. Предбудущего октября 25-го дня“,—передавал Татаринов слова киргиз-кайсаков Церен-Дундуку,—„пойдем мы на казачей Яицкой городок войною, а не для ясырю, но для места, чтоб быть нашим тут юртам“¹⁷. Требование киргиз-кайсаков должно было убеждать калмыков, что и среди киргиз-кайсаков стало известно о разрыве между Цеван-Рабтаном и Лоузангом-Шуну, исключавшем всякое подозрение на счет последнего. Если бы этого разрыва не произошло, то киргиз-кайсаки, терпевшие притеснения от джунгарского хун-тайджи, не наметили бы его сына в начальники себе. Но оказывается, и это известие не изменило сложившегося у калмыков взгляд на джунгарца. Против него нарастали новые факты. Посланец Церен-Дондука Сохур-Менко привез от киргиз-кайсаков одного „калмыченина“, принадлежавшего Лоузангу-Шуну. В числе других двенадцати человек он был отправлен из Джунгарии „с руку Лозан-Шонину для известия, что жив ли он, или нет“. Четырех человек из них задержали на заставе караульные из войска хун-тайджи, „а восемь человек ушло“. На пути, эти восемь человек подверглись нападению каракалпаков, которые „убили трех человек, а пять человек ушло“. Спасшиеся от каракалпаков джунгарцы натолкнулись на киргиз-кайсаков, „и оные касики побили четырех человек, а один у них ушел и прибежал к касаккому владельцу, Шамахи хану“, который и отдал его Сохуру-Менко в бытность его в киргиз-кайсацких улусах, когда велись переговоры киргиз-кайсаков с наместником Церен-Дондуком¹⁸. Казалось бы, никакие подозрения здесь не должны были иметь места. Привезенный калмыченин ехал из Джунгарии в калмыцкую степь не от Цеван-Рабтана, но от приверженцев Лоузанг-Шуну,—„с руку Лозан-Шонину“,—и имел поручение узнать, жив или нет опальный сын хун-тайджи. Но калмыки и здесь заподозрили какую то уловку со стороны Цеван-Рабтана. Как раз в это время возвратились в степь с посланцом Цеван-Рабтана Мамут и Сенко, провожавшие в 1724 году в Джунгарию Еке-Абугая¹⁹, и среди калмыков стало из-

¹⁷ Там же, л. 558.

¹⁹ См. выше, стр. 63 и 66.

вестно, что, — как докладывал Беклемишеву Давжин 22 октября 1726 года, — хун-тайджи „в предбудущую весну дочь свою отправит (к Церен-Дондуку), и пошлет проводить ее войска до половины пути“, а калмыцкие войска выйдут на встречу джунгарцам²⁰. Зная о намерении Дарма-Балы приурочить уход из России к моменту приближения джунгарцев, калмыки в определенном смысле объясняли ту особенную близость, которая установилась у Дарма-Балы и Дондук-Омбо по отношению к Лоузангу-Шуну, — неразлучно кочуя все трое вместе, они вырабатывают подробности плана ухода.

Закончился 1726 год. Наступил 1727 год, — толки о Лоузанге-Шуну не прекращались среди калмыков; напротив, удручившая атмосфера, окружавшая джунгарца, еще больше сгущалась. В вышеупомянутом докладе от 20 апреля 1727 года Суров писал Беклемишеву, что по калмыцкой степи ходят слухи, будто Лоузанг-Шуну склоняет владельца Дондук-Омбо заключить союз с джунгарским хун-тайджи и совместно с ним выступить против наместника Церен-Дондука. Дондук-Омбо, будто бы, уже согласился на это, и к хун-тайджи посланы соответствующие письма. В своем письме Дондук-Омбо, будто бы, просит, „чтоб он, хон-тайши, собрався с войском своим, пошел войною на Черендондука и на прочих владельцев того ради, чтоб Черендондука разорить и быть под властью хон-тайши“. Калмыкам известны были неприязненные отношения Дондук-Омбо к Церен-Дондуку, ходила по степи и глухая молва о подготавливавшемся нападении джунгарцев на калмыков; поэтому неудивительно, что циркулировавшие слухи о замысле Дондук-Омбо и Лоузанга-Шуну принимались за истину. Приверженные наместнику владельцы особенно стали возмущаться присутствием джунгарца в степи. Влиятельный зайсанг Яман „советовал наместнику и всем калмыцким владельцам взять Шуну со всеми при нем людьми под караул и из людей его одного пытать, который может им показать правду“. Вероятно, наместник и владельцы последовали бы совету зайсанга, но на защиту Лоузанга-Шуну опять выступила Дарма-Бала и отговорила сына от принятия предложенной Яманом меры²¹. Очевидно, она еще раз

²⁰ АКА, д 1726 года, № 22, л. 644 об. и л. 558 об.

²¹ АКА, д 1727 года, № 27, л. 328 и об.

доказала наместнику, что Лоузанг-Шуну „от отца своего, хон-тайши, ушел,“ и что возводимые на него обвинения—сухая клевета. Повидимому, после раз'яснений Дарма-Балы калмыки урезонились и оставили джунгарца в покое.

Как же смотрели представители русской власти на Лоузанга-Шуну? Состоявший при калмыцких делах Беклемишев тщательно собирал сведения о его личности и намерениях и всякое новое сведение сообщал в коллегия ин. дел и фельд-маршалу Голицыну²². Беклемишев и Голицын, кажется, скоро убедились, что уход Лоузанга-Шуну из Джунгарии был вынужденным, почему перестали смотреть на джунгарца, как на шпиона. Но не в его пользу говорило то, что он принадлежал к партии Дондук-Омбо и был враждебно настроен к наместнику Черен-Дондуку, при чем враждебные чувства переносил от наместника и на русскую сторону, которая поддерживала Черен-Дондука. Вот что рассказывал о своей встрече с джунгарцем дворянин Я. Татаринов полковнику Бахметеву в апреле 1728 года. Татаринов был послан к наместнику для истребования объяснений, почему калмыки оказали поддержку Бахта-Гирею, кубанскому султану, и помогли ему загнать в горы Салим-Гирея с 10 тысячами этсанцев, черкесов и запорожцев с 600 казаков под предводительством Мишки, „вора Игнашки Некрасова сына“. При возвращении от наместника, „едучи он, Татаринов, к Царицыну луговою стороною, в урочище, именуемом Той Коле, с'ехался с хон-тайшиным сыном, а с Дондук-Омбиным зятем Лоузанг-Шононом, которой тогда Яманова брата Дамрина улусу двух калмык прибил едва не до смерти, и во многих местах проломал и головы, и чают, что не будут и живы, и многих лошадей перестрелял, и в том улусе учинил великую конфузию,—спрашивал ево, Татаринова, где он был. И он, Татаринов, ему сказал, что был он посылан от полковника Бахметева к наместнику Черен-Дондуку с письмом, которое ему и отдал. И он, Лоузанг Шонон, спрашивал ево, Татаринова, с каким письмом он ездил. И он, Татаринов, ему сказал, что он ездил с письмом, а с каким, того не ведает. И он де, Лоузанг-Шонон, в том на него, Татаринова, сердился, и взял с него щипаль, которая была набита, и, как можно было видеть, едваль

²² См. „Экстракты“ Беклемишева от 14 февраля 1726 года, от 5 марта, от 1, марта, от 15 июня, от 1 ноября. АКА, д. 1726 годъ, № 22, лл. 33, 110, 171 об., 371, 657.

не хотел из нее застрелить, но бывший при нем зайсанг Газунг у него то же пицаль выпросил и отдал ему, Татариннову, по прежнему, и велел ему ехать прочь в путь ево, что он и učinил“. Описанный случай Бахметев изложил в докладе в коллегию ин. дел 17 апреля того же 1728 года²³.

Единомыслие с Дондук-Омбо и связанное с этим враждебное отношение к наместнику и к русской власти, сгладившееся, впрочем, с течением времени, послужили причиной того, что когда Лоузанг-Шуну заявил астраханскому губернатору И. А. Менгдену о желании вступить в русское подданство и служить России „во всякой верности“, то, как он упоминает в прошении к Петру II, его желание не сразу было доведено губернатором до сведения правительства.

2

В начале 1730 года Лоузанг-Шуну отправляет к Петру II посланца Самтаня с просьбою о принятии его в русское подданство. Упомянув в своем прошении, что он и раньше просил астраханского губернатора довести до сведения высшей власти о желании служить России „во всякой верности“, но что его желание почему то не доводилось до сведения императора, и тот ничего о нем не знает, Лоузанг-Шуну откровенно объясняет причины, вынудившие его бежать из Джунгарии и искать нового места жительства. „Он, Шунуй“, — читаем в прошении, — „умершего хана Аюки дочери ево — сын. И выехал в калмыцкие улусы затем, что он как был в улусах отца своего контайши, и ево, Шунуя, все войско контайшинских улусов весьма любили, и хотели по отце ево, Шунуя, учинить наследником. Чему завидя, отца ево, контайши, большой сын, а ево, Шунуев, брат разноматерней²⁴ на него, Шунуя, наговорил отцу их, контайши, умысля неподобные слова, и учинил между ими, Шунуем и отцом ево, вражду и ненависть. И отец их, контайши, хотел ево, Шунуя, убить до смерти“²⁵. Итак, Шуну должен был бежать из Джунгарии, спасая свою жизнь. Местом прибежища он избрал калмыцкую степь, где, имея в лице ханши

²³ АКА, д. 1728 года, № 27, лл. 68 об.—69, 97 и дал.

²⁴ Этот „разноматерней брат“ Лоузанга—Шуну был Галдан-Черень.

²⁵ АКА, д. 1730 года, № 36, л. 65.

Дармы-Балы и ее сына, наместника Церен-Дондука, близких родственников, еще больше укрепил родственные связи с ханским домом женитьбой на дочери Дондук-Омбо. Рассказав свою историю, Лоузанг-Шуну заявлял в прошении, что он „предается в подданство е. и. в-ства и желает служить во всякой верности“²⁶. Просьба Шуну о подданстве была удовлетворена уже после смерти Петра II. по вступлении на престол Анны Ивановны. 18-м марта датируется письмо к Шуну канцлера, гр. Г. И. Головкина: „Я, по указу ее в-ства, г-ни им-цы, ныне счастливо государствующей, к тебе пишу и напоминаю, чтоб ты, будучи в калмыцких улусах, при свойственниках своих, ее в-ству, нашей всеи-шей г-не им-це сам-це всерской, служил верно, как и оные свойственники твои, наместник ханства Черень-Дондук и прочие калмыцкие владельцы служат. А ее и. в-ство будет содержать тебя в своей им-ской милости. И ныне здесь посланец твой пред ее и. в-ство с прочими был допущен, и жалованье ему дано, и с им к тебе отпущен“²⁷.

17 июля Лоузанг-Шуну вновь пишет на имя Анны Ивановны. Высказывая радость, что получил указ им-цы,—что посланец его Самтань „был допущен видеть очи“ им-цы, и что ему, Шуну, обещано жалованье, джунгарец заявляет: „я не имею письма, с которым бы мог везде ездить невозбранно, также не могу сыскать для стреляния птиц и сайгаков себе и при мне обретающимся несколько человек пороху и свинцу. И того ради, в. г-ня, мать, прошу в. в-ства о мне рассудить и милостиво меня не оставлять“²⁸. Одновременно с этим Шуну пишет канцлеру: „Шунуево письмо Гаврилу Ивановичу Головкину дано. Ты там здравствуешь ли? Выслушавши я прежнего посланца письмо, и возрадовался. И того для, и ныне во ответ указ поскорее исходатайствуя, отправь. Зело прилично тем людям, между которыми нет вражды, быть в дружелюбии. И понеже как тебя, так и меня никакими вещьми удовлетворять невозможно,—чего ради вместо того я, яко странник, предаю самого себя“²⁹. Неизвестно, были ли исполнены наивные просьбы

²⁶ Там же; повторяется л. 79 и об. При своей просьбе („доношении“) Шуну презентовал императору *клей*.

²⁷ Там же, л. 70 и об.; повторяется л. 86 и об.

²⁸ Там же, л. 170 и об.

²⁹ Там же, л. 178 об.

Шуну о разрешении „езде ездить невозбранно“ и о выдаче пороху и свинцу для охоты на птиц и сайгаков, но от 31 августа Головкин отвечает Шуну: „К ее и. в ству, нашей всем-шей г-не посланец твой Лоузан представлен и поднос принят³⁰. И ее и. в ство указала мне тебя обнадеживать своею им-скою милостью. И по указу ее и. в-ства, посылается к тебе жалованье по приложенной при сем росписи. А помянутой твоей посланец с товарищи ее и. в-ства жалованьем пожалован и отпущен к тебе по прежнему“³¹. Шуну получил в „жалованье“ 4 пары соболей, по 14 р. 50 к. за штуку, на 58 р., 2 косяка камок, по 10 р., на 20 р., косяк камки в 5 р., мех беличий хребтовый в 3 р. и 5 аршин сукна, по 2 р. 50 к., на 12 р. 50 к.; всего—на сумму 98 р. 50 коп.³²

Таким образом, переход Лоузанга-Шуну в русское подданство был встречен правительством сочувственно. Правда, Шуну награжден был не так щедро, как награждались от двора, напр., калмыцкие владельцы, но следует принять во внимание, что он ничем еще не зарекомендовался по «службе», как новый подданный,—подарки давались ему в виде аванса и, как таковые, все же были довольно значительны. Правительство, очевидно, заинтересовалось личностью Лоузанга-Шуну—не столько, конечно, как внука хана Аюки, сколько как сына джунгарского хун-тайджи. Напомним, что Джунгария давно уже стала привлекать внимание России. При Петре I велись переговоры с Цеван-Рабтаном о соединении Джунгарии с Россией³³. Положим, эти переговоры ни к чему определенному тогда не привели, но тем не менее Джунгария не переставала оставаться в политическом кругозоре русских дипломатов.

Джунгарией еще больше был заинтересован соседний с Россией на Дальнем Востоке Китай. В Пекине было известно о местонахождении опального сына джунгарского хун-тайджи, любимого джунгарцами Лоузанга-Шуну. Как мы видели,

³⁰ „Подносом“ был „мушкатной орех“; там же, л. 170 об.

³¹ Там же, л. 178 об.

³² Там же, л. 191.

³³ Н. И. Веселовский—„Посольство к джунгарскому хун-тайджи“ и др., цит. выше.

одной из задач, возложенных пекинской дипломатией на посольство 1731 года, было привлечь Лоузанга-Шуну к активному участию в борьбе Китая с Джунгарией. При его посредстве, Пекин замыслил произвести в стране «реbellion», результатами которой явилось бы свержение Галдан-Черена и передача правления в руки Лоузанга-Шуну, который, как ставленник Китая, обязывался проводить в Джунгарии политику, выгодную для Пекина.

Сведения о переговорах манджуро-китайского посольства с Лоузангом Шуну, в бытность посольства в калмыцких улусах, имеются в Повседневной записке В. П. Беклемишева, представленной им в коллегия ин. дел при докладе от 4 июля 1731 года ³⁴.

3.

5 июня, в самый день первого приема ханом послов, по возвращении Беклемишева с торжества, к нему явился посланец от Шуну, калмык Шажу и доложил, что его владелец, находящийся сейчас от места свидания хана с пекинскими послами в расстоянии двух перекочевков, получил чрез посредство одного калмыца приглашение послов повидаться с ними, но не знает, следует ли ему принять приглашение, или отказаться от встречи с манджуро-китайцами. Лоузанг-Шуну, «по дружбе» с Беклемишевым, просит у него совета, как ему лучше поступить в данном случае. Беклемишев велел передать Лоузангу-Шуну, что видеться с послами он ему не советует, так как сам он знает, что китайцы были «всегдашние неприятели» его отца, и, вероятно, «оние посланцы желают с ним видеться не для чего иного, но только хотят уведомить о намерении Лоузанг-Шонине и о состоянии тамошних их улусов.» При этом Беклемишев находил тайное свидание Шуну с послами неудобным и по его социальному положению: «он — владелец знатной», — говорил Беклемишев. — «и увидеться ему с ними — не без предосуждения». Получив такой совет, Шуну прислал снова посланца поблагодарить Беклемишева за совет, которому и обещал исследовать: «видеться с китайскими посланцы (он) не будет», — сказал джунгарец ³⁵.

³⁴ АНА, д. 1731 года, № 41, лл. 127—155.

³⁵ Там же, лл. 136 об.—137.

Прошло после этого несколько дней. Конечно, послам стало известно, почему Шуну отказывается приехать к ним на свидание, и, секретно условившись с джунгарцем, они изобрели способ устроить свидание так, что сам Беклемишев оказался свидетелем его. 11 июня послы прислали к Беклемишеву известие, «что они к нему будут кофею пить». Каково же было удивление Беклемишева, когда «с четверть часа умедля» по получении известия о визите к нему послов, он увидел Шуну, под'езжавшего к ставке. Беклемишев понял, что джунгарец приехал к нему в данный момент не спроста, а «знатно—по согласию с китайскими посланцы». Он принял джунгарца, а «минуты с две умедля, пришли и китайские посланцы», в сопровождении «пристава», зайсанга Денжина. Главный посол Мандай сел около Шуну. «Кто это такой?» спросил посол Беклемишева, как будто не догадываясь, кого имеет соседом. Беклемишев назвал джунгарца по имени, отрекомендовав его калмыцким вла-цем и сыном джунгарского хун-тайджи. Тогда «посланцы ему обыкновенно отдали по своему обычаю честь» и завели с ним разговор частного характера. Посидев у Беклемишева «с час» времени и попрошавшись с хозяином, послы предложили Шуну посетить их жилище, находившееся от палатки Беклемишева саженях в десяти. Шуну поблагодарил послов и обещал прийти к ним. Беклемишев не получил приглашения. Создавалось неловкое положение. Выйдя из палатки проводить гостей, он стал раскланиваться с послами и с Шуну. Шуну спохватился,—остановившись на поддороге, он стал говорить, что «приехал к своему другу, подполковнику Беклемишеву,—чего же ради он его оставляет?» Волей-неволей, послам пришлось пригласить к себе и Беклемишева. В посольской кибитке его усадили «в переднее место», рядом с ним посадили Шуну, сами же расселись с левой стороны от них. Посольские слуги принесли гостям чай и водку. Выпивши водки, Шуну «стал уже шумен» и завел разговор о подвластных Китаю народах, а от них церевел речь к бурханам. Своими разглагольствованиями он порядочно наскучил послам,—они были «зело уже не ради» словоохотливому гоею, тем более, что время подходило к полночи. «Не пора ли тебе спать?»—деликатно намекнули послы джунгарцу. «Нет»,—ответил тот: «я еще зайду к единоверным мунгалам». Послы стали отговаривать джунгарца от

слишком позднего визита и, между прочим, указывали, что мунгалам нечем будет угостить его, так что лучше будет, если он отложит визит на «иной день». Но Лоузанг-Шуну стоял на своем. «Хоть трубку табаку выкурить зайду к ним в кибитку», — сказал он, прощаясь с послами. «Пришед против мунгальских палаток, он остановился и послал по мунгальцов». Беклемишев сделал последнюю попытку урезонить джунгарца «Тебе, как знатному владельцу, неприлично итти туда, куда тебя не зовут», — сказал Беклемишев. То же самое «неоднократно» повторил и зайсанг Данжин, удерживая Шуну. Но — напрасно; джунгарец был «уже очень шумен», «ничьих слов не слушал» и «пошел к мунгальцам в палатку». Дальнейших наблюдений Беклемишев не мог производить сам, — он вернулся в свою палатку, но послал к мунгалам тобольского дворянина Ив. Резанова, бывшего в конвоирах манджуро-китайцев от самого Тобольска, и саратовского толмача А. Иванова «для прислушивания». На другой день они доложили своему начальнику, что „Лоузанг-Шоно у мунгальцев сидел всю ночь и три часа дня, и все просил пить. И, напився пьян, повалился в их кибитке спать. Джунгарец «зело скучил» хозяевам, и никаких разговоров «кроме партикулярных», между ними не было. Проспав несколько часов, Шуну встал, стряхнул с себя хмель и отправился к главному послу, в кибитке которого собрались и прочие члены посольства. Его прихода, видимо, ожидали. Едва ли простою случайностью было то, что в посольском лагере он проображничал всю ночь, — раз уже состоялось знакомство джунгарца с манджуро-китайцами, они должны были договориться до сути дела, и для этого то назначался следующий день. Переговоры Лоузанга-Шуну с послами велись, можно сказать, совершенно «при закрытых дверях». Резанов и Иванов передавали Беклемишеву, что из посольской кибитки не только были удалены «лишние люди», но возле кибитки была поставлена охрана, так что подойти близко и подслушать разговор, происходивший в кибитке, не представлялось никакой возможности, а он длился «не малое время». Наверное, теперь пекинцы увидели Лоузанга-Шуну другим человеком, а не таким шелопаем, каким, возможно, он прикидывался вчера нарочно, чтобы сбить с толку наблюдавших за ним. Джунгарец остался у послов и на обед.

После обеда, — это было уже 12 июня, — Шуну зашел к Беклемишеву и «сказывал секретно, что китайские посланцы ему говорили, что как он, Лоузанг Шоно, от брата своего Галдан-Череня обижен, и мать его убита, и улусы отняты, — и ежели он, Лоузанг Шоно, пожелает отомстить брату своему и владеть улусами отца своего, чтоб он просил претекции богдыханова в-ства, в чем они его именем б-ва в-ства обнадеживают, что будет он содержан в милости, и улусы ему отца его отдадутся; сверх того, пожалован будет великим жалованьем, только б служил б-ву в-ству верно. А на брата его, Галдан-Череня, за его противности и непостоянства посланы от б-ва в-ства пресильные войска. «На слова манджуро-китайцев джунгарец ответил, что об обидах, причиненных ему братом, известно всем, и что он всеми мерами будет стараться «отыскивать» свои обиды. Но особенной надежды на богдыхана он не возлагает, так как ему известно о враждебных отношениях между отцом его и богдыханом, и он не может допустить, чтобы богдыхан забыл о них. Послы успокоили его на этот счет, — они сказали, что если он напишет «просительное письмо» к богдыхану, то получит «милостивой указ» от него.

Выслушав джунгарца, Беклемишев начал предостерегать его от излишней доверчивости к манджуро-китайцам. Он сам знает, — говорил Беклемишев, — насколько они „льстивы“, и что им нельзя ни в чем верить; знает Шуну и то, что манджуро-китайцы были чрезвычайно озлоблены против его отца, — они никогда не забудут нападений Цеван-Рабтана на китайские границы, но рано или поздно отомстят за это его сыну, лишь бы он только оказался в их руках. Что касается предлагаемой послами военной помощи против Галдан-Череня, то Шуну должен иметь в виду, что до сих пор манджуро-китайцам не удавалось свести счёты с джунгарцами, а, между тем, пусть он вспомнит, «через сколько поколений от их улусов китайцам бывало разорение?!» Не в силах и теперь манджуро-китайцы «вспомоществовать» Лоузангу-Шуну, если бы он понадеялся на них. Поэтому, вернее будет для него — говорил Беклемишев, — «искать способу и просить милости» у русской императрицы; «может быть, что ее в-ство способ ему сыскать прикажет». Но во всяком случае, — находил Беклемишев, — «писать ему к богдыхану не надлежит». Шуну заявил, что он и сам «на

китайцев надежды не имеет», — он только „манит“ их, рассчитывая получить от них подарок. Не расходясь в мнениях с Беклемишевым, он предпочитает искать «милости» от России и будет просить о дозволении ехать к двору, чтобы лично хлопотать по своему делу. Он оставит в степи жену и кибитки, числом до сотни, и, для безопасности, просит перевести их с дуговой стороны Волги на нагорную. Итак, «к богдыхану писать он не будет», а послам скажет, чтоб они донесли б-ву в-ству словесно, что от него слышали»³⁶.

Джунгарец не ошибся в расчете на подарки. 13 июня манджуро-китайцы послали к нему с своим «дворецким» Сономом 10 косяков камок, 200 чалм, 20 бахчей табаку³⁷, фарфоровые чашки и несколько других вещей. Благодаря за подарки, Лоузанг-Шуну поручил Соному до сведения послов, что он исполнит все, что ими требуется от него. Таким образом, разговор с Беклемишевым или велся в неискреннем тоне с стороны джунгарца, или за ночь он переменял свое решение³⁸.

На другой день, 14 июня к Лоузанг-Шуну приехало двое мунгалов из состава посольства. Их сопровождал толмач Ив. Флоров, который после рассказывал Беклемишеву, что мунгалы, сойдя с коней приблизительно сажень за 20 до намета, поставленного заранее, проследовали к нему пешком. Они ждали встречи, но из намета никто не вышел. Вступив внутрь намета и поздоровавшись с Шуну, мунгалы сели по местам. „Зачем вы приехали?“ — с напускной грубостью спросил их джунгарец. — „Для поздравления“, ответили те. — „А ты зачем приехал?“ — задал Шуну вопрос дворецкому Соному. — „Тоже для поздравления“, ответил дворецкий. В качестве угощения, мунгалам были поданы калмыцкая водка (арька) и вареное мясо. Шуну сначала „разговаривал партикулярно“ с гостями. Затем посланцы заявили, что имеют передать ему от главных послов некоторое предложение, в общем сходное с тем, какое сделано хану, но Шуну должен выслушать его без посторонних лиц. Шуну

³⁶ АКА. д. 1731 года. № 41. лл. 141—144.

³⁷ Бахча табаку весила три четверти русского фунта.

³⁸ АКА. д. 1731 года. № 41. л. 144 об.

удалил из намета „лишних людей“, в числе которых оказался и Флоров, так что ему не удалось слышать, о чем переговаривались с Шуну посланцы, тем более, что „и разговаривали они тихо“. По окончании разговора, высланные из намета, снова были приглашены войти в него. Флоров опять получил возможность прислушиваться к речам. Но посланцы и Шуну начали уже вести партикулярные разговоры. Между прочим, посланцы высказали желание познакомиться с женой Шуну, дочерью Дондук-Омбо, Черень-Балзан³⁹. „По повелению“ супруга, Черень-Балзан вошла в намет. При ее появлении посланцы встали и приветствовали ее, а мерин-зангин Горюзяп начал говорить, что вполне понимает и одобряет намерение ее отца освободиться от „протекции“ России. „То его желание — весьма доброе; токмо“, — прибавил он в тоне упрека, — „вы его удерживаете“. Шуну, услышав такие слова, осердился и принялся бранить мерин-зангина „матерно“, — „что де ты не дело говоришь“. Хотя посол и не понимал русской брани, которую пустил в ход джунгарец, но сердитая речь его заставила замолчать Горюзяпа и перевести разговор на безобидные предметы. Посланцы изрядно угостились у Шуну, так что от него „поехали в свой лагерь zelo шумны“⁴⁰. Дорогою Горюзяп, находившийся в состоянии сильного опьянения, затеял ссору с Сономом, дворецким главного посла. Ссора перешла в драку. Соном „с головы сшиб шапку“ у Горюзяпа, а тот, „ухватя его за груди“, стал кричать, понимает ли он, „служитель господский“, с кем имеет дело в лице Горюзяпа, и знает ли, что его господин состоит „за некоторую вину под штрафом и сюда послан оную заслуживать!“⁴¹. Флоров был очевидцем дикой сцены и не замедлил передать Беклемишеву о схватке мерин-зангина с дворецким.

15 июня состоялся последний прием послов калмыцким ханом, а 16 числа послы отдали прощальные визиты только двум лицам: престарелой сестре умершего хана Аюки, Дорджи-Араятань, вдове хошеутовского Очирту-Цеден-хана, и Лоузан-

³⁹ Имя жены Лоузанг-Шуну — Черень-Балзан (или Черень-Балзана) устанавливается ее письмами к кн. Ив. Ф. Барятинскому в 1732 году (о чем — ниже); см. нагр., АКА, д. 1732 года, № 43, лл. 366, 371, 382, 384, 386 и др.

⁴⁰ АКА, д. 1731 года, № 41, л. 146.

⁴¹ Там же, л. 147.

гу-Шуну, чем как бы подчеркивался особый почет им⁴². 17 июня послы выехали с Беклемишевым в Саратов.

Убеждения послов, соответствовавшие, надо полагать, и собственному настроению Лоузанга-Шуну, сделали свое дело. Послы увозили с собою в Пекин „просительное письмо“ его к богдыхану. Джунгарец, конечно, понимал, что скрыть свой поступок от „друга“ — Беклемишева ему не удастся, — письмо будет вскрыто и прочтено русскими властями. Но он не решился открыть свою „тайну“ Беклемишеву с глазу-на-глаз. Он отправил к нему письмо на имя императрицы, принятое Беклемишевым в самый день приезда к Саратову на луговой стороне Волги 19 июня. Прочитав письмо, Беклемишев понял все и 4 июля отправил его в коллегия ин. дел „для лучшего рассмотрения“, воздержавшись от собственных комментариев к нему⁴³. Вот что писал Лоузанг-Шуну к императрице: „ Всенижайше доношу: китайские послы мне об’явили, что их в г—рь о моем деле намерен стараться, и чтоб я причину того об’явил, и письмо о том дал, — что я и учинил. И сие благо, или зло, — еще не ведаю. А понеже напред, когда я и к вам посланца моего Лоузанг-Джимбу посылал и о причине моей доносил, и тогда и вы во время случаю обещали о мне в возможном стараться. И я, получа сию вашу милость и указ, зело возрадовался. Ныне, видится мне, к тому удобное время. О чем рассуждая, намерен я туды ехать. И о прежней вашей ко мне милости не во учинении в сем моем намерении препятствия и о пожаловании мне пути и прочего, что к тому принадлежит, полагаюсь в волю в. и. в--ства. И при том прошу, какую бы вы в том со мною милость ни сотворили, точию дабы она вскоре была исполнена, действием“⁴⁴.

Мы не знаем, в чем состояли обещания правительства „стараться“ по делу („причине“) джунгарца, и на что он мог рассчитывать в ближайшее время. Отметим лишь, что когда Беклемишев рекомендовал Лоузангу-Шуну „искать способу и просить милости“ у русской императрицы, при чем прибавлял:

⁴² Там же, л. 154 об.

⁴³ Там же, л. 155 и об.

⁴⁴ АКА, д. 1731 года, № 39, л. 204.

„может быть, что ее в-ство способ ему сыскать прикажет“, то создавалось впечатление, будто представитель власти располагал определенными сведениями из правительственных сфер, благоприятными для Шуну. Но это могло касаться только будущего. В данный момент правительство не могло обнаружить стремления пойти на встречу просьбе джунгарца о предоставлении ему дорожных средств для поездки в Китай, как и вообще о разрешении самого пути туда. Имея свои виды на Джунгарию и заботясь об укреплении дружественных связей с нею, правительство делало бы крупную услугу Китаю отправкой к нему Лоузанга-Шуну, в прямой ущерб для себя.

Ответа на просьбу джунгарца не приходило. 27 августа 1731 года он запрашивает Беклемишева, писал ли тот о нем еще раз в коллегия ин. дел; если писал, и ответа все же нет, то не знает ли, почему это⁴⁵. Не известно, что ответил Беклемишев, да и ответил ли. В данное время он был поглощен делами местного значения, имевшими свою важность, и, пожалуй, ему было не до Шуну. В калмыцкой степи назревали крупные события, в которых пришлось принять некоторое участие и нашему джунгарцу.

4

Провозглашение Церен-Дондука в звании калмыцкого хана 5 мая 1731 года было встречено крайним неудовольствием со стороны значительной группы владельцев, во главе которых стоял Дондук-Омбо, тесть Шуну. К этой группе принадлежал, между прочим, и Баксадай-Дорджи (Петр Тайшин), сын Чакдоржапа и внук Аюки. По смерти в 1730 году старшего из сыновей Чакдоржапа—Дасанга, Баксадай-Дорджи считал себя старшим в ханском роде и единственным полноправным кандидатом в ханы. По возведении Церен-Дондука в ханское звание, он написал письмо императрице и смело заявлял, что Церен-Дондук не годен для управления народом и не имеет права быть ханом: по калмыцким законам и по обещанию Петра I, ханом надлежит быть ему, Баксадай-Дорджи (Петру Тайшину), но никак не Церен-Дондуку⁴⁶. Составив заговор, группа недо-

⁴⁵ АКА, д. 1731 года, № 41, л. 214.

⁴⁶ АКА, д. 1731 года, № 43, л. 11 об.

вольных владельцев решила отбить силой у Церен-Дондука все его улусы. 26 октября 1731 года Дондук-Омбо во главе калмыцких войск двинулся из-под г. Красного Яра на хана, и хотя тот приготовился к обороне, но ханские войска не могли дать отпора противникам, превосходившим их численностью и искусством командиров. Русская помощь, о которой просил хан Беклемишева в письме от 1 ноября⁴⁷, не была подана, и 4 ноября хан потерпел жестокое поражение в урочище Сасколях, в 40 верстах от с. Селитряного на р. Ахтубе⁴⁸. Хану пришлось спасаться бегством. 23 ноября Беклемишев получил от него письмо: „Дондук-Омбо с Дасанговыми братьями Бату и Баксадаем (-Дорджи), и с сыном Дасанговым, и с Хошот-Дондуком, — шестеро, — улусы мои разбили и за мною гоняли. И покинул я с малыми людьми и, прятаясь, ушел. И стою в таком месте, что лошадей у меня нет, и мне корму не имею. И хочу я до вас доехать, только способу не имею, и не на чем. И побольше людей за мной пришлите, и меня к себе возьмите“. А посланец хана, Хашка словесно доносил, что хан „с малою его женою и 25 калмыками обретается подле Волги, выше Каменного Яра, на нарорной стороне, в луке верстах в 100 от Царицына“⁴⁹. Взяв ханские улусы, Дондук-Омбо не поцеремонился протянуть руку и к улусам „дамы сердца“ его, ханши Дарма-Балы. Напуганная судьбой сына, Дарма-Бала бросила свое имущество на произвол судьбы и поспешила укрыться в Саратове, откуда написала Беклемишеву жалобное письмо, полученное им 24 ноября, о злом поступке Дондук-Омбо и умоляла полковника помочь в беде⁵⁰. В двух следующих письмах, полученных 25 ноября и 1 декабря, она просит Беклемишева выдать ей пропитание, так как она находится в крайне бедственном положении, — ей буквально „пить — есть“ нечего⁵¹. С Церен-Дондуком и Дарма-Балой потерял улусы и Шакур-лама; ему тоже пришлось обращаться к русской помощи⁵².

⁴⁷ АКА, д. 1731 года, № 30, л. 822.

⁴⁸ Описание хода сражения и сведения о громадном числе убитых в бою см. у Новоселова, цит. изд., стр. 76, примечание 48; степь на протяжении 40 верст от Сасколей до Селитряного была усана чеповенскими трупами.

⁴⁹ АКА, д. 1731 года, № 39, л. 862.

⁵⁰ Там же, л. 867.

⁵¹ Там же, л. 977 и л. 909.

⁵² Письмо от 17 декабря; там же, л. 1020.

Лоузанг-Шуну кочевал в это время на верховьях р. Кумы. Близко не заинтересованный происходящими в степи событиями, но занятый больше собственной судьбой, он дожидался из столицы „отведи“ на свою просьбу о „пожаловании“ ему „пути“ в Китай. Но когда увидел пред собою ханшины улусы и один дом хана, двигавшиеся по воле Дондук-Омбо к югу на Кубань, в нем заговорил военный пыл. „На встречу ко мне“, — писал 29 апреля 1732 года Шуну князю Ив. Ф. Барятинскому, присланному с русскими войсками защищать хана, — „пришли ханшины, также и хана Черень-Дондука один дом его, и при том с тысячу кибиток их калмык. И я стрелял и рубил людей, а их никому не отдал, и от вершины Кумы реки пришел, памятуя ее и в-ства дело“⁵³. С захваченными кибитками Шуну подошел к г. Царицыну, где находился штаб русских войск. Своим выступлением Шуну, конечно, нарушал интересы тестя—Дондук-Омбо, хотя прямо против него не шел. Кроме того, Шуну изловил сына владельца Бату⁵⁴ и выдал его русским властям, а изловленный сын владельца был „другом“ Дондук-Омбо. Не верилось Дондук-Омбо, что в лице зятя он имеет врага. Он посылает гонца к Шуну и спрашивает его: „Подлинно ль ты мне неприятель? И хотя б мне неприятель был, только для чего ни одного слова не сказал? И которой друг мой был Батуев сын,—и ты для чего его, поймав, отдал?“ Напоминая о захваченной тысяче кибиток, Дондук-Омбо признает право владения ими за Шуну. Он говорит, что эти кибитки считает отданными Шуну,—отданными, вероятно, по решению Дондук-Омбо и его единомышленников. Неужели,—продолжает Дондук-Омбо,—„ты недоволен“ тысячью кибиток и только вследствие этого, „ничего мне не сказав“, ушел? Скажи,—настаивает Дондук-Омбо,—„неприятель ты мне, или друг?“ Дондук-Омбо не допускает мысли, чтобы Шуну стал его неприятелем, он хочет думать, что тот остался его другом. „И ежели друг, то уведомяй меня, кто неприятели, и кто приятели мне, и какое намерение имеют обо мне россияне, и что видел и слышал, то обо всем меня с ездоками уведомяй“. Дондук-Омбо обращается и к жене Шуну—своей дочери. Прежде всего, он успокаивает ее относительно себя: „Понеже ты—моя

⁵³ АКА, д. 1732 года, № 46, л. 504 об.

⁵⁴ Бату—сын Чакодуржана от наложницы; АКА, д. 1723—1725 годов, № 14, л. 45 об*

дочь, не печалься обо мне“. Затем просит ее подать точные сведения: „Лоузанг-Шуну в каком намерении ныне обретается, и кто мне неприятель? Також и об россиянех обо всем меня уведомя, понеже ты не малого ныне возраста и в разуме. И ежели признаваешь меня за отца своего, то оное исполни и обо всем меня уведомя“. Иметь корреспондентами зятя и дочь, соприкасавшихся с русскими властями, разумеется, чрезвычайно выгодно было бы для Дондук-Омбо. Он мог бы получать чрез них весьма ценные для себя сведения. Но мы знаем, что Шуну не сочувствовал взглядам и предприятиям тестя и в резкой, даже грубой форме оборвал посла Горюзяпа, когда тот вздумал было похвалить поведение Дондук-Омбо и осуждал Шуну и Черень-Балзан за противоречия и противодействия Дондук-Омбо. Жена Шуну всецело находилась под влиянием мужа и разделяла его отрицательное отношения к действиям отца. Она была за-одно с мужем и не протестовала, когда тот решил до сведения Барятинского полученное ими обращение Дондук-Омбо. 1 июля 1732 года Лоузанг-Шуну написал письмо Барятинскому и, передавая содержание речей Дондук-Омбо к нему и к жене, заявлял, что так как у него теперь „опричь ее и в-ства“ ни на кого нет надежды, то „и по присяге своей, и по подписке, что видел и слышал, о том и обявляет“ главному командиру войск, посланных против Дондук-Омбо и его приверженцев⁵⁵.

В лице Лоузанг-Шуну Барятинский имел, таким образом, человека, на которого мог положиться, тем более, что Шуну не был близко заинтересован исходом борьбы калмыцких партий. Шуну занимал изолированное положение в степи, будучи занят планами вернуться в Джунгарию и стать ее правителем. Повидимому, от надежд на помощь Китая он теперь отказался и «опричь» России ниоткуда не ждал содействия. Когда судьба вовлекла его в борьбу Дондук-Омбо с Церен-Дондуком, он начал действовать в контакте с Барятинским. Его не прельщала перспектива обладания тысячью кибиток в калмыцкой степи, которые присудил ему тесть. Он отдал их по принадлежности ханше Дарма-Бале и хану Церен-Донду-

⁵⁵ АКА, д. 1732 года, № 46, л. 648. Из оригинала письма на калмыцком языке видно, что при письме Лоузанг-Шуну посылал в подарок Барятинскому *сахар и клей* (Перевод М. М. Халышева).

ку. Но в то время, когда кибитки находились при нем, он позволил себе сделать такой шаг, который сопровождался для него большими неприятностями. По праву победителя, он брал скот и скарб у захваченных калмыков, чем сильно возмутил их против себя. Хозяева, поддерживаемые Церен-Дондуком, стали производить нападения на собственные кибитки Лоузанг-Шуну и братъ баранту. Завязалась ссора. Шуну принужден был жаловаться Бярятинскому на обиды от ханских калмыков и просил о пропуске за военную линию», где надеялся стать под защиту закона, а также иметь хорошее пастбище для скота. В своих письмах от 12 и 13 июня 1732 года Лоузанг-Шуну вспоминает о благодарности, полученной им от Бярятинского за деятельность в интересах государственного блага: „О том я весьма радуюсь“, но тем не менее, — заявляет Шуну, — мое положение сейчас весьма трудное: «от нападения воровством, нам прискучило»; «как ханские, так и других владельцев калмыки его калмыков грабят и скот отгоняют». Согласно прежнему распоряжению Бярятинского, Шуну кочует возле „линии“, но отведенная ему местность — и неудобная, и нездоровая: „Все мы в болезнях, и скот наш весь становится тощ“. Шуну просит Бярятинского пропустить его за „линию“, потому что «в таких местах, где суда нет, он, Шуну, жить не желает, а желает быть в таком месте, где суд бывает». Кроме того, Шуну высказывает желание повидаться с Бярятинским: «Когда персонально с вами увижусь, тогда у нас особливой разговор будет». Шуну хотел получить от Бярятинского дозволение ехать к двору или, в крайнем случае, хотя послать туда посланца. Но это предприятие он находил возможным осуществить только после пропуска за „линию“. «Когда в линию перепущен буду», — писал он, — „и в покое обретаться буду, то с вами персонально разговоры иметь буду“ касательно поездки к двору, или отправки посланца с ходатайством по своему главному делу⁵⁶. Свидание Шуну с Бярятинским состоялось. Бярятинский дозволил Шуну отправить посланца к двору, разобрал ссору Шуну с ханскими калмыками, при чем нашел, что Шуну должен заплатить, что следует, за неправильно забранный скот и скарб, но разрешения на переход за „линию“ не дал. 25 июня Шуну снова жалуется

⁵⁶ АКА, д. 1732 года, № 48, л. 196 и л. 208.

Барятинскому на причиненные ему обиды. Оказывается, ханские Богоуты не удовлетворились отданными 26 верблюдами, 111 лошадьми и коровами и 183 баранами, но «силою и воровством» взяли еще 11 верблюдов, 368 коров и лошадей, а у 12 его калмыков отняли платье и прочее, да угнали 21 лошадь с седлами. Шанжин, посланец Лоузанг-Шуну, сказал при этом Барятинскому, что после свидания его с Шуну ханские калмыки учинили великие обиды, а именно: одному человеку нашему переломили руку, да одного человека ранили стрелой, да 45 лошадей украли, да трех человек ограбили. И в том мы имеем великое опасение, и от улуса своего для нужд своих отъезжать не смеем.“ В виду такого напряженного состояния, Шуну просил у Барятинского дозволения перевести за «линию» пока хоть один скот, с небольшим числом пастухов, раз нельзя перевести все кибитки. Это до некоторой степени все же устраивало бы Шуну, так как табунный скот был бы спасен от захвата ханскими калмыками. «А ханские калмыки»,—прибавляет Шуну,—„другим никому таких обид не чинят,“ как его подвластным⁵⁷. Просьба о переводе скота за «линию» тоже не получила удовлетворения, и нападения на Шуну ханских калмыков продолжались. Шуну жалуется на это Барятинскому в письмах от 5 и от 10 июля, заявляя, что от калмыцких набегов приходит в совершенное разорение и не имеет покоя ни днем, ни ночью. Ханские калмыки не обращают никакого внимания на приказания ханши Дарма-Балы и Барятинского прекратить нападения на улус Шуну. «Где и как мне с улусом моим быть?!» в отчаянии спрашивает Барятинского Шуну⁵⁸.

Барятинский послал хану требование прекратить нападения калмыков на улус Лоузанга-Шуну. В ответ Церен-Дондук от 21 июля пишет Барятинскому, что «как надлежит», «по возможности», он постарается учинить суд над обидчиками Шуну, но дело в том, что хотя Шуну «прежде сего сделал добро и привел наших тысячу кибиток и отдал», но за взятый им скот и скарб, вопреки обещанию заплатить, не уплатил. Вследствие этого потерпевшие хозяева стали брать ба-

⁵⁷ Там же, л. 220.

⁵⁸ Там же, л. 241 л. 241 и л. 269.

рангу в его улусе, отчего и «учинилась ссора». Кроме того, некоторые подвластные Шуну калмыки сами «чинили воровство», а владелец отказывался платить штраф за украденный его калмыками чужой скот. Словом, — хочет сказать хан, — налицо имеется взаимная обида, и сам Лоузанг-Шуну столько же виноват, сколько и ханские калмыки, на которых он жалуется⁵⁹. Нет основания думать, что Лоузанг-Шуну писал свои жалобы под влиянием враждебных чувств к хану, — едва ли он их имел. Напротив, когда он услышал, что владелец Дондук-Даши⁶⁰, кочевавший ниже г. Черного-Яра, бранит Церен-Дондука и собирается с ним судиться, он в тоне осуждения Дондук-Даши написал об этом Барятинскому⁶¹. Но что касается отношений Церен-Дондука к джунгарцу, то можно подозревать недовольство хана принятой им тактикой невмешательства в калмыцкие распри. Повидимому, хану хотелось иметь Лоузанга-Шуну всецело на своей стороне, и он был недоволен, что Барятинский оказывает ему покровительство. Хан только на словах помнил «добро», сделанное ему Шуну, о котором пишет в вышеприведенном ответе Барятинскому, а между тем позволял своим калмыкам «чинить обиды» его улусу и даже неправильно показал, будто владелец не платит за скот и скарб, тогда как из письма Шуну к Барятинскому от 25 июня видно, что он заплатил, сколько следовало.

От 28 июля Шуну жалуется Барятинскому на обиды уже от русских людей и от солдат из команды, состоявшей при арестованном владельце Бакасадай-Дорджи (Петре Тайшине)⁶². Наконец, Барятинский внял настойчивым просьбам джунгарца и назначил для его кочевий место, которое сначала ему понравилось. 22 августа он пишет Барятинскому: «За показанное вами место, где мне кочевать, я радуюсь, и хорошо б мне как наискорее» перебраться туда. Однако, скоро обнаружилось, что радость Шуну была преждевременной. 31 августа

⁵⁹ Там же, л. 287.

⁶⁰ Дондук-Даши — сын Чакдоржапа и внук Аюкя; впоследствии — калмыцкий хан (1741—1761).

⁶¹ Там же, л. 241; письмо от 5 июля.

⁶² Там же, л. 302.

он пишет Барятинскому: „В здешних местах моих кормов не стало, и много имеется мертвых людей, и места стали быть нечисты. Тако ж и воровство чинится непрестанно. Хорошо бы ныне, вверху ⁶³ приискав, дали хороший остров»⁶⁴.

В сентябре письма Лоузанга-Шуну к Барятинскому прекращаются. Шуну заболел, и болезнь свела его в могилу.

5

Но вернемся назад, к июньским и июльским письмам джунгарца. До сих пор мы извлекали из них только тот материал, который свидетельствует о враждебном отношении к владельцу ханских калмыков. Он страдал от их нападений и разного рода мелких обид. Выше сказано уже, что его нейтралитетом остались недовольны обе калмыцкие партии, — каждой хотелось иметь его своим «другом». Шуну не пошел даже за своим тестем. Как джунгарцу, ему в одинаковой мере были чужды интересы и Дондук Омбо, и Церен-Дондука. Он был занят личной судьбой и с нетерпением ожидал хороших вестей из столицы. В то время, пока ему приходилось жить в калмыцкой степи, он трактовал себя русским подданным и поступал так, как внушала ему принятая и подписанная присяга на «верную службу». Свои «заслуги» он считал, по наивности, достаточным основанием к уверенности в том, что правительство, рано или поздно, изыщет для него «лучший способ» вернуться в Джунгарию с честью. В июне 1732 года он просит о разрешении послать посланца к двору, если нельзя ему ехать туда самому. На ту же тему беседовал он с Барятинским при личном свидании, а 1 июля прислал ему письмо для отсылки на имя императрицы с изложением заслуг в период калмыцких распрей и с просьбой не оставить его милостью. „А ныне опричь в. и. в-ства“, — писал Лоузанг-Шуну, — „у меня отца и матери нет, и во всех моих делах, в. и. в-во, как повелите“. В каком направлении желательно было для Шуну проявление «милости», об этом должен был словесно доложить его родственник, приехавший с ним из Джун-

⁶³ Вверх по Волге, от Царицына.

⁶⁴ Там же, л. 342.

гарию, зайсанг Бура⁶⁵. Легко сообразить, что Бура имел доложить при дворе о стремлении Лоузанг-Шуну вернуться в Джунгарию и должен был добиваться у правительства указаний «лучшего способа» к тому. 5 июля Шуну просит Барятинского ускорить отправку в столицу Буры с товарищами, в числе четырех человек⁶⁶. Надо полагать, Бура был отправлен, но какие результаты он привез с собою по письму джунгарца,—если застал его в живых,—нам неизвестно.

В ожидании решения своего дела, Лоузанг-Шуну подал Барятинскому два важных известия о Дондук-Даши. Одно—от 5 июля, что этот владелец, как бы подготавливаясь к какой то военной операции, поставил караул на краю своего улуса ниже г. Черного Яра, и другое—от 10 июля, что тот же Дондук-Даши с некоторыми другими владельцами покочевал вниз по Волге к Астрахани и, будто бы, намерен просить астраханского губернатора⁶⁷ о пропуске чрез Волгу на луговой берег Волги под Астраханью, а также о разрешении отправить посланцов к двору с жалобой на Барятинского, который не отдает ему и другим владельцам взятых людей и не позволяет посланцам калмыцких владельцев ехать к двору, где они рассчитывают найти защиту своих интересов⁶⁸. Надо пояснить, что из калмыцких владельцев Дондук-Даши был наиболее привержен к русской стороне и потерять его было бы невыгодно для Барятинского. Это и имел в виду Лоузанг-Шуну, сообщая Барятинскому, что Дондук-Даши—в обиде на него, и тем давая понять, что Барятинскому следует принять меры к „приласканию“ полезного владельца, тем более, что тот раздосадован еще и ханом, с которым, как сообщается в письме Шуну от 5 июля, он хочет даже судиться. Занимая нейтральную позицию, джунгарец, как заметно, старается держаться роли умиротворителя. Еще до начала междоусобий 1731 года, когда поссорились с Церен-Дондуком дети Чакадоржана, и дело чуть не дошло до оружия, он сумел своими речами «свести» врагов и помирил

⁶⁵ Там же, л. 235. В презент Шуну посылал императрице „огниво с пингогором“ (трутом).

⁶⁶ Там же, л. 241.

⁶⁷ Им был И. П. Измайлов, преемник И. А. Менгдена.

⁶⁸ Там же, л. 256.

их, хотя и не надолго⁶⁹. Действуя умиротворяющим образом на одну, калмыцкую сторону, он пытается действовать в том же духе и на другую, русскую сторону. Последнюю задачу преследуют письма его к Барятинскому о Дондук-Даши. С своим тестем, Дондук-Омбо, Лоузанг-Шуну, конечно, не в силах был ничего сделать,—тот обладал непреклонным характером и не способен был итти на какие бы то ни было компромиссы. Дондук-Омбо летал высоко. Его заветной мечтой было овладеть ханской властью, и он в конце концов получил ее, действуя с настойчивостью и умев подчинять внешние обстоятельства своей сильной воле. Шуну понимал, что в лице тестя он имеет дело с крупным человеком,—поэтому, прекратив бесполезные споры с ним, счел за лучшее предоставить его самому себе и отойти от него в сторону. Поведение зятя, как мы видели, озадачило Дондук-Омбо, и он стал в тупик пред вопросом, кто для него Шуну—враг, или друг? Правда, Лоузанг-Шуну передал Барятинскому содержание писем Дондук-Омбо. Но не потому ли он сделал это, что тот в это время находился уже за кубанской границей, вне черты уязвимости, и сообщение Шуну не приносило ему вреда, а самого Шуну, как зятя Дондук-Омбо, освобождало от возможных подозрений на счет соучастия с тестем. Кто знает, как поступил бы он в том случае, если бы тестю грозила опасность!

6

1 октября 1732 года Черень-Балзан прислала Барятинскому тревожное письмо о болезни мужа. „Шонина болезнь стала быть весьма тяжка“,—писала Черень-Балзан,—и за тем повезли его к Дарма-Бале, чтоб ввести ко бурханом. И за такою, вельми тяжкою болезнию, будучи в страхе, о том у вас совету не спросили. А он сам—безгласен и ничего не говорит. И вы как о болезни, так и обо всем нашем, дайте нам свой совет и, стараясь, пожалуйста—не оставьте“⁷⁰. Барятинский написал ободряющее письмо к растерявшейся от горя женщине, и 3 октября она отвечает ему: „Услышали мы ваш указ, возрадовались и благодарствуем. И хотели было мы кочевать за

⁶⁹ Там же, л. 235,—письмо к двору от 1 июля. О том же пишет Лоузанг-Шуну в письме к Барятинскому от 29 апреля; АКА, д. 1732 года, № 46, л. 504.

⁷⁰ АКА, д. 1732 года, № 48, л. 366.

ним, Лоузанг-Шоною; однако, приехав(шие) сказали нам, что стало легче. И для того, возвратясь, ближе прикочевали к Волге⁷¹. Из письма Черень-Балзан от 5 октября видно, что ее мужа не стало: „Шоно умре. А ныне как улус наш, так и нас в каком случае, жалую, содержать изволишь, в том полагаемся на волю вашу. А ее и. в—ство имея себе за отца и мать, и вас товарищем, жили мы“⁷². В дальнейших письмах от 6, 13, 19 и 27 октября Черень-Балзан говорит о своем тяжелом материальном положении после смерти мужа, так как, «собственных улусов» у нее с мужем было „малое число, и (они) скудны“, „собственного как скоту, так и других вещей много не было, а что было малое число, то она при жизни Шоны на нужды употребила“⁷³; просит, для угощения калмыков, приехавших хоронить ее мужа, прислать таких необходимых продуктов, как: пшено, рис, пшеничная мука, чай, вино и пр., так как, по их закону; „49 дней скотину резать обычаю нету“⁷⁴, сообщает о похоронах мужа⁷⁵, возлагает надежду на милость императрицы к ней, к Буре и к „прочим служителям“ Лоузанга Шуну, „которые с ним приехали“ из Джунгарии⁷⁶, и заявляет о своей готовности продолжать дело мужа, по мере сил: „хотя я против Шоны равное дело учинить возможности не имею, однакож—как могу, так во всем старание мое не отменю“⁷⁷.

Непонятно, что хотела сказать приведенными словами Черень-Балзан. Из документов 1732—1733 годов совершенно не видно, чтобы в бытность Барятинского в калмыцкой степи она принимала участие в каких-либо политических делах. Все время она просит лишь о воспомоществовании ей денежными средствами и о предоставлении подходящих условий жизни. 7 ян-

⁷¹ Там же, л. 371.

⁷² Там же, л. 382.

⁷³ Там же, л. 390.

⁷⁴ Там же, лл. 384, 390 об., 406 об., 410 об.

⁷⁵ Там же, л. 406.

⁷⁶ В улусе Лоузанг-Шуну числилось всего до сотни кибиток; см. выше, примечание 36. Это были кибитки, полученные в приданое за Черень-Балзан. Сам Шуну приехал из Джунгарии в сопровождении 7 спутников; см. примечание 4.

⁷⁷ Там же, л. 384.

варя 1733 года Бярятинский писал в коллегию ин. дел, что Черень-Балзан „с людьми своими впушена в линию“, и что „по прошению ее, видя скудость и к пропитанию недостатки ее, (он) определил ей с людьми на корм по 30 коп. в день“, каковые деньги выдает из казны, находящейся при нем⁷⁸. 26 апреля того же года она приехала в Царицын на квартиру Бярятинского и лично стала просить, „чтоб для летнего ей пропитания, также и прочим ее калмыкам дать дойных коров и кобыл“, на что Бярятинский ответил, что у него „коров и кобыл не имеется, а ей, Черень-Балзане, дается ее и. в—ства жалованье—кормовые деньги“, что касается подвластных ей калмыков, то „чем напред сего и прошедшую зиму они питались“, тем пусть питаются и теперь. На это Черень-Балзан ответила, что ее калмыки раньше имели пропитание от скота, а теперь у них скота нет, „ибо оной скот весь у них разграбили ханские калмыки как при муже ее, Лоузанг-Шоне, так и после ево“, о чем известно и Бярятинскому. „А прошедшую зиму она, Черень-Балзана, имела себе пропитание чрез дачу ей кормовых денег, також и прочим ее калмыком дано было от г-л—та на пропитание по четверти муки. А потом, чего им есть, не стало. И те ее калмыки продавали с себя тулупы и седла, и покупали себе пищу. А ныне они для пропитания у себя ничего не имеют“, —прибавила Черень-Балзан. Бярятинский велел ей ожидать возвращения посланца, отправленного к хану „для забраня ее улусов“, которые Церен-Дондук неправильно присвоил себе⁷⁹.

9 мая, по возвращении от хана посланца, —им был выше-названный зайсанг Бура, родственник Черень-Балзан по мужу, —она снова явилась к Бярятинскому и заявила, что хан не отдает улусов, но требует, чтобы „она пришла кочевать к нему, хану,—тогда де он, хан, и улусы ей отдаст“. Причиной, почему хан теперь не хочет возвратить улусы, является дошедшее до него „нарекание“ Дондук-Омбо, будто Церен-Дондук „отдал неволею“ Черень-Балзану Бярятинскому, и будто она содержится последним „под караулом“. Бярятинский приказал зайсангу снова ехать к хану с предложением, чтобы тот

⁷⁸ АКА, д. 1733 года, № 55, л. 8 об.

⁷⁹ АКА, д. 1733 года, № 54, л. 10 и об.

приказал сейчас же „отобрать особливо“ от других улусов улусы Черень-Балзан и велел бы улусам ее „прикочевать ближе к Царицыну“, а за нею прислал бы „с своими нарочными лошадей и верблюдов“, так как ей не на чем кочевать к хану: „при ней, Черень-Балзане, никакова скота не имеется“. Черень-Балзан осталась довольна распоряжением Бярятинского и „благодарила“ его⁸⁰. 9 мая и хан и ханша писали Бярятинскому, что для переправы Черень-Балзан, согласно его указанию, посланы два человека с лошадьми и верблюдами⁸¹.

Но в настроении Черень-Балзан произошла перемена. 11 июня она прислала к Бярятинскому посланца Зерге и заявила, что кочевать при хане и ханше не хочет „для того, что будучи у хана в улусех никакова добра и почтения себе быть не надеется“. С другой стороны, боится и отдельно кочевать. „Служители“ ее мужа: Лоузан-Джамбо, Дорджи-Бзанг и другие принуждают ее силой выйти за-муж за Бура, чего она не желает. Кроме того, они требуют „итги от Царицына прочь и кочевать при хане“, надеясь при помощи хана заставить ее вступить в брак с зайсангом. Вообще, „служители“ мужа „не слушают (ее) и не почитают, и она, Черень-Балзана, боится их, чтобы они ее не убили“. Она просит Бярятинского „содержать ее здесь, при Царицыне, до отца ее, Дондук-Омбы. А когда он прикочует к Волге, то б ее отпустить к нему, или куда пожелает“. Владелица высказывает недовольство и тем, что „ханские присланные к ней посланцы—люди весьма незнатные, и чем они ее обнадеживают, в том она им не верит“. — Бярятинскому пришлось спровергать все эти опасения и дурные предположения и доказывать, что для самой Черень-Балзан лучше будет кочевать вместе с ханом и ханшей. Он отправит при ней в дорогу офицера, ей даны будут особые письма к хану и ханше, она непременно получит свои улусы и будет жить совершенно спокойно. Толмач Я. Самсонов, посланный Бярятинским к Черень-Балзан, долго говорил с ней и привез от нее такой ответ Бярятинскому: „Ежли г.-л — т изволит показать к ней свою милость, то бы пожаловал отпустить ес, Черень-Балзану, к отцу ее Дондук-Омбе, или—содержать здесь при себе. А к хану

⁸⁰ Там же, л. 37.

⁸¹ Там же, л. 52.

она ехать не желает. А буде того учинить невозможно, то она, Черень Балзан, принуждена будет ехать к хану. Токмо, будучи при хане, никакова добра быть себе не надеется. А ныне во всем полагается в волю и рассуждение г. г.-л-та и требует на сие известие⁸². Барятинский не склонился на эти просьбы. 18 июня он дал приказ прапорщику нижегородского пехотного полка Карпу Матюшкину проводить Черень-Балзан до кочевий хана и ханши, „переправя ее, Черень-Балзану, со обретающимися при ней калмыками, и скотом, и багажом их чрез Волгу против Ахтубы на лодках“⁸³. А в письмах к хану и ханше просил, чтобы они приняли владелицу по-родственному, содержали бы ее, „яко сродницу, в своем призрении и в надлежащем довольстве“, охраняли бы „от всяких обид“ и показали бы местность, где ей „кочевать, по-близу от себя“⁸⁴.

Дальнейших сведений о судьбе Черень-Балзан в нашем распоряжении нет. Барятинский, принимавший живое участие в судьбе вдовы Лоузанг-Шуну, по окончании калмыцкой комиссии, в июле 1733 года оставил калмыцкую степь, получив назначение командовать военным корпусом под Ригою⁸⁵. В бумагах г.-м. А. И. Тараканова, в ведение которого поступили калмыцкие дела, имя Черень-Балзан не встречается.

В марте 1735 года состоялось окончательное решение правительства сместить Церен-Дондука с ханства, так как он оказывался „слаб и бессилен, и за пьянством весьма к правлению калмык недостоин“. Стать во главе калмыцкого народа приглашался с Кубани владелец Дондук-Омбо „понеже по всему видно“ стало правительству, что калмыцкий владелец Дондук-Омбо—человек умной и команду может содержать твердо, и по имеющему(ся) в том народе кредиту к тому способен“⁸⁶.

Как отнесся к „памяти“ зятя „мятежный“ Дондук-Омбо, облеченный теперь высокой властью, по нашим документам не

⁸² Там же, лл. 54—55 и л. 58.

⁸³ АКА, д. 1733 года, № 55, л. 160.

⁸⁴ Там же, л. 158.

⁸⁵ Б. Адамович—, Кв. И. Ф. Барятинский, в ж. „Русская старина“ за 1904 год, август, стр. 443—456.

⁸⁶ Грамота к астраханскому губернатору И. П. Измаилову, от 20 марта 1735 года; АКА, д. 1734 года, № 70, л. 58.

известно. Но, наверное, эта память не была дурною, потому что солидарная во взглядах с мужем дочь Дондук-Омбо, Черень-Балзан, как мы видели, не боялась показаться на глаза отцу, —напротив, просила Барятинского отпустить ее к нему, да и Дондук-Омбо не безразлично относился к дочери, так как высказывал опасение за ее судьбу⁸⁷. С приездом Дондук-Омбо в калмыцкую степь в звание главного управителя калмыцкого народа, для Черень-Балзан должны были наступить лучшие дни. Как умный человек, Дондук-Омбо не мог не отнестись с уважением к личности Лоузанг-Шуну, не мог не признать искренности в его стремлениях прийти, так или иначе, на помощь Джунгарии, из-за которой, может быть, он забывал родство с тестем и не шел с ним рука-об-руку,—новый хан не мог не простить умершему зятю обиду, если раньше имел ее.

7

Бросим общий взгляд на личность Лоузанга-Шуну, как политического деятеля, и отметим приемы, которыми он стремился осуществить свои планы.

Как националист, он не в меньшей мере, чем его отец, правитель Джунгарии Цеван-Рабтан, был обеспокоен будущностью страны, борющейся за независимость. Непрерывные войны с манджуро-китайцами давали только частичные успехи джунгарцам, приобретаемые ценою громадного напряжения энергии и затраты материальных средств. В сознании, что собственными силами нельзя справиться с могущественным Китаем, двигавшим на Джунгарию восточные монгольские племена, джунгарцы ищут союзника. Взоры самого Цеван-Рабтана обращаются к России, и он начинает переговоры с нею о протекторате, но, под давлением сильной национальной партии, хунтайджи принужден отказаться от своего плана. В угоду этой партии, волей-неволей с 1723 года он вступает в сношения с приволжскими калмыками, в целях склонить их к переходу в Джунгарию и составить вместе с ними против Китая внушительную политическую группу. Этот план, которому мало сочувствовал и сам хун-тайджи, не сопровождается успехом.

В бегстве Лоузанга-Шуну из Джунгарии всего меньше надо предполагать действие причин политического характера. Джунгарца нельзя заподозрить в измене политическим интере-

⁸⁷ См. выше, примеч. 80.

сам страны,—он пользовался любовью войска и народа. Но ему надо было спасать жизнь от происков брата Галдан-Череня, который опасался, что Цеван-Рабтан объявит его наследником и передаст ему правление Джунгарией, чего Галдан-Черень сам домогался. В калмыцкой степи Лоузанг-Шуну не расстается с мыслями о Джунгарии и живет надеждами на ее и на свое собственное лучшее будущее. Завязав родственные связи с самым влиятельным владельцем, Дондук-Омбо, и не без его влияния, джунгарец сначала разделяет неприязнь калмыцкого — владельца к России, почему калмыки и замешивают его в план Дарма-Балы и Дондук-Омбо относительно ухода в Джунгарию. Но когда Дондук-Омбо входит в переговоры с кубанским султаном, то обнаруживается, что Лоузанг-Шуну совсем не джунгарский шпион,—он забывает о неприязни к России и становится русским подданным. Джунгарец делает это с одной стороны для того, чтобы легализировать свое положение в калмыцкой степи, а с другой—в расчете иметь поддержку от русского правительства в тот момент, когда придет его „случай“, и можно будет с честью вернуться в свою страну. Таким образом, в джунгарском вопросе Лоузанг-Шуну принимает теперь ту же ориентацию, которой держался Цеван-Рабтан. Русское правительство обещает поддержку джунгарцу.

В 1731 году маньчжуро-китайское посольство делает Лоузангу-Шуну заманчивое предложение воспользоваться услугами Пекина при достижении власти над Джунгарией. Принимая это предложение, джунгарец не скрывает от императрицы посылку письма к богдыхану и выражает надежду, что она не оставит его вниманием и после этого. Конечно, поступок Лоузанга-Шуну приходится расценивать как дипломатическую игру на два фронта, не обещавшую выигрыша в ближайшем будущем. Но положение джунгарца было таково, что ему, как стороннику русской ориентации, не хотелось порывать связей с Россией. Предлагаемая Китаем помощь—удалить Галдан-Череня из Джунгарии казалась ему приемлемой, но в дальнейшем, на взгляд азиата, не исключалась возможность обратиться за содействием к России. Вероятно, Лоузанг-Шуну рассчитывал, утвердившись в Джунгарии, сбросить потом иго Китая при помощи России. Мы не знаем, что везло для Шуну от богдыхана новое посольство, отправленное из Пекина в калмыцкую степь, но не допущен-

ное сюда. Калмыки же, возвращавшиеся в степь с этим посольством из китайской столицы, имели письмо к джунгарцу от пекинского Донир-аран-джамбо. Письмо приведено у нас выше⁸⁸. В письме не затрагиваются вопросы политики, но некоторые выражения и общий почтительно-приветливый его тон заставляют придать ему большее значение, чем это может показаться с первого взгляда. Прежде всего, в обращении к джунгарцу Донир не вспоминает об его отце, но называет «дитятей» своего «господина», т. е. хана Аюки, из улуса которого проехал сам аран-джамбо. Конечно, „забвение“ о Цеван-Рабтане не случайно. Донир намеренно счел лишним вспоминать о том, кто нанес неза заслуженную обиду сыну, при чем аран-джамбо мог иметь в виду и свои личные оскорбления, испытанные от джунгарского хун-тайджи. Обособляя Лоузанга-Шуну от Цеван-Рабтана, Донир хочет смотреть на джунгарца, как на прямого и ближайшего наследника доблестей знаменитого Аюки, поэтому он называет его не внуком, но сыном калмыцкого хана. Весть о благополучном пребывании („здоровьи“) Шуну в калмыцкой степи, в дедовских владениях, — пишет аран-джамбо, — доставила ему большую радость («зело тому порадовался»). Почему же? Не потому ли, что самым удобным местом жительства для Лоузанга-Шуну в его положении Донир признавал калмыцкую степь, состоявшую под русской „протекцией“? Не хотел ли он предостеречь джунгарца от доверчивости к всякого рода „посулам“ маньчжуро-китайцев? Не имел ли намерения внушить мысль о необходимости искать поддержку только в России, к которой тяготел и сам аран-джамбо? Письмо его к Лоузангу-Шуну написано до возвращения в Пекин первого посольства 1731 года, так что Донир не мог знать о настроении Лоузанга-Шуну, вылившемся в просительное письмо к богдыхану, но, как „хранитель прав“, он был в курсе китайско-джунгарской политики и был осведомлен по части того, какие надежды возлагает пекинская дипломатия на джунгарца. В политике Китая относительно Джунгарии аран-джамбо не усматривал пользы для Лоузанг-Шуну и рекомендовал „дитяти“ хана Аюки оставаться в калмыцкой степи, продолжая пользоваться благополучием пребывания там („здоровьем“).

Письмо Донира не застало джунгарца в живых, и бесполезно гадать, какое впечатление могли произвести на него

⁸⁸ Стр. 115.

слова того, кто сам стремился в калмыцкую степь из Пекина. В распоряжении историка остается тот факт, что, не дожидаясь „милостивого указа“ от богдыхана, Лоузанг-Шуну собирался ехать в Китай и так как он не отваживался пускаться в дорогу нелегальным порядком, на свой страх и риск, то стал просить русское правительство о разрешении ему „пути“. Разрешения не последовало, а когда 14 октября 1732 года в сенате был получен „лист“ из пекинского трибунала с просьбой богдыхана, по докладу Мандая, отпустить Лоузанга-Шуну в Китай, то правительству оставалось послать в трибунал сообщение о смерти джунгарца, что оно и сделало 20 января 1733 года⁸⁹.

Если план действий Шуну был именно таков, каким мы его представляем,—раз в намерения джунгарца входило, воспользовавшись услугами Китая, обратиться затем к России за помощью против Китая, то этот план не встретил сочувствия в русских дипломатических кругах. Правительству в данное время не улыбалась перспектива осложнения добрососедских отношений с Китаем из-за осуществления национальных идей, выразителем которых являлся Лоузанг-Шуну. Мы знаем, с каким особым вниманием и почетом были приняты в Москве манджурь-китайские послы в 1731 году. Это делалось не спроста. Правительство было заинтересовано торговлей с Китаем и выгодным для себя разрешением спорного вопроса о государственных границах. Ссориться с Китаем не приходилось,—напротив, надо было укреплять дружбу с ним. Таким образом, если бы правительство решило помочь Лоузангу Шуну, то оно должно было бы выбрать такой удобный момент, когда открывалась бы возможность действовать в Джунгарии, не затрагивая Китая. Удобный момент не наступал, а смерть Лоузанг-Шуну положила конец тому делу, выполнением которого был озабочен опальный сын джунгарского хун-тайджи. В выигрыше все-таки оказался Китай. В 1755 году Джунгария была вынуждена подчиниться богдыхану и из свободной страны превратилась в китайскую провинцию.

Но если бы даже осуществился план Лоузанга-Шуну, клонившийся к признанию русского протектората, большее удобство которого, в сравнении с манджуро-китайским протекторатом, с течением времени все больше и больше стали понимать

⁸⁹ *Бантыш-Каменский*, цит. изд., стр. 195—196 и 205.

сами джунгарцы, почему и начали массами выбегать в русскую сторону⁹⁰, то в этом случае они не нашли бы, конечно, того, чего искали,—природа империализма повсюду одинакова. Что касается приволжских калмыков, то русский протекторат над Джунгарией не отразился бы на них в смысле успокоения, так как продолжали оставаться налицо причины тяжелой политико-экономической жизни, заставлявшие свободолюбивый народ искать выхода и обращавшие его надежды то на Кубань, то на Крым и Азов, то на Бухару, то на Персию, то, по прежнему, на Дальний Восток⁹¹. В 1771 году калмыки ушли в Китай. Но единая природа империализма не исключает различия в степенях его жестокости. В Китае калмыкам стало еще тяжелее, чем было в России⁹². В одной старинной калмыцкой песне, сложенной в Китае и оттуда попавшей в калмыцкую степь на Волгу есть интересный стих: „Орсин олен покстас алдрхларн, Кит дын томр покта орвдн“, т. е.: „освободившись от пеньковых недоузтков России, мы попали в железные недоузтки Китая“⁹³.

Манджуро-китайские посольства 1714 и 1731 годов, равно как и „подзвывы“ далай-ламы, влиявшего на приволжских калмыков в направлении, желательном для богдыхана⁹⁴, все это — последовательные стадии в развитии и осуществлении определенной манджуро-китайской политики, направленной к тому, чтобы сделать калмыков подвластными богдыхану.

25 октября 1923 года.

23 августа 1926 года.

⁹⁰ *Вантыли-Каменский*, цит. изд., стр. 266 и дал.

⁹¹ См. выше, стр. 74; — „Очерк“, цит. выше, стр. 54—55.

⁹² „Очерк“, стр. 80—83.

⁹³ Сообщением этой песни (6. XI. 23) я обязан *Л. К. Карвину*, записавшему ее в глухой степи, в Икицохуровском улусе.

⁹⁴ „Очерк“, стр. 72.

VIII

Отправка калмыцкого посольства в Тибет в 1737 году.

1

В сношениях с Джунгарией и Китаем приволжские калмыки преследовали определенные цели: они искали сторону, где им жилось бы легче, и изобретали более удобные способы откочевать туда. Совсем другого рода задачи стояли перед посольством, отправку которого в Тибет исхлопотал у русского правительства Дондук-Омбо в 1737 году.

После того, как этот мятежный владетель был призван правительством к власти у калмыков и вернулся с Кубани в степь в звании главного управителя калмыцким народом, он перестал думать об уходе с калмыками из России, но озабочился укреплением своего положения. Удачные военные операции на С. Кавказе, за которые на калмыцкие войска и, в особенности, на их предводителя сыпались щедрые дары императрицы¹, обеспечивали главному управителю калмыцкого народа ханский титул. Но для калмыцкого предводителя требовалось не только получить ханское звание от русской императрицы, но, главное, иметь санкцию на него от далай-ламы. Калмыцкие посланцы, ехавшие в Тибет, говорили толмачу Савинову, сопровождавшему их, что калмыцкий народ считает настоящим ханом только того, кому далай-лама даст соответствующую грамоту и печать: «Калмыцкой народ ханство калмыцким владельцам наивяще узаконяет от далай-ламы», — так передавал Савинов речи калмыков в коллегия ин. дел². Надо заметить, что в то время, когда у Савинова происходил разговор на эту тему с калмыками, Дондук-Омбо был уже про-

¹ „Очерк“, цит. выше, стр. 43.

² АКА, д. 1753 года, № 237, л. 16; см. „Приложение“ 1.

возглашен ханом³, — тем не менее, глава посольства Джамбо-Джамсо в словесных и письменных переговорах с Түшету-ханом о пропуске калмыков чрез границу его владений продолжать называть Дондук-Омбо владельцем и только в переговорах с русскими властями именовал его ханом⁴. В ожидании ханской печати от далай-ламы, Дондук-Омбо и в звании хана продолжал прикладывать к официальным бумагам прежнюю свою владельческую печать малого формата⁵, и так как ожидаемой от далай-ламы ханской печати ему не пришлось получить, то он пользовался владельческой печатью до конца жизни.

Оставляя в стороне поклонение тибетскому далай-ламе, мы должны считать, что целью посольства 1737 года было исходатайствование у далай-ламы утверждения им Дондук-Омбо в ханском звании. С этим была связана и другая цель — добиться у далай-ламы признания одного из сыновей Дондук-Омбо от кабардинки Джан⁶ в правах ханского наследства. Об этом калмыцкому хану приходилось серьезно думать. Состояние здоровья не обещало ему долголетия, — организм был поражен болезнью⁷, и силы были надорваны непрерывными походами. Хану было всего 45 лет, но он чувствовал, что долго не проживет. С другой стороны, его жене, названной выше кабардинке Джан весьма хотелось укрепить ханскую власть за своей семьей, и она убедила мужа остановить выбор преемника себе на Рандуле, старшем из сыновей Джан, что делалось в обход прямому наследнику, природному калмыку Галдан-Нормо от первого брака Дондук-Омбо на калмычке Божаке. Лишение Галдан-Нормо прав наследства об'единило вокруг него

³ Грамота об этом датируется 31 марта 1737 года; об'явление Дондук-Омбо в ханском звании было поручено донскому войсковому старшине (впоследствии атаману), Даниле Ефремову. АКА, д. 1737 года, № 89, л. 21 и дал.

⁴ АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 16 об.—17.

⁵ Размером 15 мм.×15мм. Печати других калмыцких владельцев больше этой.

⁶ Впоследствии кн. В. Дондукова, оставившая крупный след за собой в калмыцкой истории.

⁷ Дондук-Омбо давно болел „французскою болезнью“, от которой тщетно искал помощи у калмыцких эмчи (докторов). О его болезни знал А. П. Вольтский и поместил о том ряд заметок в своем „журнале калмыцким делам“; АКА, д. д. 1723 — 1725 годов, № 14, лл. 202 об., 206, 208, 210, 211 об. 242 об.—243; ср. У. Д. Душан — „Общий обзор медико-санитарного дела в Калмыцкой степи“ в ж. „Калмыцкая Область“ за 1926 год, № 1 (4), стр. 82.

калмыков, продолжавших думать, что старинная автономия не отнята у них русским правительством, и что, по национальным законам, они должны иметь правителем, после смерти хана, старшего ханского сына. Но главное, возле Галдан-Нормо об'единились все калмыки, которых возмущали деспотизм и жестокости Дондук-Омбо. Упоенный властью, ослепленный победами во многих войнах и избалованный милостями императрицы, хан дошел до того, что, по словам своего преемника по управлению калмыками, Дондук-Даши, «не взирая ни на владельцев, ни на знатных, ни на подлых, ни на духовных, ни на всякий мужеский пол и женский, иных умершвлял, других арестовал, а иных и вовсе искоренял, а потом писал об них, что яко бы они какую-нибудь противность учинили»⁸. Следствием этого было восстание калмыков против Дондук-Омбо в 1733 году, при ликвидации которого широкой рекой лилась кровь⁹.

Посланцы хана не открыли Савинову второй цели своей поездки к далай-ламе, — ее открыл сам Дондук-Омбо в письме, посланном в коллегии ин. дел не задолго до смерти: хан умер 21 марта 1741 года, а 4 марта того же года в коллегии рассматривалось это его письмо. Дондук-Омбо доводил до сведения правительства, что он поручил своим посланцам в Тибет назвать пред далай-ламой трех его сыновей от Джан¹⁰ с тем, чтобы далай-лама «к владению и правлению народом из оных трех сынов его одного, которого заблагорассудит, назначил» в наследники хану. Ожидая от далай-ламы указа, по которому «учинено быть имеет» исполнение, Дондук-Омбо заявлял: «А буде точного к назначению указа не будет, то он, хан Дондук-Омбо, по себе определяет Рандула»¹¹. Коллегия нашла, что просьба хана о назначении наследника „до далай-ламы ни мало не принадлежит“ и служит лишь «к предосуждению интересам ее и. в — ства»¹², почему отвергла ходатайст-

⁸ АКА, д. 1758 года, № 268, л. 111 об. Из письма канцлера гр. М. И. Воронцова к Дондук-Даши от 30 сентября 1759 года, где цитируются слова Дондук-Даши.

⁹ „Очерк“, стр. 46—47.

¹⁰ Это были: Рандул, Додби и Асарай, впоследствии крещенные и награжденные титулом князей Дондуковых.

¹¹ АКА, д. 1733 года, № 237, л. 17 и об.

¹² Там же, л. 22 об.

во Дондук-Омбо о Рандуле. В результате получилось ужасное кровопролитие среди калмыков в 1741 году после смерти Дондук-Омбо, а затем, волей правительства, последовало назначение владельца Дондук-Даши в наместники калмыцкого ханства¹³.

2

Просьба Дондук-Омбо о разрешении отправить посольство к далай-ламе, адресованная правительству в начале 1737 года, была встречена сочувственно. Разумеется, Дондук-Омбо не открывал правительству, что калмыцкие посланцы едут хлопотать о ханской грамоте и печати, и не говорил о том, что далай-лама имеет указать будущего преемника хану,—в своей просьбе он выставлял исключительно мотивы религиозного характера. Правительство не могло отказать в просьбе хана, принимая во внимание, что калмыки „в принадлежащем до закона их деле, по своему суеверию, известным образом весьма преданы“¹⁴; самое же главное,—калмыки и Дондук-Омбо были нужны по случаю войны России с Турцией: калмыцкие войска действовали и на С. Кавказе, и в Крыму. 3 марта 1737 года последовало разрешение на отправку в Тибет калмыцкого посольства, численность которого сначала была определена в 40 человек, а затем увеличена до 70 человек. Посольству предоставлялись всякие удобства и льготы¹⁵. Прежде всего, калмыкам дано было право взять с собой товаров и вещей в неограниченном количестве и везти их чрез границу беспошлинно,—прежние ограничения на этот счет снимались в виду того, что донской войсковой старшина Данила Ефремов, друг и приятель калмыцкого предводителя, 23 января того же 1737 года докладывал в коллегию ин. дел об ассигновании Дондук-Омбо на покуску разных товаров и вещей для провоза в Тибет полностью тех 10 тысяч рублей, которые были выданы ему правительством в 1736 году в награду за кубанский поход. На всю дорогу, туда и обратно, посланцам назначались подводы и корм от казны. Им давались особые провожатые, благодаря которым

¹³ „Очерк“, стр. 48—49.

¹⁴ АКА, д. 1753 года, № 237, л. 47.

¹⁵ АКА, д. 1737 года, № 89, л. 29 и об.

с калмыков снимались всякие дорожные хлопоты и заботы. Все это делалось правительством „для нынешних кон'юктур“¹⁶.

Канцлер гр. А. И. Остерман принимал непосредственное участие в обсуждении вопроса, какую дорогою удобнее будет ехать калмыкам в Тибет. По этому поводу он имел особый разговор с Абуджи, одним из посланцов Дондук-Омбо, и об'яснял калмыку, „что чрез Китай лежащая дорога—трудная и дальная“, при чем канцлер „показывал ему ландкарту“ и рекомендовал ехать чрез Хиву и Бухару, так как находил этот путь от калмыцкой степи „способнее и весьма ближе“ к Тибету¹⁷. Однако, Остерман не протестовал, когда Абуджи заявил, что калмыки все-таки предпочитают следовать к месту назначения традиционной дорогою чрез Сибирь и китайские владения. Наверное, калмыкам были известны случаи ограбления торговых караванов по пути на Хиву и Бухару, например, — каравана Гарбера в 1732 году¹⁸, и они не хотели подвергаться опасности нападения кочевников.

В другой раз Остерман раз'яснял тому же Абуджи и его товарищу Цой Раши, каким особым знаком милости императрицы является то, что калмыков велено свободно пропустить чрез „российской имперіум“, снабдить кормом, обеспечить подводами, освободить товары от таможенных сборов и т. д., но при этом настойчиво требовал, чтобы „хан Дондук-Омбо тем своим посланцам накрепко приказал, чтоб они будущего при них росейского пристава с служители от Селенгинска всемерно взяли с собою до самого далай-ламы и оттуда с собою ж привезли возвратно“¹⁹.

В число посланцов, отправляемых ханом и владельцами, правительство распоряжалось „вместить“ еще нескольких духовных лиц, состоявших в свите умершего в Петербурге в 1736 году Шакур-ламы, которые должны были отвезти в Тибет урну с пепелом Шакура²⁰. В то же число имели войти и по-

¹⁶ АКА, д. 1737 года, № 94, лл. 448—449.

¹⁷ АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 23 об.—24.

¹⁸ АКА, д. 1753 года, № 237, л. 24 об.

¹⁹ АКА, д. 1737 года, № 89, л. 42 и об.

²⁰ Там же, л. 29, см. выше стр. 198, примечание 106.

сланцы владельца Дорджи Назарова, особо от Дондук-Омбо просившего о разрешении на отправку их к далай-ламе²¹.

Имеется сведение, что в 1731 году владелец Чидан-Данжин, сын Дасанга, хлопотал об отпуске посланцов в Тибет для поминков отца, умершего в том же году, и что от 31 августа того же года последовало разрешение правительства на то. В. П. Беклемишеву коллегия ин. дел приказывала „и подводы, и корм в дорогу дать“ посланцам Чидан-Данжина, но с тем, „чтоб как мочно людей к отпуску меньше требовано было“²². Воспользовался ли владелец полученным разрешением, из документов АКА не видно. В списке посланцов 1737 года значатся два калмыка, ехавшие „для поминования Дасанга“. Но это, конечно, не служит убедительным доказательством, что Чидан-Данжину в свое время не удалось отправить к далай-ламе посланцов, о которых он просил в 1731 году, и что делал это только теперь, в 1737 году.

Окончательные переговоры по отправке калмыков в Тибет вел в Петербурге посланец Дондук-Омбо, Гевден. Он был принят на аудиенции у императрицы, „имеющуюся (к хану) милость слышать сподобился“ и был отпущен в калмыцкие улусы „с награждением“ от двора, — так писалось в грамоте к Дондук-Омбо от 17 июля 1737 г., при чем здесь особо отмечалось, что разрешение посольства хану дано „за верные службы“²³. Последнюю мысль развивал и Остерман в письме к Дондук-Омбо от того же 17 июля: при этом канцлер обнадеживал калмыцкого хана, что императрица и впрямь готова содержать его „в своей неотменной милости, якоже и ныне, по прошению вашему, с каким милостивым призрением посланцов ваших к далай-ламе отправить повелела“²⁴. Об отпуске калмыков в Тибет коллегия ин. дел давала знать астраханскому в.-губернатору, г.-м. Сойманову и обер-коменданту, бригадиру Юнгеру, самое же снаряжение калмыцких посланцов коллегия поручала царицынскому коменданту, полковнику П. Ф. Кольцову, о чем он получил указ 25 августа 1737 года.

²¹ Там же, л. 37 об.

²² АКА, д. 1731 года, № 42, л. 79 об. и л. 89.

²³ АКА, д. 1737 года, № 94, л. 451 и об.

²⁴ Там же, л. 452 и сб.

24 ноября того же года Дондук-Омбо прислал Кольцову письмо с требованием «как наискорые» отправить калмыков в дорогу и представил реестр своих и других посланцов. В реестре значилось, между прочим, 10 мальчиков, отправляемых в тибетские школы для науки²⁵. В «приставы» к калмыкам был назначен за болезнью капитана Лукя Шахматова, прапорщик самарского полка из астраханского гарнизона, Савелий Неронов, с толмачом и солдатом; он должен был проводить калмыцких посланцов от Царицына до Тобольска чрез Саратов, Симбирск и Казань. Ему была вручена денежная дорожная казна—934 р. 42 к., взятые из царицынских таможенных сборов в счет коллегии ин. дел, и дана была инструкция относительно того, какие меры принимать по части доставления возможных удобств в пути калмыкам и как обращаться с посланцами, чтобы они чувствовали себя довольными²⁶. Царицынский бургомистр Герасим Рязанов приготовил 73 подводы с подводчиками, взятые у бобылей царицынского посада, и 28 ноября калмыки выехали из Царицына на Дмитриевск (Камышин). На другой день Кольцов рапортовал в коллегию ин. дел об отправке калмыцких посланцов и писал о том же калмыцкому хану а 12 декабря переслал к Остерману от Джамбо-Джамсо письмо за печатью и при нем—ножик, в качестве презента канцлеру от главы калмыцкого посольства²⁷.

3

В грамоте от 17 июля 1737 года на имя Дондук-Омбо, между прочим, говорилось, что калмыцких посланцов будет сопровождать от Селенгинска до далай-ламы «искусный толмач, дворянин Ив. Резанов²⁸», который, как мы видели, состоял при

²⁵ Там же, лл. 1139 и 1141. От хана ехало 23 человека, с Джамбо-Джамсо и Абуджи во главе; от Четеря и его двух сыновей—4 человека; от Бая Дорджина, для поминок Лубжи, 4; для поминок Бакишурги и его сына, 4; от Галдан-Нормо—5; от Вату—1; для поминок хана (Аюки) и Гунжепа—2 попа; для поминок Шакурламы—4, для поминок эмчи-цорджи—4; от эмчи Габун-Шарапа—3; для поминок Дасаанга—2; для поминок аран-джамбо цорджи—Солом с товарищем, 2 человека; для поминок Эки-Ноюя Абгая—2. Всех посланцов, с 10 мальчиками, было 70 человек.

²⁶ Кормовые деньги рассчитывались на 60 дней, с 23 ноября 1737 года по 27 января 1738 года. Главные посланцы получали по 15 коп. в день, второстепенные— по 10 коп., третьестепенные по 5 и по 4 коп. АКА, д. 1737 года, № 87, лл. 572—573.

²⁷ Там же, лл. 570, 576, —580, 604 об.—605, 622 об.—623.

²⁸ АКА, д. 1737 года, № 94 л. 451 об.

манджуро-китайском посольстве к калмыкам в 1731 году. Но почему-то роль Резанова была передана другому лицу, толмачу Степану Савинову²⁹. Этому последнему было поручено коллегией ин. дел „выведать“ у калмыцких посланцов, «какие с ними к далай-ламе посланы хана, Дондук-Омбы и других калмыцких владельцев листы; также — не послано ль с ними листов к китайскому двору, и зачем подлинно те посланцы у далай-ламы будут, и оттуда с каким ответом отпустятся?» Кроме того, в самом Тибете Савинов должен был «разведать о власти, и силе, и о походах далай-ламы, и о владении его». Как видно, правительство, по прежним опытам, относилось с подозрением к цели путешествия калмыков на Дальний Восток и приняло возможные меры предосторожности. Мы уже знаем, что удалось узнать Савинову из разговоров с посланцами — калмыками о цели их поездки к далай-ламе, — в этом отношении он выполнил одну часть заданий коллегии. Но собрать сведения о Тибете и политических делах далай-ламы ему не пришлось, так как китайские власти не пропустили его с калмыками чрез границу.

Когда калмыцкие посланцы приехали в 1739 году в Селенгинск, и селенгинский комендант Бухольц отправил к пограничному монгольскому Тушету-хану паспорт за государственной печатью, выданный на имя Савинова, трех его служителей и 70 человек калмыков, то Тушету-хан отказал в визе, указав на необходимость предварительных сношений с Пекином по вопросу о пропуске чрез границу калмыцких посланцов и их русских провожатых. Спустя некоторое время, на вторичный запрос Бухольца Тушету-хан ответил, что из Пекина имеется указ, запрещающий пропуск калмыцкого посольства чрез границу, так как, во-первых, калмыки имеют при себе 10 мальчиков, которых намерены отдать в обучение в тибетские школы; во вторых, при калмыках едет четыре человека русских, чего раньше не бывало; в третьих, наконец, о поездке посольства в Тибет китайский трибунал не получил «листа» от русского сената.

Пришлось сообщить об этом в Петербург. 29 мая 1740

²⁹ У *Байтши-Каменского* Савинов, вопреки тексту наших документов, называется Иваном; цит. изд., стр. 240.

года из сената последовал «лист» в китайский трибунал с требованием, «дабы, по силе доброй между обеих империй дружбы и согласия, те подданные ее и. в-ства калмыцкого хана Дондук-Омбы посланцы и при них российский толмач с служители чрез земли китайского государства к далай-ламе и возвратно до российских границ пропущены были свободно». «Одновременно с этим, иркутскому в.-губернатору Лангу сообщалось, что в случае, если пекинское правительство не согласится на пропуск с калмыками Савинова, но дозволит проехать границу одним калмыкам, то «отпустить уже и одних» их, без русского провожатого. С сенатским «листом» Савинов выехал в Пекин 16 ноября 1740 года³⁰.

О препятствиях, создаваемых пекинским правительством к пропуску калмыцких посланцев чрез границу, Остерман довел до сведения Дондук Омбо. Письмо канцлера, а также письмо Джамбо-Джамсо к хану с приложением подарков: шелкового белого платка, бахчи чаю и головы сахару полковник Л. В. Боборыкин, заместивший Беклемишева по управлению калмыцкими делами, передал лично Дондук-Омбо, по силе указа коллегии, ин. дел от 13 мая 1740 года и 14 июня докладывал коллегии, какой ответ последовал со стороны хана на это неприметное известие, — он сказал, что „о пропуске его посланцев, 70 человек, за китайскую границу с российскими людьми, или и одних, будет просить впредь ее и. в-ство“³¹. Но, как мы видели, правительство и само озаботилось поддержать свой престиж, — оно уже, и без просьбы хана, послало „лист“ в китайский трибунал и дало согласие на отправку калмыков без русских провожатых.

6 марта 1741 года Савинов возвратился из Пекина в Селенгинск³² с ответным «листом» китайского трибунала сенату. Пекинское правительство отказывало калмыцким посланцам в пропуске чрез границу по таким основаниям. Во первых, несколько лет тому назад, русское правительство не разрешило проезд пекинского посольства к калмыкам³³; во-вторых, теперь

³⁰ АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 13 об.—15.

³¹ АКА, д. 1740 года, № 112, лл. 30 об.—31

³² По *Ваньши-Камеискому*, цит. изд., стр. 241.

³³ Это посольство было отправлено вслед за пос.—вом 1731 года; см. в шпе 234 стр.

правительство богдыхана вполне убедилось, что калмыцкий народ действительно состоит в русском подданстве, между тем в мирном трактате³⁴ говорится «чтоб из подданных своих государств людей послами посылать и российских людей до далай-ламы допускать не положено». Если же «которые из тех калмык наперед сего были пропускаемы»,—прибавляли пекинские дипломаты,—«и то чинено для того что оные тогда российскими подданными не назывались»³⁵.

Отказ в пропуске калмыцких посланцов чрез границу был, конечно, следствием недовольства манджуро-китайцев за то, что русское правительство отклонило просьбу китайского трибунала о дозволении приволжским калмыкам принять участие в военных операциях Китая против Джунгарии. Толмачу Савинову выговаривали в Пекине и указывали не только то, что манджуро-китайское посольство бесцельно было продержано в Кяхте три года и принуждено было вернуться обратно ни с чем, но главное — что армии, назначенной для военных действий против Галдан-Череня и уже сформированной на китайской границе, пришлось отказаться от похода, и это ввело китайцев в «не малый убыток»³⁶. С другой стороны, своим отказом пекинское правительство возбуждало у калмыков чувство недовольства против России и напоминало о тех выгодах, какие имели бы калмыки от союза с Китаем, сулившим свободный проезд в Тибет поклонникам далай-ламы в случае военных успехов в Джунгарии.

Хану Дондук-Омбо не было суждено узнать о содержании пекинского „листа“, привезенного Савиновым, — хана уже не было в живых, когда «лист» докладывался в сенате. Смерть Дондук-Омбо развязывала руки правительству, так как освобождала его от новых переговоров с китайским трибуналом, которые необходимо было бы вести, считаясь с настойчивыми домогательствами полезного и нужного правительству воинственного калмыцкого хана. За Дондук-Даши, преемника Дондук-Омбо, правительство не беспокоилось, потому что он оказался всецело в его воле и,

³⁴ Мирный трактат России с Китаем был заключен Владиславичем 14 июня 1728 года; текст договора — у *Байтши-Каменского*, стр. 365—373.

³⁵ АКА, д. 1753 года, № 237, л. 15 и об., и *Байтши-Каменский*, стр. 241.

³⁶ *Байтши-Каменский*, цит. изд., стр. 242.

при назначении в наместники калмыцкого ханства, подписал такие реверсы, которые делали его послушным орудием русской власти³⁷. Правда, Дондук-Даши скоро возбудил ходатайство о разрешении ему послать к далай-ламе своих посланцов в числе 10 человек,— он подал прошение о том 7 июля 1742 года в бытность свою в Москве³⁸, и по прошению наместника правительство согласилось вступить в переговоры с китайским трибуналом, но повело дело крайне вяло, — оно тянуло его ровно десять лет. Об этом будет рассказано, но истории сношения Дондук-Даши с Тибетом необходимо предпослать обзор сношений калмыков с киргиз-кайсаками и вновь возникших сношений у калмыков с джунгарцами, каковые сношения относятся к 40-м и 50-м годам XVIII века и по своему началу совпадают с периодом деятельности в астраханской губернии вообще и, в частности, в калмыцкой степи В. Н. Татищева³⁹. Трактацию об этом читатель найдет во второй части настоящего издания. Теперь же пока, нам остается сказать несколько слов о судьбе посланцов Дондук-Омбо, которых мы оставили в Селенгинске.

4

Прошло уже почти полтора года с тех пор, как Савинов привез «лист» китайского трибунала в Селенгинск, а калмыки сидели здесь и терялись в догадках, куда будет лежать их дорога. Из Селенгинска калмыки переехали в Кяхту и занялись торговыми оборотами с китайскими купцами. Время шло, и только 31 августа 1742 года, в связи с просьбою Дондук-Даши об отправке к далай-ламе 10 посланцов, калмыцкому наместнику дается знать о решении правительства возвратить посланцов Дондук-Омбо обратно в калмыцкие улусы. Но и это решение не особенно скоро приводится в исполнение. 13 декабря 1743 года сенат утверждает мнение коллегии ин. дел от 24 ноября 1742 года о том, что калмыцких посланцов, «за непропуском чрез китайское государство», необходимо «возвратить и отпустить чрез Тобольск и Казань в калмыцкие

³⁷ „Очерк“, стр. 50—51.

³⁸ АКА, д. 1753 года, № 237, лт. 17 об.—18.

³⁹ См. мою ст. „К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева“, в „Известиях Рос. Академии Наук“ за 1925 год, стр. 201.

улусы», и что следует запретить продажу калмыками товаров китайским купцам, дозволив продажу этих товаров только в руки русских купцов и возложив на последних уплату таможенных сборов. Калмыкам разрешалось вести торговые обороты в пределах ценности товаров на 10 тысяч рублей, включая сюда и ту сумму, на которую они прежде продали, а также «и то, ежели от них что к далай-ламе отпущено будет». За продажу товаров на сумму сверх 10 тысяч, калмыки должны были уплачивать таможенную пошлину «при возвращении из Сибири». До Тобольска они могли провести беспошлинно товаров на 3 тысячи рублей. Таким образом, прежнее дозволение, данное калмыкам, оперировать любым количеством товаров, теперь уже сильно ограничивается; в полной мере за калмыками остаются только дорожные льготы, т. е. пользование подводами и кормовые деньги от казны. По подсчетам коллегии ин. дел, на этот предмет с 1739 года по момент возвращения калмыков в степь в середине 1746 года было израсходовано 7870 руб. 89 коп.; сведений о расходах с 1737 года по 1738 год в коллегии почему то «не сыскалось». Но мы знаем, что на проезд посланцов от Царицына до Тобольска было выдано 934 руб. 42 коп., при чем кормовые деньги рассчитывались по 27 января 1738 года с 28 ноября 1737 года ⁴⁰. Таким образом, составляет уже 8805 руб. 31 коп., и остается не выясненным, сколько было издержано в 1738 году на калмыков, с времени их отъезда из Тобольска в Селенгинск. Но следует однако заметить, что в Селенгинске с калмыков взяли таможенных пошлин деньгами и товарами на сумму 11637 руб. 28 коп., чем в значительной части покрывались казенные убытки, и путевые расходы оказывались в сущности оплаченными самими же калмыками.

Непредвиденный материальный ущерб и напрасная трата времени в ожидании указания, куда ехать, составляли одну сторону дела; другой — явились неприятности выпавшие на долю главы калмыцкого посольства, Джамбо-Джамсо. По указу сената от 13 марта 1744 года, селенгинский комендант бригадир Якобий в апреле 1745 года препроводил калмыцких посланцов в Иркутск, где у в.-губернатора Ланга имелся указ

⁴⁰ См. выше, примечание 26.

о допросе Джамбо-Джамсо относительно поручений, какие давал ему хан Дондук-Омбо при отправке к далай-ламе, и об отобрании «листа» Дондук-Омбо к далай-ламе с просьбой о назначении Рандула ханским наследником. Как мы видели, Дондук-Омбо еще при жизни заявлял правительству о желании передать управление калмыками Рандулу и о возбуждении соответствующего ходатайства пред далай-ламой. Мы знаем, что правительство отвергло представление Дондук-Омбо о Рандуле, который вместе с его матерью Джан заподозрился в сочувствии к кабардинским владельцам⁴¹. Но почему же только спустя 3 года по смерти Дондук-Омбо правительство берется за разбор дела о ханском «листе» к далай-ламе и распоряжается отобрать этот предполагаемый «лист» у Джамбо-Джамсо? Вопрос о злополучном „листе“ долго не поднимался вовсе не потому, что правительство забыло о посланцах Дондук-Омбо, а потому, что возбуждать этот щекотливый вопрос в ту пору, когда астраханский губернатор В. Н. Татищев прибирал к рукам правительства непокорную Джан с ее сыновьями, значило бы подливать масло в огонь и осложнять без того трудную для Татищева задачу борьбы с семьей умершего хана, не расстававшейся с надеждами получить власть над калмыками тем, или иным путем. Только в 1744 году удалось окрестить Джан, Рандула, Асарая и Додби, выпроводив их из степи в Москву на постоянное жительство⁴². После этого правительство берется за ликвидацию истории с „листом“ Дондук-Омбо к далай-ламе о Рандуле.

В Иркутске Джамбо-Джамсо объяснил Лангу, что „листа“ к далай-ламе от Дондук-Омбо у него не имеется, — хан не посылал такого „листа“, а снабдил его только „листами“ к китайскому хану, також и к тибетскому хану“. Отобрав от Джамбо-Джамсо оба эти „листа“ и другие письма, Ланг объявил главному калмыцкому посланцу, что должен отправить его в Петербург, так как у правительства имеется основание полагать, что „лист“ к далай-ламе был послан с Джамбо-Джамсо, почему он своими объяснениями в настоящее время „вящее на себя подозрение навел“ в.-губернатора.⁴³ Однако, главного кал-

⁴¹ „Очерк“, стр. 48.

⁴² Там же, стр. 49—50.

⁴³ АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 19—21.

мыцкого посланца с пятью его товарищами довели только до Москвы, — в Петербург их не потребовали, ограничившись вопросом в московской конторе коллегии ин. дел. Здесь Джамбо-Джамсо повторил объяснения, какие давал Лангу о „листах“ Дондук-Омбо, но прибавил, что о Рандуле у него имелся словесный приказ хана, и что этот словесный приказ он должен был изложить в письменной форме уже на месте у далай-ламы и написать на тангутском языке, при том — не на ханском „бланкете“, за красною ханскою печатью, а на „порожней бумаге“, при помощи далай-ламинского писца. 5 марта 1746 года Джамбо-Джамсо подал в контору письменное объяснение, потребованное от него, и верность своих показаний подкреплял указаниями на прежнюю службу, за которую получал разные награды от правительства. Объяснение написано в крайне униженном тоне⁴⁴. В Петербурге не придали значения листам Дондук-Омбо к богдыхану и к тибетскому хану; удовлетворились и объяснением Джамбо-Джамсо. От 10 мая 1746 года последовал указ коллегии ин. дел в московскую контору на имя Топильского о том, чтобы посланца Джамбо-Джамсо „взять к себе на двор и именем е. с-ства, канцлера (А. П. Бестужева-Рюмина) оному объявить, что он, Джамбо-Джамсо, к далай-ламе от бывшего хана Дондук-Омбо отправлен был с таким проповием, которое до оного далай-ламы ни мало не принадлежит, ибо в ханы или управители калмыцкого народа никто другой кроме е. в-ства жаловать и определять не может, и хотя о сем деле надлежало бы и далее следовать, но из в-шей е. в-ства милости и в рассуждении прежней его, Джамбы-Джамсы верной службы, принадлежащей к общей калмыцкого народа пользе, то ему отпускается, и велено его отправить в калмыцкие улусы“. Посланцу возвращался и похвальный указ о службе, выданный коллегией ин. дел. Топильскому давалось указание принять меры, „чтоб о бытности того посланца в Москве, а паче о допросе его, княгиня Вера Дондукова уведомить не могла“, в виду чего он должен был вызвать к себе Джамбо-Джамсо „уже тогда, когда ко отправлению его все будет готово, чтоб потом того ж дня возможно было его и отправить“⁴⁵. Конверт с листами отобранными у калмыцкого посланца, препровождался к намест-

⁴⁴ См. Приложение 2.

⁴⁵ АКА, д. 1746 года, № 188, лл. 381—382.

нику Дондук-Даши при письме канцлера от того же 10 мая. В своем письме Бестужев-Рюмин в общих чертах передавал историю отправки ханом Дондук-Омбо посольства к далай-ламе и, в поучение наместника, подчеркивал незаконность домогательств прежнего хана о Рандуле. К сведению же наместника, прилагалась копия объяснений Джамбо-Джамсо в коллегия ин. дел, а о калмыках, находившихся в Иркутске, сообщалось, что они будут пересланы в калмыцкую степь чрез Казань⁴⁶.

При отправлении Джамбо-Джамсо из Москвы в степь, калмыкам было дано две подводы, а кормовые деньги были ассигнованы в гораздо меньшем размере против того, сколько получали посланцы в 1737 году: Джамбо-Джамсо было назначено по 5 коп. в день, а его пяти спутникам по 2 коп.; конвоировавший их унтер-офицер получал по 3 коп. в день. Калмыков было приказано доставить сначала в Царицын к полковнику Н. Г. Спицыну, управлявшему калмыцкими делами, а затем из Царицына — в Енотаевскую крепость⁴⁷, где имел тогда местопребывание калмыцкий наместник Дондук-Даши.

П Р И Л О Ж Е Н И Я.

1 АКА, д. 1753 года, № 237, лл. 15 об.—17.

Из «Выписки по прошениям наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши о пропуске посланцов его к далай-ламе, сочиненной в июле 1752 года» в коллегии ин. дел:

«Толмачь Савинов в бытность свою при тех калмыцких посланцах (Дондук-Омбо) наведася:

1-е, что от хана Дондук-Омбы чрез посланца его, Джимбу Джамсу в бытность у далай-ламы в подтверждении данного ему, Дондук-Омбе, ханства благословенною грамотою от оно-го далай-ламы произошло бы (л. 15 об.) не без прошения, понеже калмыцкий народ ханство калмыцким владельцам навязце узаконяют от далай-ламы.

⁴⁶ Там же, лл. 379—380.

⁴⁷ Там же, л. 378.

2-е, что хана Дондук-Омбы и калмыцких владельцев посланцы в бытность бы у далай-ламы при исправлении духовных дел имели должность, по обыкновению своему, представить ему, далай-ламе, что ныне имеется в жизни Аюки хана детей, племянников и внучат и по об'явлении того регистра, ежели б показалось оному далай-ламе кого за достойного, по рассмотрению своему, избрать и в ханы определить, то б для об'явления калмыцким владельцам и всему народу в их улусы (л. 16) от него, далай-ламы, и грамота прислана была, почему б калмыцкой народ такого хана, яко по благословению их бога удостоенного, должен иметь в почтении.

3-е, что калмыцкие владельцы между собою по совести своей Дондук-Омбу за действительного хана, за тем, что ему того от далай-ламы было не подтверждено, признавать не могли, а только почитали оного главным владельцем, в разговорах же с российскими начальники посланец Джимба-Джамсо называл оного Дондук-Омбу ханом, такожде и в письменных пересылках внутри российского государства писали оного ханом же, а в случае с мунгальскими посланцы Джимба-Джамсо в разговорах (об.) на калмыцком языке оного Дондук-Омбу называл владельцем, такожде и в письмах к мунгальскому Тушету-хану писал владельцем же» (л. 17).

2. АКА, д. 1746 года, № 188, лл. 383—386.

«Перевод с письма калмыцкого посланца Джимбы-Джамсы, которое при доношении из Москвы из конторы от 6-го здесь, в коллегии иностранных дел получено 12-го марта 1746 года.

По указу всепрсветлейшия и всемилостивейшия государыни, ее и. в—ства государственные внутренние и внешние дела управляющей коллегии к далай-ламе отправленной посланец Джимба-Джамсо, колени преклоня, всепокорно истинную доношу.

Когда иркуцкой вице-губернатор, призвав меня из Селенгинска в Иркутск, требовал от меня листов, отправленных со мною к китайскому хану и к далай-ламе, и я тогда ему представлял, что у меня к китайскому хану, також и к тибетскому хану листы имеются, а к далай-ламе за печатью листов не имеется. На что (л. 383) он мне об'явил,

чтоб я означенные к двум ханам листы ему отдал, и что ему, в.-губернатору, указом дано знать, яко есть у меня о учинении Рандула ханом к далай-ламе лист за красною печатью, и велено ему тот лист прислать ко двору, которого он от меня и требовал. На что я ему, по самой моей истине, представлял, что у меня к далай-ламе писем за красною печатью не имеется, а при том означенные к двум ханам листы, також и другие о разных делах письма, все ему, в.-губернатору, отдал и представлял ему, чтоб о том взял от меня сказку на письме за рукою моею. На что он мне об'явил, что о взятии у меня сказки в указе к нему не писано. И я ему на то сказал (об.), что у меня кроме вышеозначенных писем других не имеется, а в прочем состоит его воля. Пютом он об'явил мне, что ежели у меня о Рандуле листа за красною печатью не имеется, то он отправит меня в Сачктпетербург, куда меня и отправил. А что ныне полученным мною из коллегии ин. дел указом повелено мне об оном самую правду написав прислать, и я как наперед сего в.-губернатору правду об'явил, так и ныне сущую правду, колени преклоня, всепокорно доношу, что Дондук-Омбо сам устно приказывал мне, чтоб я далай-ламе, будучи тамо, написав, донес, яко он, Дондук Омбо, во время жизни его торгоутским народом владеть будет сам, а по смерти бы его (л. 384) он, далай-лама, из трех сыновей его одного, которого счастливого и доброго к правлению торгоутским народом назначил. А окроме того другого никакого словесного приказа не имею. И то — самая моя истина. Что же указом повелено мне ежели и еще о делах Дондук-Омбинных какие письма у меня имеются, или за его печатью бланкеты, оные прислать в коллегию, и на оное допосу, что у меня кроме отданных в.-губернатору других никаких писем нет, також и бланкета со мною ни одного не послано в рассуждении того, что при далай-ламе такое обыкновение: когда кто к нему, далай-ламе, приедет, и тамо чрез его собственнаго писца о поминовении мертвых и о потребностях живых людей, також и о других всяких делах, без печати, на поужней (об.) бумаге написав, доносят, и для того и у меня никакого бланкета не имеется. И о таком обыкновении знающие люди доказывают, что ему, далай-ламе, и всяких наших делах доносится тангутским письмом и языком, и подают без печати. А от далай-ламы все воспоследовавшие указы обыкновенно бывают за печатьми.

При сем всепресветлейшей государыне, ее и. в-ству, я, низжайший Джимба-Джамсо, колени преклоня и земно припадая, довошу: напред сего, когда у торгоутов произошло междоусобие, и Дондук-Омбо, все торгоутские улусы забрав, пребывал на Кубани, и когда в 1734-м году, по указу в. г-ни им-цы, Данило Ефремов прислан был на Кубань, и Дондук Омбо (л. 385) в. г-ни указ принял со всепокорнейшим благодарением и отправил меня с письмом своим при помянутом Даниле Ефремове, с которым и я удостоился быть пред ее в-ством, г-нею, и, получа милостивой указ за печатью, отвез к Дондук-Омбе, которой тот указ со всепокорнейшим благодарением принял и, ни одного человека на Кубани не оставая, перешол к Волге. По переходе же к Волге, помянутой Дондук-Омбо паки отправил меня ко двору ее в-ства г-ни, и за то всем-шая г-ня им ца соизволила пожаловать мне, такому малому животному, всем-шее и довольное жалованье. Також и за показанную мною в тех двух (об.) посылках верную и добрую службу соизволила повелеть — дать мне из коллегии ин. дел всем-ший указ, которой мне и дан. И я, видя такую в. г-ни высочайшую к себе милость и жалованье, о вашем, в. г-ни, здравии молю богов и хотя, будучи внутри вашего, в. г-ни, империя малым животным, однако и еще наивяще прежнего со всяким моим радением служить желаю и при том вышешоказанные мои нынешние поступки предаю в ваше, от бога избранной всех общей и всем-шей государыни и господа им-цы Елизаветы Петровны, высочайшее, соизволение. Сие писано 5-го марта 1746 года. Джимба Джамсо» (л. 386).

2 сентября 1926 года.

I. Указатель собственных имен.

<p>Аблай-гайши 31
Абуджи 242, 244.
Абян 134.
Агафонов, В. К. 21.
Адагадай 16, 26.
Адамович, Б. 222.
Ацдар-Омбо 77, 153, 161, 162, 176,
181, 182, 190, 191.
Али 34.
Алянчинов, Н. 79.
Аму-Гоуланг хан,
кит. богд. (Амуланг-
хан, Амулуту-хан,
Малумту-хан) 20, 21, 23, 85, 88, 103,
106, 112, 121, 138.
Амурсана 14.
Анна Ивановна 99, 121, 127, 210.
Антипин, поруч. 153.
Апостол, укр. гетм. 127.
Апраксин, П. М. 17.
Арабжюр (Рабжюр) 13, 14, 16—18, 24, 27,
29, 30, 36, 37, 41,
45—47, 103, 105, 108,
166, 167, 184.</p>	<p>183, 191, 193, 194
195, 197, 198.
Балдан-Габду 78, 114.
Балзаиг 113.
Бадлод, Ф. В. 35.
Бавтыл-Камен-
ский, Н. Н. 13, 14, 17, 18, 19, 24,
27, 44, 55, 68, 82, 87,
91, 101, 105, 111, 117,
120, 123, 150, 166,
172, 186, 198, 200,
236, 237, 245—247.
Барятинский, И. Ф.,
кн., г.-л. 81, 82, 85, 86, 88—92,
102, 217, 221—233.
Бату, сын Чак-
доржана 220, 221, 244.
Бату Менко 134.
Батур, дж. х.-т. 10—12.
Батур-Омбо 78, 91.
Батырь, кирг.-кай-
сьцк. султ. 3.
Бахметев, И. П., 66, 67, 74, 77, 79, 208,
209.
Бахта-Гирей, куб.
султ. 74, 106, 208.
Байлунь 35.
Бекетов, П. А. 15.
Беклемишев, В. П. 64, 66, 67, 70—72, 74,
77, 79, 80, 91, 93—
100, 106, 120, 121,
124, 132—136, 138—
140, 145—156, 158—
165, 167—170, 175—
185, 187—189, 192—
199, 202—205, 207,
208, 212—216, 218—
220, 243, 246.
Бекевич (Черкас-
ский) А, кн. 22, 106.
Бектемир 64, 65, 201.
Бель-Гара, султ. 194, 197.
Берке, хан 34, 35.
Вестужев-Рюмин,
А. П. 251, 252.
Билютка 58, 59
Витюскун 118.
Воборыкина, Л. В.,
полк. 246.
Богданов, М. Н. 13.
Богословский М. М. 14.</p>
<p>✓Асарай (кн. Дян-
дуков) 240, 250.
Асхай 122, 124, 137, 149, 153,
166, 163.
Аюка хан 10, 11, 13—30, 32,
35—52, 54—57, 59, 68,
73, 76—79, 83, 94, 96,
108, 113, 122, 127—
129, 135, 142, 154—
156, 158, 159, 161,
165—167, 171, 173,
179, 197, 201, 203,
205, 209, 211, 217,
219, 225, 235, 244,
253.</p>	
<p>База-бакши 52.
Бай Дорджин 115, 244.
Байбагус 36.
Бакадай-Дорджин
(Петр Тайшин) 219, 220, 225.
Бакунин, В. М. 14, 33, 54, 58, 59, 67,
79, 81, 82, 86, 89, 90,
100, 108, 119, 120,
122, 124—147, 149,
150, 152, 160, 168.</p>	

- Богоявленский,
С. К. 4.
- Бодаш 166.
- Божака 239.
- Бокшурга 74, 244.
- Бордон 157.
- Бороздин, П. Н. 35.
- Брюхов, подп. 88.
- Брянчанинов,
поруч. 81.
- Бундук 112.
- Бура 227, 229—331.
- Бухольц, полк. 87, 91, 245.
- Бюкюнгин-лама
(Зюманг-лама) 50, 51, 166, 167, 184.
- Вахтанг Леонович,
гроз. царь 127.
- Везелев, М. 132, 134, 135, 153.
- Везелев, Сп. 160, 161, 180, 181.
- Веселовский, Н. И. 1, 2, 55, 70, 211.
- Владиславич (Ра-
гузинский), С. Л. 18, 131, 247.
- Власов, Г. 79.
- Вольнский, А. П. 25, 50, 56—65, 69, 71,
105, 118, 128, 201,
202, 239.
- Воронцов, М. И, гр. 240.
- Вражский, Про-
копий 4.
- Выйджи 40.
- Выходцев, Л. 123, 149.
- Виземский, Н., кн. 106.
- Габун 161.
- Габун-Шарап 5, 6, 244.
- Гадарин, М. П. 23.
- Гауунг 209.
- Галдан, дж х.-т. 10, 12, 13, 170, 171.
- Галдан-Давжин 63, 73, 78, 84, 88—90,
94, 97, 115, 116, 163,
184, 188, 189.
239, 240, 244.
- Галдан Нормо
Галдан-Черень,
дж. х.-т. 14, 68—73, 119, 120,
173, 174, 188, 209,
212, 215, 234, 247.
- Галдан-Черень,
сын Аюки 77, 78, 83.
- Гандаша 140, 141, 145, 153,
160, 161.
- Гарбер 242.
- Гева 39.
- Генден 202, 204, 205, 243.
- Гендигирей-Даши 148.
- Гераклигов, А. А. 1—4, 7.
- Глазунов, И. 18, 123, 150.
- Гневушев, А. М. 3.
- Голицын, М. М., кн. 71, 72, 158, 202, 204,
208.
- Головкин, Г. И., гр. 76, 210, 211.
- Голстунский, К. Ф. 13, 24, 25, 163, 183,
- Гоманг 113.
- Гомошин, С. 79.
- Горюзяп 122, 124, 130, 131, 144,
149, 153, 164, 167, 170,
186, 217, 222.
- Григорьев, В. В. 2.
- Гунбу-Чуван 122, 124, 149, 153, 170.
- Гунга-Дорджи 148, 163, 168, 184.
- Гунжеп 244.
- Гурий, архим. 14.
- Гуши 12.
- Дабачи 14.
- Дазонг-лама 85, 103, 108, 112.
- ~~Дамба 108, 109, 110.~~
- Дамбо-Дорджи 190, 191.
- Дамри 208.
- Давбу 57.
- Давжин 66, 207.
- Давжюн 103—105, 108.
- Дарма-Балта 11, 15, 21, 36, 37, 44,
54—61, 63—65, 67,
69—74, 76—79, 84
86—88, 94, 95, 100,
108, 111, 112, 114—116,
140—142, 144, 148,
153, 156, 161—164,
168, 169, 176, 180,
181, 184, 186—192,
194, 197, 198, 203,
204, 207, 208, 210,
220, 222, 224, 228,
234.
- ✓ Дархан-гецюль 114.
- ✓ Дархан-Омбо 156, 158, 167.
- ✓ Дархан чин-ван 187.
- Дасанг 51, 52, 54, 58, 60, 61,
64, 65, 113, 116, 201,
219, 220, 243, 244.
161, 163, 213, 214.
- ✓ Денжин 36, 48.
- ✓ Джал
- ✓ Джамбо (Джимбо)-
Джамсо 239, 244, 246, 249—
253, 255.
- Джан (кн. В. Донду-
кова) 48, 239, 240, 250, 251.
- Додби (кн. А. Ф.
Дондуков) 240, 250.
- ✓ Донба 20.
- Дондук-Даши, хан 5, 13, 48, 157, 225,
227, 228, 240, 241,
247, 248, 252.
- Дондук-Омбо, хан 48, 51, 52, 60, 63,
66—69, 71—75, 78,
81, 87, 97—100, 106,
107, 115, 120, 203,
204, 207—210, 216,

219--222, 226, 228,
230—234, 238—255.

Дорджи Назаров 59—63, 65, 74, 77,
79, 82—89, 92, 93,
101, 103—109, 111,
112, 115, 116, 148, 163,
166, 193, 194, 196,
197, 204, 243.

Джаппбек ✓ 35.

Джап 140.

Джап-Данба-Дорд-
жи 153.

Долгоруков, М. Б.,
кв., sib. г-р 67.

Повир-аран-джамбо 103, 104, 107, 109,
110, 113—115, 235.

Дорджи-Араптань 11, 36, 44, 45, 179,
193, 217.

Дорджи-Баянг 231.

Дорджи-гецюль 78.

Достек 23.

Дугар 56, 57.

Дульский, П. М. 35.

Лушан, У. Д. 239.

Дядю-Гурбан-Эр-
дени 112—116.

Екатерина I 55, 56.

Еке-Абугай 63—68, 73, 74, 206.

Елизавета Петров-
на 255.

Есей 56, 57, 60.

Ефремов, Д. 97—99, 239, 241, 255.

Замьян ✓ 15.

Замьянг-гелен 113.

Зая-Пандита 10.

Зерге 231.

Зунда Акимов 71.

Зюнкебай (Зункава) 183.

Ииббатута 34—36.

Иванов, А. 181, 203, 214.

Иванов, М. Ф. 20.

Иванов, С. И. 92.

Ивашка, сын Хула-
Хайчи 159.

Измайлов, И. П.
астр. г-р. 93, 96, 98, 99, 120—
122, 132—136, 138,
139, 146, 147, 227, 232,

Цажа 57.

Индын 9.

Ивьджан 10.

Иткуджджук 34.

Иши 37, 169, 175, 185.

Иши-Сойбон 148, 178.

Кабак 35.

Кая-Хи, кит. богд. 27, 172.

Кануков, Х. Б. VI.

Карачипцев, А., по-
руч. 81, 88.

Карвин, Л. К. 237.

Керейтов, Б. 22, 23, 31.

Керейтовы, братья 22, 135.

Кичик 112.

Козьмин, Н. Н. 13.

Кольцов, П. Ф.,
полк. 81, 94, 243, 244.

Корсаков, Д. А. 58.

Котвич, В. Л. 5, 10, 16, 21, 23, 36,
49, 157, 198.

Кулев 159.

Курбатов, П. 131.

Кюделеуг-Убуши 10.

Лауг, ирк. г-р. 246, 249—251.

Лебедев, И. 125, 126.

Лебединский, А. А. VI.

Левенвольд, гр. 118.

Левитская, А. В. VI.

Лекбей 58, 59, 75.

Лещ, поруч. 26.

Ликдан 12.

Лозан-хан (тиб.) 171.

Лори 78.

Лорой-Замбо ран-
джамбо 113.

Лоузан-Джамбо
(Джимбо) 211, 218, 231.

Лоузан, сын Хо-
Орлока 4, 5, 6.

Лоузанг-гецюль 101, 109, 115.

Лоузанг-Данжин,
г-р Кудунора 172—174.

Лоузанг-Шуну 70, 71, 74, 85, 110,
115, 119, 120, 147,
149, 152, 167, 168,
185, 186, 193, 201
—219, 221—230, 232
—236.

Лубжа 61, 62, 85, 99, 106
—108, 113, 244.

Любомиров, П. Г. 3.

Магомет, тур. султ. 131, 147.

Мазан-Батур 25.

Майский, И. 13.

Мамут 66, 206.

Мамут, Аржасанов
сын 65, 66.

Мая-Джюршин хан 113, 183.

✓ Мандай 122, 124—131, 134,
137, 141, 149, 153,
160, 164, 166, 170,
174, 175, 183, 185, 186,
189, —191, 197, 199,
213, 236,

Манштейн 16.

- Матюшкин, К., прап. 232.
 Мевгден, И. А., астр. г-р 209, 227.
 Мергенъ-Бедри 106.
 Миван 77.
 √ Минг 186.
 Митрофанов, Ф. Л. 59, 60.
 Мишка, сын И. Некрасова 208.
 Мояколон 50—52.
 Назар Мамутов 13, 14, 24, 83, 166.
 Назаров, В. 132.
 Наджун 112.
 Намки-гелень 21, 78—80, 83—100, 108—111, 114, 116—118, 148, 156, 158, 159, 180—182, 188—190.
 Намки-Ревцен 114.
 Наая 16.
 Некрасов, И. 208.
 Неровов, С., прап. 244.
 Нефедьев, Н. 4, 6, 47—49, 56, 63, 91.
 Новолетов, М. Г. 20, 128, 220.
 Нурадны 4.
 Оболдуев, полк. 125, 126, 129, 130.
 Окулов, И. И. кап. 133, 134.
 Олдоксон 66, 202, 203.
 Остерман, А. И., гр. 242—244, 246.
 Очиргу-Цецен (Чечень)-хан 11, 36, 45, 171, 179, 217.
 Паллас, П. С. 5.
 Петр I 14, 33, 42, 46, 55, 59, 79, 219.
 Петр II 76, 209, 210.
 Пин-Сиван 29.
 Платонов, С. Ф. VI.
 Плотников, Ф. 82.
 Позднеев, А. М. 52, 102, 109, 114, 163, 164.
 √ Попов, Гр. 61, 62, 67, 68, 73, 79, 80.
 √ Попов, Н. А. 10, 105.
 Потапов, Д. А. 195.
 Православлева, А. И. 198.
 Рандул (кн. Дондуков) 239—241, 250—252, 254.
 Раши-Рапцанъ 113.
 Резанов, И. 123, 137, 141, 144, 145, 159, 160, 162, 215, 244, 245, 204.
 Рокхиль, В. В. 21.
 Россохин, Л. 26, 68.
 Рябинин, И. С. 4.
 Рязанов, Г. 244.
 Савинов 87, 238, 240, 245—248, 252.
 Сайн-Ноин 12.
 Салим-Гирей 208.
 Самсонов, Я. 82, 89, 231.
 Самтан 14, 16, 19, 26, 39, 49, 81, 82, 91, 128, 145, 148, 156.
 Самтанъ 209, 210.
 Санджи 81, 82, 91.
 Санджи-дарга 159.
 Санжии 13, 14, 16, 54, 117, 173, 174, 178, 184.
 Сенко 66, 206.
 Сетер-Джан 11, 13, 68—70, 201.
 Синжя хан, кит. богд. 165, 166.
 сКал-бсагг-ргГы—мцо, д.-лама 164.
 Соднам 112.
 Сордонас-Бонцок 85, 107, 113.
 Соимонов, г.-м. 243.
 Соловьев 199.
 Соловьев, А., прап. 91, 92, 94.
 Соловьев, С. М. 86, 105, 131.
 Солом, дорджи 244.
 Солом-Дорджи 163, 168, 184.
 Солом-Церен-тайши I
 Соном 167, 186, 216, 217.
 Соном-Дежалу 113.
 Сохур-Менко 65, 201, 205.
 Спицын, Н. Г., полк. 252.
 Сумин, А. 152, 165, 170, 180, 182, 183, 199.
 Сундук 60.
 Сувор, П., поруч. 71, 202.
 Суворцев, унт.-оф. 14, 19.
 Та-аран-джамбо 114.
 Тай-дзу-Хуанди, кит. богд. 28.
 Тай-дзу-Хуанди, кит. богд. 28.
 Тала 54.
 Тараканов, г.-м. 82, 85, 86, 92, 232.
 Татаринев, Я. 61, 205, 206, 208, 209.
 Татищев, В. Н. 10, 105, 157, 158, 248, 250.
 Тахту 205.
 Телей 174.
 Тизенгаузен, В. Г. 34, 36.
 Тиханов 1, 2.
 Токто 54, 63, 64, 66, 202.
 Топильский 251.

- Тениг (Манжу) 186
Тулишен 13, 16, 18, 21, 23, 24,
26, 27, 30, 36, 41, 42,
45, 48, 68, 129.
Түшөтү-хан 12, 229, 245, 253.
Тюмень 25.
- Убуши, нам. 5.
Угримов, С., кап. 91, 92.
Узбек, хан 34, 35.
Умзат-гелень 113.
Унзат-гелень 107.
Унковский, И., кап. 55, 70.
Ургяда 113.
Уруджа 34.
Успенский, Ф. И. VI.
- Федотов, П. 5, 6.
Фишер 9.
Флоринский, В. М. 13.
Флоров, И. 123, 162, 179, 216, 217.
- Хабун 46.
Хаглышев, М. М. VI, 20, 222.
Харумший 148.
Хашка 220.
Хлебников, П. X. 3, 32.
Хо-Орлок 1, 3—10, 24, 25, 186.
Хонтин, кит. богд. 165.
Хошот-Дондук 59, 75, 220.
Худяков, П. И. 17.
Худошин, В. С., кап. 88.
- Цаган-Замсо 19, 108.
Цаган-Заму 45.
Цеван-Рагтан 11, 13, 15—19, 29, 37,
41, 55—57, 59—64,
66—70, 72, 85, 109,
110, 117, 118, 166,
167, 171—173, 201,
204, 205, 211, 215,
233—235.
Церен-Дондук 25, 36, 44, 45, 56, 57,
60, 62—65, 67, 69, 70,
72—74, 76, 78, 80—
86, 88—90, 92—100,
105, 115—118, 121—
123, 132—142, 144,
147, 148, 150—153,
155, 156, 158—165,
167—170, 175, 178—
182, 184—199, 204—
208, 210, 219—227,
230, 232.
Цецен-гезень 97.
Цой-гачюль 81, 82, 84, 91, 92, 94,
103, 104, 108, 109.
Цой-Раши 242.
- Цой-Телей 81—84, 88—92, 94, 99,
102—105, 107, 108
115, 116.
Цойрек 104, 105, 115.
Цян-Лун, кит. богд. 197.
- Чакдоржап 19, 20, 23, 36, 44—49,
51, 53, 65, 83, 201,
219, 221, 225, 227.
Черень 74.
Черень-Балзан 203, 216, 222, 228.
Черень-Джап 233, 118, 119.
Черень-Дондук
(джунг) 70, 109, 111, 114.
Чернокунин, М. 79.
Четерь 65, 74, 75, 115, 163,
244.
Чидан-Данжин 243.
Чингис-хан 11.
Чириков, М. И. 16, 19, 20, 22, 23, 46.
Чита 57.
Чонов, Е. Ч. 98.
Чудинов, Т. 123.
Чюрюм-Аренцев, Г. 195.
- Шажу 212.
Шакур-лама 50—54, 75—79, 85, 93,
95, 97, 99, 105, 107—
110, 113, 114, 148,
152—156, 158, 161—
164, 167—170, 175—
182, 185—189, 193,
198, 199, 202, 203,
220, 242, 244.
Шанжин 224.
Шарап-Данжин 79, 82—84, 86, 89,
91—93, 103, 111, 112,
116.
Шафи 34.
Шахматов, Л., кап. 244.
Шахматов, С. 61, 62.
Шаховской, А. И.,
ген. 118.
Шевчей 1.
Шемахи хан 194, 197, 206.
Шничер, И. X.,
кап. 23, 24, 26, 30—33, 36,
41, 48.
Шуйский, В. И. 1, 3.
Шукур-Дайчин 5, 9, 10.
Шунь-Чжи, кит.
богд. 12.
- Эваницкий, К. И. 46, 47.
Эйденг 4.
Эки-Воюн-Абгай 244.
Эльмелик Эзахыр,
егип. султ. 34.

Кавказ	33.	Новый Сарай	35.
Казань	13, 14, 24, 35, 45, 71, 80, 118, 169, 198, 202, 248, 252.	Нюмонь, р. (Нюмань)	38.
Байгород	24.	Озерский Умет, с.	130.
Каменный Яр	220.	Ологой, оз.	12.
Карахотон	27.	Орь, р.	4.
Каспийское море	75.	Пекин	11—14, 16—19, 21, 24, 27, 28—30, 36, 40 —43, 45—47, 50, 54, 55, 63, 76, 82—89, 91, 93—95, 97, 99—103, 105, 107—111, 113, 116, 118, 119, 122, 126—128, 142, 165, 168, 170, 172, 174, 175, 199, 200, 212, 218, 234—236, 245— 247.
Керелюн, р.	171.	Пенза	124, 125.
Китай	12—21, 24, 29, 39, 42, 43, 50, 54, 55, 63, 72, 78, 82, 85, 87, 102, 113, 110, 120, 122, 123, 128, 129, 131, 144, 155, 167—170, 172, 173, 175, 185, 186, 197, 211—213, 219, 221, 222, 233— 238, 247.	Персия	1, 32, 46, 131, 237.
Корея	39.	Петербург	7, 13, 14, 16, 20, 21, 34, 52, 55, 92, 104, 105, 198—200, 242, 243, 245, 250, 251.
Красный Яр	22, 59, 220.	Петровск	124.
Крым	237, 241.	Пятигорск	98.
Кубань	74, 78, 97, 106, 221, 232, 237, 238, 255.	Рига	232.
Куку-Нор, оз. (Ко- ко-Нор, Коконур)	11, 12, 21, 108, 171, 172.	Россия	2, 14—16, 18, 32, 33, 36, 43, 53—56, 58, 62, 63, 68—70, 82, 84, 86, 87, 97, 101, 102, 106, 111, 117, 118, 122, 126—130, 133, 137, 144, 151, 155, 159, 169, 181, 187, 188.
Кула	174.	С. Кавказ	238, 241.
Кума, р.	74, 75, 221.	Сал., р.	74.
Бяхта	80, 84, 101, 247, 248.	Самара	1, 2.
Мажары	34.	Сарай	2.
Манджурия	37—39.	Сарайчик	2, 3.
Маньч	74.	Саратов	1, 3, 20, 24, 40, 45 56, 57, 61, 71, 75, 77, 79, 80, 91, 92, 120, 124, 131—137, 139, 140, 142—144, 146, 148—150, 167, 190, 192—195, 218, 220, 244.
Мечетная крепость	82, 102.	Сасколи, ур.	220.
Монголия	V, 9, 11, 12, 15, 21, 46, 54, 63, 69, 82, 84, 85, 102, 109, 163, 166, 171, 173, 187, 197, 200, 207, 209, 211, 216, 217, 222, 233— 235, 237, 238, 241, 247.	Саурав, г.	59.
Монтохой, ур. (Ма- нутохай)	24, 25, 45.	Селенгинская до- рога	91.
Москва	1, 3, 4, 7, 10, 18, 53, 59, 90, 92, 97—99, 101, 117, 118, 121— 127, 129—131, 137, 142, 144, 150, 151, 156, 170, 186, 192, 248, 251—253.	Селенгинск	17, 24, 80, 91, 94, 101, 102, 187, 242, 244, 246, 248, 253.
Мугден (Шин-Гин)	28.	Селитрянное, с.	220.
Муром	124.		
Нарым	24.		
Нимруд	34.		
Нингута	28.		
Новый поселок	195.		

Сибирь	1, 29, 39, 41, 46, 90, 249.	Узеньское урочище	62.
Симбирск	24, 198, 244.	Украина	127.
Соликамск	24.	Улан-Хак, ур.	74.
Старый Сарай	35.	Урал, р.	2, 3, 14, 58—61, 63, 64, 69, 71, 105, 201.
Суздаль	91, 92.	Ургенч	1
Сургут	24.	Харьков	71, 202.
Тайшкент	59.	Хива	22, 106, 242.
Тарбагатайские горы	9.	Ховгор, ур.	59.
Тибет (Тяби-Отту)	V, 10, 12, 13, 18, 21, 42, 46, 47, 50, 53, 76—79, 82—85, 87, 90, 91, 98—100, 102, 105, 107—109, 167, 169, 171, 189, 238, 240—243, 245, 247, 248.	Ху-Гуан	38.
Тобольск	23, 24, 46, 58, 66—68, 73, 74, 77, 80, 81, 91, 94, 97, 101, 105, 117, 118, 124, 142, 151, 152, 154, 169, 195, 214, 244, 248, 249.	Царицын	17, 24, 25, 81, 82, 88, 89, 92, 94, 98, 124, 132—136, 150, 208, 220, 226, 230, 231, 244, 249, 252.
Томское ур.	208.	Цицигар	28.
Тургай, ур.	63.	Черевава, р.	139.
Туринск	24.	Черный Яр	75, 225, 227.
Тургульская дорога	174.	Швеция	131.
Турфан	171.	Шемаха	23.
Турция	130, 131, 241.	Шибэгыни-улан-бу-ра, ур.	9.
Тюмень	24.	Эмба, р.	1, 2, 4, 64, 66.
Тюркустан	59.	Ясу	59.
		Яик, р.	1, 4, 5, 58, 59, 61, 133, 205.
		Яицкий городок	206.

